

MGIMO
UNIVERSITY

ISSN 2071-8160

МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ

ВЕСТНИК МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 • 2008

Эпоха и личность: штрихи к политическому портрету вождя

Любопытный факт – по мере нашего удаления от той эпохи не прекращаются, а разгораются с новой силой споры о Сталине, который остается одной из самых неразгаданных фигур прошлого века. Если его деяния – как преступления, так и заслуги – стали теперь хорошо известны, то сама личность великого диктатора продолжает оставаться покрытой завесой таинственности. Историки разных стран так и не могут прийти к согласию в вопросе о том, что же все-таки двигало Сталиным, кем же он был на самом деле – романтиком мировой революции, советским империалистом или просто циничным прагматиком? И даже - был ли он злым гением (как считало большинство его западных современников и партнёров) или политической посредственностью, результаты деятельности которого, особенно во внешней политике, зачастую оказывались противоположны его исходным целям (как представляется сейчас многим зарубежным историкам) ?

Новые документы из сталинского и других архивов, хотя и не решают окончательно этих вопросов, всё же дают свежий материал для размышлений, добавляя новые штрихи к уже известному портрету.

«Государство – это я»

Этот крылатый афоризм, приписываемый Людовику XIV, с гораздо большим основанием мог бы изречь о себе Сталин. Ведь он был не просто очередным носителем российской государственности, а создателем нового, невиданного в истории типа государства. Если Ленин был основателем партии большевиков и вождем Октябрьской революции, оставившим после себя общий и во многом еще смутный план советского государства, то Сталин развил и воплотил этот план в жизнь. Великий теоретик и практик строительства социализма – таким он воспринимал себя сам и таким хотел войти в сознание своих подданных, да и

остального мира. «Никто в мире не руководил такими широкими массами, – надиктовывал Сталин начальникам Агитпропа тезисы для готовившейся «Биографии товарища Сталина» (на совещании 23 октября 1946 г.) – Учение о постоянных факторах. Учение о победе коммунизма в одной стране. Учение о коллективизации, индустриализации. Учение о государстве»¹.

Отождествление себя с государством усиливалось тем, что СССР для Сталина был не только главным детищем, но и как бы гигантским продолжением самого себя. Пожалуй, ни одно великое государство мира не создавалось в такой степени по образцу и подобию одного единственного человека – человека феноменальной подозрительности и жестокости, но и столь же редких способностей к единоличному управлению огромной страной – от редактирования газетных статей и художественных произведений до постоянного контроля за выполнением сложнейших военных и технических программ.

В созданной Сталиным управленческой пирамиде только он принимал решения по существенным вопросам, только к нему стекалась вся огромная информация о положении в стране и в мире, нередко включавшая и мелочи, которые привычно «отфутболивались» на «самый верх» боящимися ответственности подчиненными. Так, осенью 1950 г. МИД докладывает ему о драке подвыпившего сотрудника посольства США с московским дворником, и о попытке другого американского дипломата провести через границу 130 кг картофеля, запрещенного к ввозу в СССР.

Сталин следил за всем и всеми, прекрасно понимая, что без его «всевидающего ока», без постоянных встрясок и наказаний провинившихся созданная им властная вертикаль неизбежно атрофируется. Приходилось держать в поле зрения работу сотен и тысяч советских чиновников и организаций, постоянно вскрывая «проколы» в самых различных областях. Вот несколько типичных примеров.

В сентябре 1948 г. Сталин во время своего отпуска на юге шлет указание Политбюро перепечатать во всех газетах письмо родственников Льва Толстого «против шпионки Толстой в Америке» (антисоветская деятельность главы

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), Ф.629, Оп.1, Д. 254, Л. 24.

«Толстовского фонда» в США, дочери великого писателя Александры Львовны Толстой вызывала большое раздражение в Кремле, в связи с чем МГБ инспирировало данное письмо, первоначально опубликованное в «Литературной газете»). Тут же Сталин, не полагаясь на профессиональных журналистов, диктует и форму подачи этого материала: «Нужно дать шапку вроде: «Протест членов семьи Льва Николаевича Толстого против шпионской деятельности изменницы Родины А.Толстой». «Литературная газета» не дала шапки, так как в этой газете сидят крайне неопытные и неумелые газетчики»². Именно с такой шапкой вышли через день все центральные газеты.

Надо признать, что редкая работоспособность, прекрасная осведомлённость во многих вопросах, огромная память и зоркий глаз позволяли Сталину безошибочно находить слабые места в действиях своих подчинённых, хотя нередко его «выволочки» имели субъективную, а то и откровенно садистскую окраску. Примером делового разноса может служить выговор А.И.Микояну за подготовленный тем путаный проект ответа американцам в ходе сложных переговоров об урегулировании по ленд-лизу в конце 1946 г. «Я считаю микояновский проект постановления, полученный мною 15 декабря, противоречивым и насквозь фальшивым», - телеграфировал Сталин в Политбюро во время своего очередного отпуска на Кавказе. С одной стороны, продолжал он, в проекте говорится о нарушении Соединёнными Штатами своих обязательств, с другой – эти нарушения поощряются «в виде новых уступок с нашей стороны», а с третьей – «заявляется, что эти уступки не могут быть истолкованы как одобрение нарушения наших договорных прав со стороны США. Это чисто меньшевистский проект. Ни одно уважающее себя правительство не может одобрить такого фальшивого проекта постановления. Одно из двух: либо нужно безо всяких рассуждений о нарушении наших прав принять требование американцев и выложить на стол 800 тыс. долларов; либо, если рассуждать о нарушении наших прав, нужно требовать от американцев выполнения договорных условий безо

² Сталин – Логинову для «девятки», 20.09.1948 // Архив Президента Российской Федерации (далее – АП РФ), Ф.45, Оп.1, Д.109, Л.58.

всяких уступок с нашей стороны»³. Политбюро тут же осудило «грубые ошибки» Микояна и в конечном итоге был принят первый из предложенных Сталиным вариантов.

Если Микояну в данном случае досталось поделом, то сталинский выговор, сделанный в те же дни своему заместителю В.М.Молотову, носил откровенно издевательский характер. Накануне Молотов (находившийся тогда в Нью-Йорке на совещании Совета министров иностранных дел), подчиняясь указанию самого Сталина, согласился на своё избрание почётным членом Академии Наук СССР, о чём второго человека в государстве настойчиво просило руководство Академии. Проект дежурной телеграммы в адрес Президиума АН СССР с выражением своего согласия и неременным славословием в адрес «корифея всех наук» Молотов для подстраховки послал на одобрение самому корифею, получив от него следующий ответ: «Я был поражён твоей телеграммой... Неужели ты в самом деле переживаешь восторг в связи с избранием в почётные члены? Что значит подпись «Ваш Молотов»? Я не думал, что ты можешь так расчувствоваться в связи с таким второстепенным делом как избрание в почётные члены. Мне кажется, что тебе, как государственному деятелю высшего типа, следовало бы иметь больше заботы о своём достоинстве»⁴.

Молотов в то время успешно завершал важные переговоры о подготовке мирных договоров с европейскими союзниками Германии, его речи и портреты перепечатывали все советские газеты. Видимо, именно поэтому Сталин решил осадить своего отличившегося зама, ещё раз показав, кто в доме хозяин. В ответ надлежало благодарить и каяться. «Вижу, что сделал глупость, - подавленно отвечал Молотов, - Избрание в почётные члены отнюдь не приводит меня в восторг. Я чувствовал бы себя лучше, если бы не было этого избрания. За телеграмму спасибо»⁵.

Сталин не мыслил себя вне советского государства, а государство – без себя. «Вредно для государства», «не дорожит интересами нашего государства»,

³ Сталин – Берии, Вознесенскому и другим членам «семерки», 16.12.1946 // Коллекция документов АП РФ.

⁴ Дружков (тогдашний псевдоним Сталина в шифропереписке) Молотову, 5 декабря 1946 г./ АП РФ, Ф.45, Оп.1, Д 770, Л.139.

⁵ Там же, Л.140.

«обкрадывает государство» – таковы его наиболее типичные формулировки при разносах действий подчиненных. Личные враги Сталина, видевшего в себе главного радетеля государственных интересов, сразу становились врагами государства и наоборот. В этом смысле он был настоящим самодержцем, доведшим традицию российского самодержавия до ее логического – тоталитарного предела.

Слияние личного интереса правителя с государственным – давний и сильный аргумент в пользу монархической идеи. Еще Томас Гоббс в «Левиафане» писал о том, что «богатство, могущество и слава монарха обусловлены богатством, силой и репутацией его подданных»⁶. Для Сталина главным было не богатство народа, а «сила и репутация» советского государства, его державная мощь, в преумножении которой он видел единственный смысл своей жизни, гарантию своего места в истории и потому – «бессмертия может быть залог».

Мы не знаем, читал ли Сталин «Новый Органон» Фрэнсиса Бэкона (книгу весьма популярную в социал-демократических кругах дореволюционной России), в которой знаменитый английский мыслитель вывел «Лестницу славы» государственных деятелей. На её верхней ступени стояли основатели великих государств и империй («conditores imperiorum») – Ромул, Кир, Цезарь, Осман, Исмаил⁷. Но думается, что в любом случае не чуждые ему материальные интересы или даже жажда власти как таковая, а именно эта безмерная, бессмертная слава основателя великого государства могла быть путеводной звездой в темной бездне сталинской психики. Народ был лишь средством достижения этой грандиозной цели – ресурсом, который в силу его восполнимости можно было расходовать даже с меньшей оглядкой, чем природные богатства или территории. Сталин нередко так и говорил – «тратить солдат», а однажды в беседе с Чжоу-Эньлаем во время корейской войны выразился ещё откровенней: война ослабляет прежде всего США, ибо северокорейцы, по его словам, «ничего не проиграли, кроме жертв, которые они понесли в этой войне»⁸. А ведь эти жертвы составили около миллиона человек.

⁶ Т.Гоббс. Сочинения в 2х томах. М., 1991, Т.2, С.146.

⁷ Ф.Бэкон. Сочинения в двух томах. М., 1972, Т.2, С.476.

⁸ АП РФ, Ф.45, Оп.1, Д.329, Л.167

Подобное инструментальное отношение к народу (присущее, впрочем, диктаторам всех времён) дополнялось у Сталина внутренней убеждённости в том, что «русский человек – плохой работник» (по словам В.И.Ленина) и потому нуждается в палке и железной дисциплине. В этом с ним негласно соглашались и советская партийно-хозяйственная номенклатура и даже искушённые заморские наблюдатели того времени, считавшие, что с таким народом «иначе нельзя», особенно если хотеть добиться чего-то великого. «В русском народе, - докладывал в 1946 году из Москвы британский временный поверенный Ф.Робертс, - глубоко сидит лень, расхлябанность и неэффективность, поэтому его необходимо постоянно держать в напряжении, чтобы сохранить позиции страны в мире. С учётом этих национальных качеств советский народ должен управляться очень твёрдой рукой...»⁹.

Великая цель для Сталина оправдывала любые средства, тем более, что по державным меркам Россия под его водительством действительно стала великой. Сталин «получил Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой» - неизвестно, произнёс ли на самом деле эти приписываемые ему (с подачи И.Дейчера) слова Черчилль, но таково было тогда широко распространённое на Западе мнение. То же британское посольство, подводя итоги сталинского правления в специальном донесении Черчиллю, отмечало: «Когда умер Ленин, ... союз ещё толком не сложился, а Россия была раздробленной, отсталой и сельской страной. Сталин превратил её в промышленную державу первой величины, центр новой империи»¹⁰.

Восприятие себя в качестве создателя нового великого государства, судя по всему, особенно усилилось у Сталина по окончании Великой Отечественной войны. В глазах миллионов, включая и самого вождя, война стала лучшей реабилитацией сталинской системы, придав новый смысл огромным жертвам времен коллективизации и индустриализации, и, тем самым показав (по словам из

⁹ Mr.Roberts to Mr.Bevin, March 14, 1946 // British Documents on Foreign Affairs. General Editors P.Preston and M.Partridge. Pt IV, Series A (The Soviet Union and Finland, 1946), Vol.1. University Publications of America, 1999, P.100.

¹⁰ Soviet Union: Quarterly Report, January-March 1953 (Sir A.Gascoigne to Mr.Churchill, 8 April, 1953) // Public Records Office, National Archives (далее-PRO) Prime Minister Papers (далее – PREM), 11/540.

речи А.А.Жданова), «насколько прав был товарищ Сталин»¹¹. СССР вышел из войны ведущей военной державой мира с широко раздвинувшимися границами и имперской сферой влияния, а сам Сталин стал признанным мировым лидером. История XX века, пожалуй, не знала более стремительного превращения вчерашней международной парии в члена привилегированного клуба великих держав-победительниц - «большой тройки». Истощённый войной Советский Союз казался сильнее, чем был на самом деле, и потому Сталин тем более стремился поддерживать и внутри страны и вне ее ощущение несокрушимости мощи СССР и необратимости его нового мирового статуса.

Отсюда – его неизменно жесткая реакция на любые попытки западных союзников умалить роль СССР в войне и послевоенном урегулировании или получить для себя какие-либо односторонние преимущества за советский счёт. Когда в августе 1945 г. президент Г.Трумэн неожиданно запросил у Сталина право базирования ВВС США «на одном из Курильских островов», тот ответил с сухим сарказмом в собственноручно написанном послании: «...требования такого рода обычно предъявляются либо побежденному государству, либо такому союзному государству, которое само не в состоянии защитить ту или иную часть своей территории и выражает готовность ввиду этого предоставить своему союзнику соответствующую базу. Я не думаю, чтобы Советский Союз можно было причислить к разряду таких государств»¹². Выговаривая послу США А.Гарриману в конце октября того же года за нежелание его правительства должным образом консультироваться с СССР по Японии, Сталин столь же саркастически осведомился: «Может быть Америке нужны сателлиты, а не союзники? Должен сказать, что Советский Союз не годится для такой роли»¹³.

С не меньшим упорством вождь прививал новое сверхдержавное мышление своим приближенным, борясь с традиционным русско-советским комплексом неполноценности перед Западом. В этом, как представляется, состоял один из

¹¹РГАСПИ, Ф.77, Оп. 1, Д. 975, Л.50.

¹² Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании в 2-х томах. М., 1957, т.1, С.265.

¹³ Архив внешней политики Российской Федерации, Ф.7, Оп.10-в, П. 46, Д.1, Л.23.

скрытых мотивов кампании борьбы с «угодничеством» и «низкопоклонством», начатой Сталиным еще осенью 1945 г. среди партийно-государственной верхушки. Её отзвуки кругами расходились по номенклатуре задолго до публичного объявления этой кампании. Так, секретарь ЦК А.А.Кузнецов на июльском (1946 г.) совещании в ЦК напоминал работникам внешней пропаганды сталинское указание «о том, что мы, основываясь на итогах войны, когда мы стали очень сильной державой, должны проводить свою самостоятельную, активную внешнюю политику везде и повсюду. И послам дано такое указание о том, чтобы они не занимались пресмыканием, а смелее вели себя»¹⁴. Команда «не пресмыкаться» давалась активу, видимо, не единожды.

Апелляция к национальному достоинству и самоуважению («национальной гордости великороссов») должна была, по мысли Сталина, помимо прочего, повысить иммунитет советских людей против «влияния Запада», развивая в них чувство не только классово-идеологического, но и национально-культурного превосходства над «упадническим» западным миром. Сложнее всего здесь было с интеллигенцией, даже в советские времена сохранявшей историческую традицию пиетета в отношении Запада. Это к ней обращены слова, сказанные Сталиным на печально известном совещании в ЦК по журналам «Звезда» и «Ленинград» в августе 1946 г.: «На цыпочках ходите. Вы ученики, они учителя. По сути дела неправильно это»¹⁵.

Хозяин СССР

Но как было привить чувство национального достоинства и самоуважения людям, чьё личное достоинство постоянно попиралось всемогущим государством? Как воспитать хозяйское отношение к жизни у простых «винтиков» государственной машины, если даже управляющая ими номенклатура панически боялась ответственности и занималась очковитирательством? В системе, при которой «один правит, а остальные боятся» (по словам не раз бывавшего в сталинском Кремле министра иностранных дел Великобритании Э.Идена),

¹⁴ РГАСПИ, Ф. 17, Оп. 125, Д.385, Л.76.

¹⁵ АП РФ, Ф.45, Оп.1, Д.1127, Л.6.

настоящим хозяином мог быть лишь сам вождь, не случайно и прозванный за глаза «Хозяином» своими слугами-соратниками.

Вот и приходилось в одиночку бороться с хаосом и бестолковщиной российской жизни, неистребимыми даже в условиях казалось бы тотального контроля. Чтобы убедиться в этом, достаточно было отъехать от Москвы. Сталин, как известно, крайне редко ездил по стране и каждый его маршрут тщательно прорабатывался заранее. Тем не менее, некоторые вещи было невозможно скрыть. Вот что, например, увидел Сталин из окна своего вагона по пути в очередной отпуск на юг осенью 1948 года. «По всем дорогам от Украины до Симферополя лежит под открытым небом на станциях большое количество заготовленного хлеба. Если пойдут дожди, хлеб погибнет». - обращается он с борта поезда к «девятке» Политбюро, требуя наказать главного виновника – министра заготовок Б.А. Двинского. «Пора кончать с этим преступлением. Нужно взгреть также и МПС. Жду от вас конкретных мероприятий»¹⁶. Срочно взгрели виновных, убрали хлеб с дорог.

Месяц спустя – еще одна энергичная депеша с юга: «Был проездом в Севастополе. Город с его разрушениями производит гнетущее впечатление. При существующих темпах восстановление города может быть закончено не ранее 10-15 лет, если не позднее. Без вмешательства Москвы город еще долго будет лежать в руинах, являя собой живую демонстрацию нашей нераспорядительности, которую будут расценивать как наше бессилие. Трудно понять, почему мы вмешиваемся в дело восстановления Ашхабада, а не хотим вмешаться в дело восстановления первой классной морской крепости. Неужели нужно ждать землетрясения в Севастополе, чтобы заняться наконец по-настоящему его восстановлением»¹⁷. В тот же день Политбюро докладывает Сталину о создании специальной комиссии, и только тогда восстановление города пошло вперед полным ходом. Показательно, что Сталина волнует не только плачевное состояние «первоклассной морской крепости», но и то впечатление о власти, которое оно производит у населения («будет расценено как наше бессилие»).

¹⁶ Сталин – Молотову для «девятки», 9.11.1948 // АП РФ, Ф.45, Оп.1, Д.109, Л.4.

¹⁷ Сталин – Молотову для друзей, 11.10.1948 // Там же, Л.106.

Еще сильнее тот же мотив звучит в реакции Сталина на само ашхабадское землетрясение, также заставшее его на Кавказе. «Слишком примитивно выглядит СССР в связи с событиями в Ашхабаде», - отчеканивает он в очередном послании для «девятки», отмечая отсутствие квалифицированной экспертизы и беспомощность местных властей в ликвидации последствий стихийного бедствия. (Что, Туркменистан – это «голое поле?» – осведомляется вождь). «Можно подумать, что у нас не передовое государство, имеющее свои обсерватории и сейсмологические станции, а нечто вроде Эфиопии»¹⁸. Снова отчетливо видно, что Сталина в первую очередь заботит не гибель тысяч людей в результате землетрясения, а ущерб, наносимый престижу «передового государства», на сей раз в глазах всего мира.

Эта одержимость Сталина образом СССР как великой державы, неразрывно слившимся с его собственной честью и достоинством, принимала подчас почти курьезные формы. Известно, как коробило его домашнее прозвище «дядюшка Джо», приклеившееся к нему на Западе в годы войны: раз, во время Тегеранской конференции, он даже чуть не покинул заседание в знак протеста против такой унижительной фамильярности. Другой, менее известный пример – его реакция на жест протеста со стороны Молотова, который летом 1946 г. демонстративно ушел с французского военного парада, где был поставлен во втором ряду почетных гостей. «Не знаю, правильно ли я поступил», - телеграфировал он об этом Сталину из Парижа, возможно, желая подстраховаться, а скорее всего, просто напрашиваясь на похвалу. В таком случае расчёт оправдался. «Ты поступил совершенно правильно..., - отвечал Сталин своему заму, – Достоинство Советского Союза следует защищать не только в главном, но и в мелочах»¹⁹. Вернее, в этом деле для Сталина не было мелочей.

Он измерял силу государства не только его экономической и военной мощью, но и поведением его лидеров, расчётливостью его дипломатии. В сталинском видении мира как арены беспощадной борьбы «всех против всех», в которой слабых бьют, а сильных боятся, не было места альтруизму даже в отношениях с

¹⁸ Сталин – Молотову для «девятки», 8.10.1948 // АП РФ, Ф.45, Оп.1, Д.109, Л.102.

¹⁹ Дружков – Молотову, 26.08.1946 // Коллекция документов АП РФ.

союзниками. Летом 1947 г. для того, чтобы заставить правительство Чехословакии отказаться от участия в плане Маршалла, Сталину пришлось действовать не только угрозами, но и посулами увеличения торгово-экономической помощи этой стране. И тем не менее, изучая подготовленный по его указанию Министерством внешней торговли проект торгового соглашения с Чехословакией, Сталин обратил внимание на асимметрию взаимных обязательств, по которым советские поставки были расписаны подробно, а чехословацкие – весьма туманно. Чехословакия к тому же не спешила с советизацией своего режима, что вызывало большое недовольство в Москве. Последовал строгий наказ в Политбюро: «Мы не можем допустить, чтобы в системе союза между СССР и Чехословакией СССР выглядел как наивный дурачок, не умеющий защитить свои интересы, а Чехословакия – как прозорливый и опытный партнер, обкручивающий вокруг пальца СССР. Кроме того, следует помнить, что СССР является страной советской, страной социализма, интересы которой не должны быть подчинены интересам несоветской страны, хотя бы и союзной»²⁰. Годом раньше Сталин принимает решение о сокращении численности советских войск в Монголии: для СССР это «большая обуза» и лишняя трата валюты, которая оседает в Монголии, пишет он Молотову; монгольское правительство против такого сокращения, добавляет Сталин, но «просьба монголов для нас не резон»²¹. «Резон д'этр» – интересы советского государства (в его собственном понимании, разумеется,) для Сталина превыше всего – превыше интересов союзных стран, зарубежных компартий, (которые он сплошь и рядом приносит в жертву своей политике) и даже мировой революции. Сталин, впрочем, здесь не видел противоречия, ибо СССР и был главным оплотом борьбы с империализмом. «Действия Красной Армии, - говорил он Г.Димитрову, - тоже есть дело мировой революции»²².

Враждебный мир

²⁰ Сталин – «семёрке», 2.10.1947 // АП РФ, Ф.45, Оп.1, Д.106, Л.149.

²¹ Сталин – Молотову, 2.11.1946 // АП РФ, Ф.45, Оп.1, Д.102, Л.108.

²² G.Dimitrov, Dnevnik, Sophia, 1997, P.188.

Бытует мнение о том, что Сталин сознательно раздувал внешнюю угрозу для закручивания гаек внутри страны, сам в нее не особенно веря. Думается, что это не так. Отношение Сталина к внешнему миру можно рассматривать как наслоение трех основных начал его сознания и психики. Первое – унаследованная им внешнеполитическая традиция русского царизма, с его отчужденностью от Запада, комплексом повышенной уязвимости, тягой к безопасности через экспансию и опорой на собственные силы (вспомним поговорку Александра III о том, что у России только два союзника – её армия и флот). Второе – идеология и опыт большевизма, усугубившие все эти черты, прежде всего – ощущение изоляции и враждебного окружения, того, что от «военного вторжения мы всегда на волоске» (В.И. Ленин). Если добавить к этому индивидуальные особенности психики самого Сталина – бездонную подозрительность, мстительность, ксенофобию и манию преследования, то мы получим, так сказать, комплекс враждебного окружения «в кубе». Всегда быть начеку, выявлять и уничтожать скрытых врагов, никому не верить, неизменно предполагать худшее в намерениях и действиях других – вот основные заповеди политической морали Сталина.

Он действительно всюду видел шпионов. В 1933 году, заметив в тассовке нелицеприятные отзывы иностранных корреспондентов о ходе коллективизации, Сталин телеграфирует Молотову и Кагановичу: «Не знаете ли, кто разрешил американским корреспондентам в Москве поехать на Кубань? Они сострепали гнусность о положении на Кубани... Надо положить этому конец и воспретить этим господам разъезжать по СССР. Шпионов и так много в СССР»²³. Осенью 1948 г. в Батумском порту возник пожар на теплоходе «Победа», прибывшего из США с армянскими репатриантами. Версия МГБ, что американцы подсыпали «горючего вещества» еще в Нью-Йорке, кажется Сталину недостаточно бдительной («тогда почему не загорелось раньше?») и он приказывает искать американских диверсантов среди самих репатриантов; «главная их цель, - пишет он, - поджечь нефтяные промыслы»²⁴.

²³ Сталин – Молотову, Кагановичу, 19.02.1933 // Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936 гг. М., 2001, С.307.

²⁴ АП РФ, Ф.45, Оп.1, Д.109, Л.55.

В осаждённой крепости лучше перегнуть палку в сторону бдительности и подозрительности, чем позволить себе расслабиться. Поэтому личные качества Сталина обретали вид суровой необходимости даже в глазах его идейных оппонентов, один за другим становившихся жертвами сталинской подозрительности. Вот что писал Сталину Николай Бухарин в ноябре 1937 г., уже предчувствуя приближение личной и мировой катастрофы: «Я знаю, что ты подозрителен и часто бываешь очень мудр в своей подозрительности... Ты не стареешь. У тебя железная выдержка. Ты прирожденный полководец и тебе еще придется играть роль победоносного водителя наших армий»²⁵. Мы не знаем, что чувствовал Сталин, читая эти во многом пророческие строки обреченного им на смерть соратника. Вряд ли он поверил в искренность «любимца партии», но высказанные тем мысли сами по себе должны были ему понравиться. «Мудр в своей подозрительности» - лучше не скажешь.

И напротив, такие качества, как открытость, доверчивость, простота и даже честность в сталинской шкале ценностей - наихудшие пороки для государственного человека. Он постоянно разносит своих соратников, дипломатов и даже разведчиков за «наивность», «отсутствие прозорливости», неумение разглядеть злой умысел врага. Пожалуй, самый выразительный сталинский монолог на эту тему записал в своем дневнике тогдашний главный редактор «Правды» П.Н.Поспелов во время совещания в ЦК 30 марта 1949 г. Вот зафиксированные им отрывки из заключительного слова Сталина: «Где сейчас главная опасность? О честных дураках и слепцах. От таких честных людей, но слепых, может погибнуть наша страна... Разве медведь (из крыловской басни) не был честным? ... Враги делают свою политику руками таких дураков»²⁶ (речь, видимо, шла о басне «Медведь и странник», в которой медведь, отгоняя мух от лица своего спящего двуногого друга, нечаянно раскроил ему череп).

Итак, враг вездесущ, силен и коварен, а советские люди тяжелы на подъём, мягки, ленивы и простодушны, и даже среди руководителей много еще «честных дураков». Что же делать с таким народом?

²⁵ Бухарин – Сталину, 20.11.1937 // АП РФ, Ф.45, Оп.1, Д.710, Л.181.

²⁶ Заключительное слово тов.Сталина (30.3.1949), РГАСПИ, Ф.629, Оп.1, Д.95, Л.244, 246.

Страх и вера

Стращать, закалять и воспитывать, мог бы ответить Сталин. Что касается страха, то здесь всё более или менее ясно: сталинская машина контроля и террора работала с «перебором» именно для того, чтобы ни один даже самый благонадёжный и невиновный человек не чувствовал себя в безопасности. Это относилось и к номенклатуре, которую нужно было периодически перетряхивать. Решалось это просто. В Минфине неблагополучно пишет, например, Сталин Молотову летом 1933 г.: «нужно, по-моему, проверить весь аппарат и перешерстить его в духе большевизма»²⁷. Сказано – сделано.

Закаливать же лучше всего было через предельные нагрузки и испытания – трудом, лишениями, героическими свершениями или даже огнём войны. Как-то в порыве откровенности Сталин поведал приглянувшемуся ему американскому гостю – лидеру Республиканской партии США У.Уилки, посетившему СССР осенью 1942 г.: «Наши страны, т.е. СССР, Англию и США надо побомбить, т.к. население наших стран страдает самоуспокоенностью и самонадеянностью. Это объясняется тем, что в наших странах проповедовали человечность, в то время как в Германии проповедовали убийства»²⁸. Война вообще пошла на пользу, считал Сталин, решив многие проблемы закалки и мобилизации советских людей. «...Война, - говорил он на встрече с делегацией общества «Финляндия – СССР» в октябре 1945 г., - вызвала большое напряжение интеллектуальных сил народа и война научила изобретать новые методы и средства труда и производства... Выросло умение людей работать быстрее и лучше. Одним словом, по русской пословице, «нет худа без добра». Если взять самое плохое явление и покопаться – в нём можно найти хорошее. Война, конечно, принесла известную пользу в развитии производства, в умении работать»²⁹.

²⁷ Сталин – Молотову, Кагановичу, 03.08.1933 // АП РФ, Ф.45, Оп.1, Д.769, Л.117.

²⁸ АП РФ, Ф.45, Оп.1, Д.380, Л.30,31.

²⁹ Беседа И.В.Сталина с делегацией общества «Финляндия – СССР» 8.10.1945 // РГАСПИ, Ф.17, Оп.125, Д.371, Л.161.

И все же одного страха и закалки было недостаточно; нужна была еще и вера – вера в советский строй, непогрешимость партии и ее идеологии, вера в самого Сталина. Он понимал, что культ личности, при всей его полезности, еще недостаточно прочное основание для такой веры, которая должна основываться на убеждениях, сознательности, овладении марксистско-ленинско-сталинской теорией. «Идолопоклонников воспитываете, вместо того, чтобы у людей сознание будить». – сердито бросил он как-то руководству Агитпропа на совещании в октябре 1946 г.³⁰.

Для идеологического воспитания была огромная машина политпросвещения, были сочинения классиков, включая и его собственные, за изданием и распространением которых вождь неусыпно следил. Стоило «Правде» в августе 1947 г. промедлить с откликом на публикацию очередного - 5-го тома собрания сочинений Сталина, как последовал строгий нагоняй от самого сочинителя: «Всё же крайне странно, - начертал Сталин коричневым карандашом на объяснительной записке П.Н.Поспелова на имя А.Н.Поскребышева, - что «Культура и жизнь» и «Большевик» давно опубликовали как извещение о выходе из печати 5-го тома, так и рецензию, а «Правда», главный печатный орган ЦК, не успела опубликовать даже извещение о выходе 5-го тома. Рецензию могла бы «Правда» вовсе не публиковать ввиду большой своей занятости более важными делами, но опубликовать извещение она должна была во всяком случае не позже «Культуры и жизни» и «Большевика». Это элементарно. Страдает авторитет «Правды»³¹. «Дорогой товарищ Сталин! Позвольте заверить Вас, что я всей душой переживаю Ваш справедливый упрёк и сумею сделать все необходимые выводы из Ваших указаний, - горячо каялся тот самый Поспелов, который через несколько лет возглавит комиссию ЦК по подготовке разоблачительного доклада о «культе личности». – Мне крайне стыдно за допущенную ошибку, которая произошла прежде всего из-за неумения сосредоточить внимание на самом главном, и из-за некоторой безрукости, безынициативности»³².

³⁰ Беседа с тов.Сталиным, 23.10.1946 // РГАСПИ, Ф.629, Оп.1, Д.54, Л.24.

³¹ Поспелов – Поскребышеву, 21.08.1947 // РГАСПИ, Ф.629, Оп.1, Д.54, Л.32.

³² Поспелов – тов.Сталину, 24.08.1947 // Там же, Л.33.

И всё же сознание пробуждалось с трудом даже у партийно-государственного актива. В ЦК постоянно докладывались неутешительные результаты периодических проверок плодов идеологического просвещения на разных уровнях. Так, например, проверка 1946 года по Кировской области показала, что половина руководящих работников не могли назвать ни одного произведения Ленина и Сталина», а большинство рядовых коммунистов не в состоянии еще изучить «Краткий курс». Если даже предельно простой «Краткий курс» не по зубам рядовым коммунистам, то с чего начинать идеологическое просвещение? Сталин находит ответ и на этот вопрос. На той же встрече с руководством Агитпропа (23 октября 1946 г.) Пospelов записывает вещие слова вождя: «Широкие слои трудящихся, простые люди не могут начать изучение марксизма-ленинизма с сочинений Ленина и Сталина. Начнут с биографии. Биография – очень серьезное дело, она имеет громадное значение для марксистского просвещения простых людей»³³.

Видимо, Сталину, как бывшему семинаристу, биографии классиков марксизма-ленинизма представлялись чем-то вроде жизнеописаний святых, а «Краткий курс» – функциональным эквивалентом Священного писания на следующем этапе роста религиозно-идеологического сознания, в котором непогрешимая партия должна была занять место Всевышнего. «Воспитывать надо любовь к партии, которая бессмертна». - ставит он главную задачу перед собравшимися в Кремле агитпроповцами. Трудно сказать, чего больше в этом наказе - жутковатого фанатизма или крайнего цинизма. Но то, что для простых людей идеология сродни религиозной вере, у Сталина не вызывает сомнений. На той же беседе он отчеканивает поистине знаменательные слова: «Марксизм – религия класса, его символ веры»³⁴.

Эта, судя по всему, давно выношенная мысль великого вульгаризатора марксизма удивительным образом перекликается с прозрением одного из самых творческих марксистских мыслителей XX века Антонио Грамши, который в своих знаменитых «Тюремных тетрадах» писал, что «... массы как таковые не могут

³³ Беседа с тов.Сталиным, 23.10.1946 // РГАСПИ, Ф.629, Оп.1, Д.54, Л.23.

³⁴ Там же, Л.25, 29.

усваивать философию иначе, как веру... Самым значительным (в этом процессе – В.П.) является, несомненно, элемент иррационального характера, элемент веры»³⁵. Но то, что для Грамши было печальным теоретическим выводом, для Сталина служило руководством к действию по насаждению большевизма как чего-то среднего между сознательностью и идолопоклонством.

«Почему я не люблю людей вроде Зощенко?»

- задался вопросом Сталин на совещании в ЦК по «Звезде» и «Ленинграду». - Потому что они проповедуют безыдейность, и что они говорят: ну вас к богу с вашими идеями, от ваших идей покоя нет, а мы хотим отдохнуть, пошутить, посмеяться»³⁶. Казалось бы, что в этом плохого? В домашнем кругу, вспоминал друг Василия Сталина Артём Сергеев, Сталин и сам любил читать вслух Зощенко, а порой при этом «смеялся чуть ли не до слёз»³⁷. Но для системы, построенной на новой секулярной религии и постоянной мобилизации, самыми опасными врагами были даже не империализм извне и вредители внутри, а именно безыдейность и расслабленность. Большевизм, постоянно насилувавший историю и свой собственный народ, был несовместим с нормальной обывательской жизнью. Хорошо сказал об этом на склоне лет верный сталинец Молотов: «Если спокойно живется, большевики не нужны. Абсолютно не нужны. Они где-нибудь наворачивают - идти вперёд, пробивать трудность, а для спокойной жизни зачем большевики? Социал-демократы лучше. Они как раз на это годятся. Они подчинились этому, так сказать, стихийному движению капитализма»³⁸.

Стихийность, спонтанность, органическое течение жизни были глубоко чужды духу большевизма с его одержимостью организовать всё и вся, подчинить поступки и даже мысли людей единому плану. Но и сверх-напряжение, постоянная мобилизация нуждались в тщательной дозировке. Зловещий политический гений Сталина, ярче других подмеченный проницательным знатоком сталинской России

³⁵ А.Грамши. Избранные сочинения в трёх томах. Том третий. Тюремные тетради. М., 1959, С.29.

³⁶ АП РФ, Ф.45, Оп.1, Д.1127, Л.16.

³⁷ Ф.Чуев. Молотов: полудержавный властелин. М., 1999, С.360.

³⁸ Там же, С.378.

Исайей Берлиным, состоял в том, что он первым нашёл решение извечной дилеммы, подстерегавшей все большие революции, которые либо постепенно тонули в трясине повседневности, либо срывались в самоубийственную оргию фанатизма и террора. Берлин назвал это сталинское изобретение «искусственной диалектикой» - умением чередовать периоды «встрясок» и «чисток» с передышками из временного затишья и послабления, в совокупности образующих колебания «генеральной линии» партии в борьбе с очередным «уклоном». Успешное применение этой техники, писал Берлин, «невозможно без контроля над всеми природными и человеческими ресурсами и над общественным мнением, способности установить в масштабах всей страны ультражесткую дисциплину; и в наибольшей степени без чувства момента, развить которое под силу лишь исключительно умелым людям, возможно даже одним гениям, - и этим чувством в первую голову должен обладать сам верховный диктатор»³⁹.

К Зощенко, Вертинскому и другим «безыдейщикам», как известно, власти подбирались еще в годы войны. Но тогда эти люди не были столь опасны: тяжелейший пресс войны не давал народу расслабиться, да и у начальства руки были заняты другим. В идеологическом плане годы войны были периодом ослабления политических пут. Но вот кончилась война и народ как никогда жаждал нормальной, спокойной, частной жизни после колоссального напряжения и самопожертвования военных лет. А в Кремле уже верстались ударные планы пятилетки восстановления, раскручивался маховик нового противоборства с Западом, и все это опять требовало предельной мобилизации человеческих ресурсов. В такой обстановке «люди вроде Зощенко» становились нетерпимыми. 9 февраля 1946 года в знаменитой речи в Большом театре Сталин ставит перед страной новые огромные задачи, напоминает об империализме и порождаемых им неизбежных войнах. Через месяц он заостряет тему военной угрозы в своем ответе на фултонскую речь Черчилля. В апреле на идеологическом совещании в ЦК А.А.Жданов от имени Сталина предупреждает о порочности установки на то, «что после войны людям надо дать отдохнуть и т.д.». «Если будем придерживаться

³⁹ Берлин И. История свободы. Россия / Предисловие Ф.Эткинда. – М.: Новое литературное обозрение, 2001.С.384,386.

такого рода политики, - добавляет Жданов, - то мы окажемся в очень критическом положении»⁴⁰. Отсюда было уже рукой подать до начала публичной кампании «ждановщины».

Сам Жданов к тому времени настолько наловчился озвучивать мысли вождя, что тот ограничивался самой незначительной правкой ждановских речей, порой не скупясь на крайне редкую для себя похвалу. «Читал Ваш доклад, - пишет о Жданову о его проекте программного выступления по «Звезде» и «Ленинграду» (который Жданов послал ему со скромной припиской: «годится ли это?»), – Я думаю, что доклад получился превосходным. Нужно поскорее сдать его в печать, а потом выпустить в виде отдельной брошюры. Мои пометки смотрите в тексте. Привет, Сталин». Пометки были весьма характерны, усиливая и без того погромное звучание ждановского текста. К характеристике «Ленинграда» он добавляет фразу – «стал журналом, помогавшим врагам разлагать нашу молодежь», в ждановское «преклонение перед иностранной литературой» вставляет эпитет «мещанской», а призыв «воспитывать людей не в духе наплевизма и безыдейности», дополняет энергичной концовкой – «а в духе бодрости и революционности»⁴¹.

Бодрость и революционность, страх и вера, враждебное окружение, единоличная власть, тотальная мобилизация, предельное напряжение сил – все эти опоры сталинского режима держались, покуда был жив сам его создатель. «Я умираю, но государство остается» - уверенно сказал перед смертью Людовик XIV. Сталин же мог на это только надеяться, ибо в конце жизни его обуревали мрачные предчувствия о том, что станет с его детищем после него. «Передущат вас империалисты как котят», - говаривал он Н.С.Хрущёву и другим своим соратникам.

Размышляли об этом и сами «империалисты», особенно – сразу же после смерти великого диктатора. Британский посол в Москве сэр Гэскойн в своём донесении о похоронах Сталина писал: «Ключевой вопрос – окажется ли внушительное наследство, оставляемое Сталином своему преемнику, достаточно прочным, чтобы пережить его смерть? Смогут ли созданные Сталиным машина и

⁴⁰ РГАСПИ, Ф.77, Оп.1, Д.976, Л.35,43.

⁴¹ Сталин – Жданову, 19.11.1946 // АП РФ, Ф.45, Оп.1, Д.732, Л.1,2,18-19, 24.

миф власти выдержать напор центробежных сил, которые неизбежно заявят о себе не только в Советском Союзе, но и в его сателлитах, особенно – в Китае? Возможно, мы являемся свидетелями конца Августовской эры Советской империи. Но Сталин настолько тесно скрепил все её части вокруг центра, что если дух независимости или соперничества поднимет голову, то процесс дезинтеграции, если и произойдёт, будет развиваться лишь постепенно»⁴².

И.Берлин видел главную угрозу после-сталинскому режиму несколько в другом: поскольку советская система не является саморегулирующейся, то её судьба во многом зависит от того, совпадают ли преемники Сталина с созданным им по правилам «искусственной диалектики» механизмом управления, «которым могут пользоваться лишь величайшие политические гении, но от которого слишком опасно отказываться и который ни в коем случае нельзя оставлять без присмотра». Изобрести этот инструмент, «позволяющий сломить человеческую волю и всё же одновременно заставить людей работать на максимуме своих возможностей», добавлял Берлин, могла «лишь душа, презиращая свободу и человеческие идеалы больше, чем сам Великий Инквизитор Достоевского»⁴³.

Вдумчивые англичане не слишком ошиблись в своих прогнозах. Государство, созданное великим диктатором, ненадолго пережило его самого – в нём было слишком много от Сталина. Не случайно март 1953 года многими воспринимался тогда как конец целой эпохи. Тот же Гэскойн в секретном отчёте так описывал чувства, обуревавшие его в траурном зале Дома Союзов: «Сказать, что я был под большим впечатлением от церемонии похорон, было бы явным преуменьшением. Это зрелище с его зловещим варварским колоритом и полным отсутствием религиозного духа, усиленно возвращало меня к истории коммунизма и тех, кто изобрёл эту крайне порочную, но мощную форму идеологии. Сталин войдёт в историю как жестокий, хладнокровный и безжалостный тиран. Но это не отменяет того факта, что он был великим человеком. Я думал о его скромном происхождении в Гори – грузинской деревушке, где мне посчастливилось побывать прошлым летом, и о тех превратностях судьбы, через которые прошёл

⁴² Soviet Union: Quarterly Report, January-March 1953 (Sir A.Gascoigne to Mr.Churchill, April 8, 1953) // PRO, PREM 11/540.

⁴³ Берлин И. История свободы, С.387-388, 390.

этот «человек из стали» на протяжении своей долгой жизни. Думалось и о той героической роли, которую он сыграл в разгроме Германии во Второй мировой войне, в том числе - когда в почти безнадёжной ситуации он отказался покинуть Москву. Глядя в последний раз на его лицо, я глубоко сожалел о том, что из-за марксистской заразы и непомерной жажды власти он избрал путь, который увёл его самого и его страну прочь от семьи цивилизованных наций»⁴⁴.

⁴⁴ The Funeral of Premier Stalin. (Sir A.Gaiscoigne to Mr.Eden, 9 March, 1953) // PRO, PREM 11/ 540.

Балканы как точка бифуркации системы международных отношений

*Большие государства поступают так, как им вздумается,
а малые – так, как им велит необходимость.
Фукидид*

*Надо подводить итоги, когда эпоха,
созревшая в недрах прошлого и не имеющая будущего,
полностью исчерпана, а новая еще не началась.
Н.Мандельштам.*

Балканы в очередной раз подтвердили свою исторически печальную славу – быть точкой бифуркации мир-системы (И.Валлерстайн). Следуя логике синергетики – науки, которая расширяет горизонт аналитических возможностей традиционных дисциплин – эволюцию современной системы международных отношений можно рассматривать, значительно увеличив число переменных, а значит, проникнув в самую суть происходящего. Для нашей страны «югославский передел» несет особую информацию, так как балканская политика Запада отражает его глубинные геополитические интересы и принципы, определяющие его как глобальную субстанцию, в которой нет места ни России, ни Сербии, ни другим странам, имеющим собственное видение своего будущего. Значит, необходимо либо менять существующую систему, либо выбирать иной вектор ее развития. Точка бифуркации не исключает не тот, ни другой варианты. Однако обо всем по порядку.

¹ Пономарева Елена Георгиевна – кандидат политических наук, доцент, кафедра сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России.

Система международных отношений сквозь призму синергетической парадигмы

Согласно подходу, инициированному исследованиями *Ильи Пригожина* – бельгийского физика и философа русского происхождения - синергетика может трактоваться как новое *мироведение*, связываемое с исследованием феноменов самоорганизации, нелинейности, неравновесности, глобальной эволюции, с изучением процессов становления «порядка через хаос», неустойчивости как основополагающей характеристики процессов эволюции систем.¹ Несмотря на активно культивируемую однополярность современной системы международных отношений (МО), отечественные и ряд зарубежных исследователей все чаще используют категорию «сложности» в качестве центрального понятия современного научного дискурса.

Сложность в синергетике трактуется через возникновение бифуркационных переходов, т.е. переломов, через нарушение симметрии. Синергетика не просто как наука, но как миропонимание преодолевает традиционалистские идеи о линейности исторического развития. В частности, современное состояние системы МО доказывает, что случайности как раз становятся значимыми факторами для конструирования научных теорий; что возможно существенное воздействие индивидуального усилия на ход осуществления макросоциальных и макрополитических процессов. Позиция, как сербского общества, так и целого ряда стран, включая Россию, относительно передела постъюгославского пространства свидетельствует о том, что развитие мир-системы не является безальтернативным неолиберальному проекту глобализации, что именно гегемония может вызвать развитие лавинообразных процессов.

¹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986; Пригожин И. Переоткрытие времени. // Вопросы философии. 1989. № 8; Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. Введение. М., 1990.

К анализу точки перелома (бифуркации) современной системы МО как нельзя лучше подходят главные тезисы синергетического видения мира.¹ Во-первых, практически недостижимо жесткое программирование тенденций эволюции сложноорганизованных систем. Постъюгославское, как и российское, политические пространства являют собой нелинейный феномен, поэтому управление ими посредством задуманных манипулятивных технологий в интересах господствующих, прежде всего, англо-американских групп невозможно. Сложноорганизованные системы помимо внешнего воздействия, которое, безусловно, присутствует, воспроизводят тенденцию саморазвития.

Во-вторых, хаос служит не только удобным методом внешнего управления, но и имеет созидующий потенциал, который может оказаться достаточным для конституирования новых организационных форм. В точке бифуркации у системы есть несколько путей развития и она «выбирает» - куда идти дальше. Если система находится в состоянии «неравновесного порядка», то любое воздействие может обрушить ее в хаос. Если же она находится в состоянии «детерминированного хаоса», то даже при слабом влиянии она может organizоваться в относительно устойчивый порядок.

В-третьих, любой сложной системе, каковой является система МО, атрибутивно присуща альтернативность сценариев развития в контексте наличия известной инерционно-исторической предопределенности ее изменений в точках бифуркации (ветвления). В-четвертых, неустойчивость следует рассматривать как одно из условий и предпосылок стабильного и динамического развития, а не только как предпосылку хаотизации пространства. Наконец, мир-система может пониматься как иерархия сред с различной нелинейностью.

«Нелинейность» как одно из узловых концептуально значимых понятий синергетики позволяет выявить принципиальные точки поражения

¹ Синергетическая парадигма. Кн. 1. М.: Прогресс-Традиция, 2000; Синергетическая парадигма. Кн. 2. М.: Прогресс-Традиция, 2002.

американоцентричной политики, как на юге Европы, так и в других регионах мира. Дело в том, что осуществимы отнюдь не любые сценарии развития системы, а лишь сценарии, ограниченные определенным диапазоном воздействий. Например, поспание принципа нерушимости границ и провозглашение суверенитета территориальной единицы возможно, возможно даже признание новообразования рядом внешнеполитических субъектов. Однако это вовсе не означает, что такой сценарий приведет к окончательному установлению новой гегемонистской системы. В точке бифуркации самые малые воздействия на систему могут иметь огромные последствия. Этим малым может стать всего лишь несогласие некоторых стран и народов с навязываемой моделью мироустройства.

***Суверенитет в условиях глобализации:
acta est fabula?¹***

Неолиберальная глобализация, инициированная ведущими мировыми державами, господствующими группами и ТНК, формирует особые отношения между политическими институтами, между национальными, региональными и транснациональными структурами. Периферийные, особенно малые, страны, оказавшиеся в сфере интересов центра капсистемы, испытывают усиленное давление глобальных игроков в целях скорейшего включения в его орбиту. Специфика отношений «суверенитет-глобализация» для этих стран связана, во-первых, с тем, что новые государства не имеют исторического времени для формирования национального суверенитета, через который прошла классическая Европа, для идентификации себя как national state.

Во-вторых, с самой спецификой глобализации, так называемым внешним вызовом суверенитету. Несмотря на рассуждения о том, что в условиях глобализации интенсифицируются бинарные отношения между странами, «регионами и группами, которые, продолжают самоопределяться на основе

¹ Acta est fabula (лат.) – пьеса сыграна; все кончено.

модели «национальной идентичности»,¹ глобализация – это отношения подчинения и даже диктата между ведущими и ведомыми нациями, это транснациональное доминирование США и «освобождение локальной культуры от национально-государственной ограниченности».² Последствиями такого «освобождения» становятся межэтнические войны, а примерами прямой гегемонии глобальных лидеров на юго-востоке Европы являются, в частности, Дейтонские соглашения по Боснии и Герцеговине, Рамочное Соглашение по Македонии, переговорный процесс по статусу Косова и провозглашение его независимости, т.е. серьезно нарушается равновесие всей системы МО.

Новейшая история имеет множество доказательств «неэффективности управления»³ «вновь-созданным» государством социо-экономическим и политическим пространством. Противостояние политических и этнических групп полностью дестабилизировало новые балканские государства и приводило их к гражданским войнам (Хорватия – Сербская Краина, БиГ – Республика Сербская, Сербия – Косово, Македония – албанская Освободительная Национальная Армия). Такая ситуация создает благодатную почву для апробации альтернативных классическому национальному государству форм организации и управления, для легитимации глобальной интервенции.

Вот лишь некоторые доказательства сказанному. Согласно Дейтонской конституции (1995 г.) современная Босния и Герцеговина (БиГ) представляет собой государство, состоящее из двух Образований («энтитетов») -

¹ Михеев В.В. Подходы к глобализации: страны развитой рыночной демократии, новые индустриальные страны Азии, развивающиеся государства и Китай. / Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М.: МГИМО (У), РОССПЭН. 2002.

² Ali T. Globalization and Private Financial Flows: The Dilemma for Developing Countries. Dhaka, 1999.

³ Governing Globalization: Power, Authority and Global Governance. / (Eds) Held D., McGrew A. L.: Polity Press. 2002.

Федерации Боснии и Герцеговины (ФБиГ) и Республики Сербской, которые имеют свои органы власти. Существуют также общепоснийские Президиум и Парламент. Однако Общее рамочное соглашение о мире в БиГ¹ (Приложение 10) закрепляет ведущую роль в выполнении его гражданских аспектов, мониторинге и координации мирного процесса за Высшим Представителем (ВП), которого назначает СБ ООН. В структурах ВП сконцентрированы основные властные полномочия вплоть до введения в действие на временной основе законов и снятия с постов любых должностных лиц за obstruction имплементации Мирного соглашения.²

На боннской конференции Совета по выполнению Мирного соглашения (2003 г.) полномочия ВП - с 30 июня 2007 г. им стал Мирослав Лайчак - были расширены. Теперь он имеет право отстранять от должности официальных лиц, имеющих собственное, в отличие от международного посредника, мнение по тем или иным вопросам, смещать лиц с выборных должностей, заменяя их собственными кандидатами. В случаях, когда сторонам не удастся прийти к согласию, ВП может вводить временные решения. Кроме того, введен принцип согласования политических, экономических и иных решений, который распространяется даже на послов, аккредитованных в БиГ.

Рамочное Соглашение (РС) по Македонии было подписано при международном вмешательстве с целью прекращения гражданской войны, вспыхнувшей между албанскими сепаратистами УЧК³ и македонскими

¹ OPCM (The General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina), более известное как Дейтонское соглашение

² Подр. см. Абрамов А.В. Суверенизация в условиях международного контроля: Босния и Герцеговина. // Политическая наука. 2005. № 4. - С.173-190; Ильченков П. Республика Сербская ликвидируется явочным порядком // Аналитические записки. 2007. № 24. - С.127-136.

³ В оригинальной албанской версии употребляется аббревиатура UCK, которая изначально обозначала боевые отряды косовских албанцев – Ushtria Clirimtare e Kosoves, т.е. Освободительная Армия Косово. Позже стало известно, что эта же аббревиатура используется действующими албанскими

войсками в феврале 2001 г. Положения этого документа кардинальным образом изменили политические основы македонского государства. Приведу лишь самые знаковые из них:

- официальное использование албанского языка в парламенте (с синхронным переводом) и в областях, в которых албанцы составляют не менее 20 % населения;
- опубликование законов и выпуск всех официальных документов, включая паспорта, на македонском и албанском языках;
- увеличение числа полицейских албанской национальности на 500 человек к июлю 2001 г. и еще на 500 человек к июлю 2003 г. в областях с албанским населением (в свою очередь албанцы согласились оставить контроль над полицией в компетенции центрального правительства);
- избрание (чем не Приказ № 1 Временного правительства) местных руководителей полиции советом общины из числа лиц, список которых представляется министерством внутренних дел;
- введение принципа так называемого «двойного большинства», который не позволяет навязать национальным меньшинствам невыгодные для них решения большинством голосов в парламенте;
- изъятие из текста Конституции Македонии понятия «национальность» и его замена на понятие «община»;
- использование албанских национальных символов.¹

Фактически, положения РС есть шаг к федерализации Македонии, навязанной извне. Многие исследователи оценивают этот документ как «ультиматум, предъявленный македонским властям странами НАТО, как легализацию протектората, как утрату суверенных полномочий».² Формально Македония, как и БиГ, протекторатом не является, но присутствие иностранных представителей и международных военных контингентов, их

боевиками и в Македонии - *Ushtria Clirimtare Kombetare*, что означает Освободительная Национальная Армия.

¹ Рамковен Договор, 13 август 2001. // Службен Весник на РМ. 2001. № 50.

² Chossudovsky M. NATO invades Macedonia // www.globalresearch.ca – 2001.

роль в преодолении последствий межэтнических конфликтов и в формировании внутривластного пространства ясно указывают на, мягко говоря, своеобразную суверенизацию этих стран.

На примере БиГ и Македонии мы видим апробацию такого измерения глобального управления как *делегирование полномочий (delegation)*, т.е. предоставление суверенных полномочий государством глобальным органам власти.¹ В описанных случаях над властью, которой по конституции принадлежит суверенитет, стоит другая власть, имеющая правомерное полномочие давать ей повеления или препятствовать осуществлению ее воли. Фактически имеет место отрицание базовых принципов суверенитета в классическом его понимании.

Таким глобальным структурам, как СБ ООН, ОБСЕ, НАТО, Хорватия, Босния и Герцеговина, Сербия и Македония в разные периоды и по разным вопросам делегировали свои полномочия. Однако, попав в управленческую ловушку, выбраться из сетей «непрямой гегемонии»² для новых государств очень сложно, если не невозможно. Частично вернуть свои полномочия удалось пока Хорватии и Сербии. При этом первая потеряла контроль над значительной частью экономики, а вторая – лишилась части своей исторической родины (Косово).

От соглашения с США и НАТО БиГ, Македония и Сербия, быть может, выиграли тактически, однако проиграли стратегически. Конфликты были «заморожены», но решить их внешнее присутствие не может. Кроме того, оно не только способствует формированию негативного восприятия роли Запада среди наиболее активных и пострадавших социальных слоев, но и тормозит формирование национальных эффективных и самостоятельных институтов. Тем не менее, принятие модели глобального управления, какой

¹ Барабанов О.Н., Голицын В.А., Терещенко В.В. Глобальное управление. М., 2006. - С. 77.

² Koenig-Archibugi M. Mapping Global Governance. // Governing Globalization: Power, Authority and Global Governance. / (Eds) Held D., McGrew A. L.: Polity Press. 2002.

бы плохой или хорошей она не была, свидетельствует о несостоявшемся (будем надеяться, пока) суверенитете постъюгославских государств, о ситуации перелома, в которой оказалась система международных отношений.

Современная система МО как отражение эволюции капсистемы

Кризис системы международных отношений – прямое следствие развития капсистемы. Начиная с последней четверти XX в., в способе действия капитализма происходят важные изменения. Если до конца века капитализму как системе противостоял антикапитализм с СССР–ядром и в этом противостоянии был шанс для ответов на новые вызовы, то с крахом этого противовеса ситуация в корне изменилась. Капитализм вступил в глобальную и одновременно завершающую стадию развития, что означает не только изменение пространственной конфигурации накопления капитала, но и его сущностных характеристик.

Наблюдаемая с 1970-х гг. тенденция к большей географической мобильности капитала (т.е. занятие ранее закрытых и охраняемых государством территорий) – поглощение Азии, Ближнего и Дальнего Востока, европейской зоны советского влияния - дополнились функциональной деконцентрацией и децентрализацией корпораций. Как справедливо заметил *Дэвид Харви* еще в 1989 г., произошел «переход к власти финансового капитала над национальными государствами». Этот переход, в свою очередь, привел к «распространению новых финансовых инструментов и рынков и появлению крайне сложных систем финансовой координации в глобальном масштабе». ¹

Если торжество капитализма наступает тогда, когда он «идентифицирует себя с государством, когда сам становится государством», ² то неолиберальная модель глобализации, главный проводник которой - США

¹ Harvey D. The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Oxford: Basil Blackwell, 1989. – P. 168, 191.

² Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: ТОО «Полиграмма», 1993. – С.69.

как неоимперия, как кластер ТНК, предполагает поглощение, подчинение и «стирание» государства по версии nation-state.

Уничтожение сильных государственных организмов происходит при сохранении формальных, чисто юридических атрибутов государственности – членство в ООН и других международных организациях, наличие конституции и т.п. Происходящие на Балканах процессы свидетельствуют не о прямом захвате стран, тем более о «стирании» с географической карты (это уже не столь важно), а о *выхолащивании внутренней природы государства*, сущности суверенитета. На примере Сербии – сильного (в смысле собственного достоинства) противника капсистемы – мы наблюдаем процедуру по уничтожению национального государства путем отсечения территорий (Косово, на очереди Воеводина), посредством установления контроля над политическим и экономическим пространством (через ангажированную элиту и ТНК, включение в евродолларовую зону).

Балканы в силу комплекса причин (психоисторических, геополитических, этно-конфессиональных, экономических и др.) стали зоной «турбулентности» капитализма. *Джеймс Розенау*, расширяя синергетическую парадигму, соотносит «турбулентность» с системным хаосом, т.е. состоянием мир-системы, которое может проявляться двояко.

Во-первых, «как признак распада системы, сложившейся при старой гегемонии».¹ Причем, гегемония здесь понимается, как «господство плюс согласие подчиниться».² Как известно, югославская система, созданная при гегемонии компартии и в ситуации биполярности, стала распадаться с 1980-х гг. Этно-конфессиональные противоречия югославских народов были использованы внешними игроками для провокации «турбулентности»/хаоса.

Во-вторых, «турбулентность» - ключевая составляющая в воссоздании системы при новой гегемонии. Сербия, пожалуй, единственная европейская

¹ Rosenau J.N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton: Princeton University Press, 1990. - P.4-5.

² Грамши А. Тюремные тетради /Избранные произведения в 3-х т. Т.3. М.:Изд-во иностр. лит-ры, 1959.

страна, которая не просто соглашается с «новой гегемонией», но пытается высказывать свои пожелания и даже условия. Важными в связи с последними сербскими событиями представляются рассуждения *Георгия Дерлугьяна* и *Кевана Харриса*.¹ Возникновение гегемонии возможно только, когда значительная часть общества принимает предлагаемый (навязываемый) порядок вещей потому что:

- *данный порядок представляется общим благом* (например, позитив от вступления в ЕС – валюта, визы и т.п.);

- *обществу предложен весьма комфортный материальный компромисс* (списание долга, снятие процентов по долгам, инвестиции в экономику, восстановление разрушенных во время войны объектов и т.п.);

- *существующему порядку просто не видно реальной альтернативы* («Изоляция и сомнительные обьятия России»).

Нарастание системного хаоса/турбулентности капсистемы (финансовый, экологический, демографический и иные кризисы) дополняется готовностью обществ, ранее не втянутых, как бы сказал *Энтони Гидденс*, в «сосуд власти» капитала, согласиться на «новую гегемонию». Наверное, так проще. Но не будем никого судить. Нам бы самим определиться, как себя вести и что делать в столь быстро меняющемся мире.

Центр и периферия капсистемы имеют не только разные интересы и цели от включения в процессы глобализации, но и разные стартовые возможности. Если «вхождение» развитых стран в глобализацию проходило постепенно, осторожно и селективно, то у периферийных обществ нет времени даже для осознания надобности или ненадобности такого вхождения. Требования глобалистов к новичкам «навязываются наотмашь, огульно и с большой жестокостью. Детали этих требований неоднократно уточняются, но их суть неизменно сводится к либерализации торговли и цен, дерегулированию

¹ Дерлугьян Г., Харрис К. Эволюция командных высот капитализма //В кн. Арриги Дж. Долгий двадцатый век. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – С. 19.

предпринимательской деятельности, всемерному сокращению хозяйственных функций государства, строгой фискальной политике».¹

Множество не всегда даже совместимых условий (молниеносная приватизация, обуздание инфляции, обеспечение платежеспособности по долгам, форсирование экспорта, стабилизация финансовой системы) давало развитым странам и международным экономическим организациям большую свободу не только в оценке состояния экономики новых государств, но и открывало возможности для прямого политического, экономического и даже военного давления на них.

В новых государствах глобализация, с одной стороны, форсирует анклавную модернизацию и вестернизацию отдельных слоев населения, прежде всего, политической элиты и жителей крупных городов. С другой - стратифицирует общество в целом и маргинализирует значительную часть населения.² Показательную картину деградации периферийных обществ постъюгославского пространства дают инновационные технологии «Политического атласа современности»,³ разработанные коллективом сотрудников МГИМО под руководством *А.Ю.Мельвиля*. Например, по 10-кластерному анализу Сербия, Черногория, БиГ и Македония попадают в одну группу с такими странами, как Армения, Боливия, Молдова, Гайана, Гренада, Самоа и Эквадор. По индексу качества жизни из 192 стран мира Босния и Герцеговина занимает 74 место, Македония – 75, Сербия и Черногория – 108. С индексом государственности дела обстоят хуже всего. Сербия (еще до отделения Косово) и Черногория занимают 145 место, Македония - 168, а БиГ – 174. Многомерный статистический и сравнительный анализ доказывают озвученный выше тезис: изучаемые страны лишь формально

¹ Коллонтай В.М. Западные концепции экономической глобализации / Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003. - С.150.

² Согласно документации ООН в так называемых «транзитных странах» с 1990 г. массовая пауперизация увеличилась с 14 млн чел. до 168 млн чел., что не имело аналогов в истории. (Global Urban Observatory, Slums of the World: the Face of Urban Poverty in the New Millennium? N.Y. 2003. P.2.)

³ www.worldpolities.org

являются суверенными, а значит, не могут играть самостоятельную роль в системе МО.

Итак, глобализация не только не приводит к выравниванию уровней жизни, не способствует созданию равных условий развития, не просто консервирует существовавший разрыв между бедными и богатыми обществами, а катастрофически его увеличивает, способствует глобальной деградации целых народов, является для них не столько внешним вызовом, сколько угрозой.¹ Транзитные страны даже не успевают обзавестись суверенными полномочиями, осознать и апробировать их.

Есть ли выход из-под такого глобального пресса? Выход есть всегда. Во-первых, надо учитывать специфику самой глобализации, которая все-таки не охватывает всех процессов на планете, не включает все территории и все человечество в работу своих экономических, финансовых и политических механизмов. «В то время как ее влияние распространяется на весь мир, ее фактическое функционирование и соответствующие глобальные структуры относятся только к сегментам экономических (и политических – Е.П.) отраслей, стран и регионов в масштабах, напрямую зависящих от специфического положения страны, региона или отрасли в международном разделении труда».² Современное состояние мир-системы доказывает нелинейность ее развития, а значит и возможность выбора, о чем уже говорилось выше применительно к синергетической парадигме. В странах, переживающих процесс консолидации государственности, глобализация с

¹ Согласно документации ООН в транзитных странах с 1990 г. массовая пауперизация увеличилась с 14 млн чел. до 168 млн чел., что не имело аналогов в истории. В докладе ООН «Глобализация благоприятствует богатым нациям» (12 июля 1999 г.) отмечалось, что в 85 странах их 174 обследованных люди по показателям «индекса человеческого развития» стали жить хуже, чем они жили 10 лет назад, тогда как пятерка ведущих стран – Канада, Норвегия, США, Япония, Бельгия – улучшила свои показатели.

² Соловьев Э.Г. Новый мировой порядок: толерантный мир или апофеоз конфронтационности //Вестник МГУ. Сер.18. Социология и политология. 2006. № 3. - С.12-13.

одной стороны создает возможности для экономического роста, притока иностранного капитала и постепенного преодоления широко распространенной бедности, но с другой - она сопровождается массовыми беспорядками, утратой национального контроля над основными экономическими ценностями и социальной эксплуатацией. Это присущее глобализации противоречие можно использовать в национальных интересах.

Вторым условием «выхода» является возрождение государства. Только сильное национальное государство может оградить рынок для *своих* предпринимателей, обеспечить социальные гарантии всем слоям *своего* населения. Протекционизм во всех его формах, начиная от таможенных барьеров до государственных субсидий, от всевозможных норм и стандартов до антидемпингового законодательства, от административных проволочек до международных соглашений, обязывающих партнеров «добровольно ограничивать» свой экспорт, – старый и испытанный способ защитить свой собственный дом. В современных условиях к протекционистским мерам относят также отсутствие упорядоченного (по западным стандартам) правового поля, системы бухгалтерского учета и аудита. Даже самые рьяные сторонники неолиберальной экономики рекомендуют и используют многочисленные формы протекционизма.

В-третьих, разрушая суверенитет, идеологи глобализации живут краткосрочными интересами, не видя не только долгосрочных, но и среднесрочных перспектив. Они не хотят понимать, что «государство *необходимо* (выделено – Е.П.) для того, чтобы рынки могли функционировать, и капитализм не уничтожил бы сам себя, поскольку он часто близорук, а рынки иррациональны. Рынки, не обузданные морально-политическими законами, будут говорить, что наркотики, оружие и проституция – самые ценные товары».¹ Значит, глобалистов *нужно убедить* в том, что именно суверенное государство должно и может всей своей

¹ States and Sovereignty in the Global Economy / Ed. by D.A. Smith. N.Y., 1999. - P.7.

деятельностью, разными способами определять важнейшие параметры рынка, устанавливать ориентиры и приоритеты для деятельности предпринимательских и иных структур. Именно государство призвано формировать общее экономическое и юридическое пространство, скреплять национальное единство, формировать целостность, ставить, наконец, ограничители для общественно опасной деятельности.

В последнее время в научных публикациях и практических решениях на национальном уровне все чаще критикуется неолиберальная глобализация, идет поиск новых подходов к вопросам дальнейшего развития. Все больший круг людей охватывает осознание того, что мир не может жить только по принципу максимализации прибыли, что на взаимоотношения между субъектами огромное влияние оказывают неформальные, неэкономические обстоятельства, социокультурная среда, морально-этический климат в обществе, уровень (и методы достижения) взаимного доверия и т.п.¹ Рынок, прибыль, коммерческий успех не самодовлеющие факторы, а лишь составная часть общественного развития, лишь некоторые из его механизмов, уходящие корнями во всю совокупность общественных отношений и зависящие в своем развитии от социально-политической сферы, от исторического и культурного наследия общества. Понимание сложности, многослойности, ветвления общественного бытия – есть важнейший позитивный сдвиг в общественном сознании, который может привести к серьезной борьбе за изменение направления развития всей системы международных отношений.

«Балканизация» -

понятийная категория и политическая практика

Понятийная категория «балканизация» появляется в научном дискурсе в конце XIX в. как характеристика процессов суверенизации этнически и

¹ Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y. 1996; Viney J. The Culture Wars. Oxford, 1997.

культурно неоднородного политического пространства юго-восточной Европы, находившегося под внешним управлением Австро-Венгрии, Османской Турции и Италии. С конца XX в. «балканизацию» следует рассматривать не только как объективный и закономерный процесс,¹ который возникает и развивается на определенном типе территорий, но и как метод управления политическим пространством. Характеризуется она следующими чертами:

- в пределах четко локализованного региона, имеющего стабильную внешнюю границу, может возникать неопределенное количество государств. Такой регион может быть представлен единым, но не целостным, государством, которое при соответствующих внешних условиях может распадаться на «суверенные» государственные единицы;

- формирование новых государственных союзов зависит от хода очередного этнополитического конфликта, а так же интересов и силы великих держав;

- государственные союзы могут иметь многоуровневую квазифедеративную модель. Первый уровень состоит из крупных территориально-административных единиц. Например, Хорватия, Сербия, Босния и Герцеговина. Примером второго уровня федерализации может служить Хорватия, которая включает такие особые социо-культурные районы как Истрия, Далмация, Сербская Краина, Восточная Славония. Третий уровень - мелкие государства площадью от 3 до 10 тысяч кв.км. В основании такого деления лежат районы с четко выраженной социо-культурной спецификой (Косово, в перспективе - Воеводина). Возможен и четвертый уровень: города-государства. Такими могут стать Дубровник, Сараево, Сплит. Отмеченные уровни не имеют абсолютного и законченного выражения, могут иметь большую или меньшую степень завершенности.

¹ Подр.см. Николаенко Д. Пространственно-временная динамика процессов социо-культурного освоения территорий. СПб., 1999.

- неопределенность и спорность многих внутренних государственных границ. Четко определена только внешняя граница региона. Внутренние границы могут флуктуировать в самом широком диапазоне. Ярким примером здесь служит Македония, ее северная и южная границы. Это, как известно, порождает сложность в международном признании суверенитета той или иной единицы. Та же Македония в ООН представлена как Бывшая Республика Югославии Македония (БРЮМ). На таком признании статуса, прежде всего, настаивает Греция, имеющая область Македонию на севере страны.

- потенциальная внутренняя готовность к конфликту, который приобретает развитые формы только при наличии соответствующих внешних стимулов. Аналогично, при изменении тех же внешних стимулов, конфликт прекращается и переходит в латентную фазу;

- любой внутрирегиональный конфликт вовлекает большое количество сторон. Их заинтересованность в определенном решении конфликта может быть различной. В ходе борьбы интересов на Балканах определяются региональные и глобальные лидеры;

- регион «балканизации» не представляет собой сплошную зону конфликта в его активной фазе. Открытый конфликт – «плавающая точка» на территории региона. Например, Сербская Краина (Хорватия), Республика Сербская (Босния), Косово (Сербия), Македония, опять Косово. Затухание активной формы конфликта в одной части района ведет к его немедленной активизации в другой части. Время протекания активной фазы общего регионального конфликта может быть достаточно велик - до десяти лет и более. При этом достаточно сложно определить состояние конфликта. Весь район становится кризисной зоной с «плавающей точкой» открытого конфликта;

- вмешательство третьих стран в процесс «балканизации» лишь обостряет деструкцию политического пространства и приводит к перевесу сил одной из конфликтующих балканских сторон. Любое внешнее вмешательство не

способно что-либо изменить в позитивном смысле в самом регионе. Конфликт удастся лишь приостановить, но не урегулировать окончательно (Босния, Косово, Македония). Кроме того, победы в балканских конфликтах носят временный и ненадежный характер. Стороны ждут нового конфликта, чтобы пересмотреть итоги и результаты предыдущего.¹

«Балканизация» регионов мира, отнюдь, не случайность. Это, в частности, результат того, что процессы освоения пространств, расположенных на стыках социо-культурных систем (СКС), вышли на достаточно высокий уровень. После того, как в конкретной СКС завершается формирование ядра и внутренней буферной зоны, начинается уточнение границ внешних зон контроля. Эти зоны делаются «непроходимыми», и, как следствие, в них начинает формироваться относительно размеров этих территорий большое количество государств. В такие периоды и развиваются процессы «балканизации».

Данная понятийная категория и политическая практика представляется чрезвычайно важной не только для отечественного научного дискурса, но и для принятия практических решений по развитию нашей страны. Речь даже не о том, что процессы «балканизации» всегда были характерны для Кавказа. Вряд ли кто-нибудь поспорит с тем, что «мы отползли от пропасти распада»² и сохранили целостность страны. Однако нынешняя ситуация вызывает ощущение зыбкости, неуверенности в долгосрочной стабильности. Назову лишь несколько причин для беспокойства.

Чечня не просто замирена, а получила такую автономию, о которой Д.Дудаев и А.Масхадов и мечтать не могли. При этом на Кавказе в целом очень и очень неспокойно, а в Ингушетии, Дагестане и Северной Осетии, по сути, продолжается террористическая война. Коррумпированные

¹ Пономарева Е.Г. Политическое развитие постъюгославского пространства (внутренние и внешние факторы). М.: МГИМО-Университет, 2007. – С. 132-133.

² Фурсов А.И. Российская федерация в начале XXI века //Москва. 2008. № 1. – С.194.

республиканские элиты не в состоянии контролировать ситуацию, в которой социо-экономические, политико-культурные и этноконфессиональные проблемы сплетены в тугой узел. Развязать его не представляется возможным, а разрубить по принципу «гордиева узла» нельзя – можно тем самым окончательно превратить регион в «серую зону».

Отношения центра с другими республиками также неоднозначные, так как основаны, прежде всего, на лояльности местных элит, которая как свидетельствует югославский и советский опыт сомнительная гарантия целостности страны. Напомню лишь, что «балканизация» югославского пространства начиналась с обретения республиками символов государственной власти (Конституция СФРЮ 1974 г. провозгласила их государствами), с узаконенной этнократии, с местного контроля над финансовыми потоками, с формирования местных силовых структур по национальному признаку.

Не окажется ли Россия следующей в списке стран, которые можно контролировать из центра капсистемы и которыми можно управлять через технологии «балканизации»? К несчастью, многие основания для активизации подобной политической практики у нас на лицо.

Косово – «уникальный» прецедент?

Принятие албанцами Косово декларации о независимости 17 февраля 2008 г. (кстати, подобные заявления принимались ими уже неоднократно) отнюдь не является следствием развития их национального самосознания или почти полутора вековой борьбы за независимость. Все то, что происходило и происходит вокруг косовского вопроса – есть столкновение не цивилизаций, и даже не государств. Роль финансово-промышленных групп капсистемы, умело использующих социо-культурные и исторические противоречия балканских народов в раскрутке этой проблемы - прав был *Гюстав Лебон*:

«Над народом проще властвовать, возбуждая его страсти, чем, угождая его интересам»¹ - несомненна и очевидна.

Ирредентистская агрессивность албанцев в соответствующей литературе объясняется «исторической несправедливостью», причиненной по отношению к этому народу решениями Берлинского конгресса 1878 г., который, как известно, закрепил новый расклад сил в Европе, но не предоставил ни малейшей автономии албанцам (тогда европейцы знали, что делали). Однако эта «несправедливость» вскоре была восполнена с лихвой. На конференции в Лондоне (1913 г.) великими державами была признана независимость албанского государства в современных границах, а в декабре 1920 г. Албания стала членом Лиги Наций, причем исключительно благодаря...США (*Вудро Вильсон* тогда решительно отклонил франко-британский план раскола этой страны). Однако иметь признанное мировым сообществом государство не стало пределом мечтаний албанцев. К тому же нашлись спонсоры и идеологи новых мечтаний – теперь о естественных границах «Великой Албании», т.е. объединения всех территорий, на которых, проживают албанцы.²

С момента возникновения собственного государства албанцы продолжали активно мигрировать в поисках лучшей доли, богатой земли. Как *Тим Джуда*, «албанцев скорее занимает проблема собственного благосостояния, нежели территориальный вопрос и проблема достаточного для воспроизводства жизненного пространства; при этом они всегда стремились к существованию за счет других».³

Действительно, в социалистической Югославии Косово постоянно дотировалось из Фонда Федерации, имело льготы при распределении республиканских валютных средств и кредитов МБРР, отдельные ассигнования из бюджета федерации для финансирования образования и

¹ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995.

² Искендеров П. Косово и ислам // Аналитические записки. 2007. № 24. – С. 137-140.

³ Judah T. Greater Albania? // Survival. L., 2001. Vol. 43. №. 2. – P. 8.

здравоохранения. Сегодня косовары также живут за чужой счет - за счет Всемирного Банка, Международного валютного и иных фондов, а еще на средства от торговли оружием и наркотиками.

«Независимость Косова» означает зависимость Европы от дикого капитала и черных рынков наркотиков и оружия. Неужели Европа мечтала о таком будущем? Видимо, да. Потому что признание «государства Косово» – лишь очередная верста большого пути напрямик в гоббсовское состояние «войны всех против всех».

И еще. Признанием Косова мировое сообщество заменит уничтоженное «международное право» албанским ирредентистским правом. Имеется в виду не рост сепаратистских настроений среди национальных меньшинств, не имеющих своих государств. Речь идет о создании прецедента на второе, третье, пятое государство одного народа. Если следовать логике косоваров, в современном мире скоро будет несколько десятков, к примеру, китайских, армянских, еврейских и других государств («где живем, там и наше государство»).

В связи с этим уместно вспомнить и «теорию размера» *Леопольда Кора*, который полвека назад прославлял уничтожение и дробление крупных европейских государств: «малый размер – основа стабильности и прочности, изящного гармоничного существования, которое не нуждается в хозяине».¹ Согласно логике Л.Кора, малая единица – единственная реальная основа социальной организации, которая лежит в основе всякого успешного управления. «Иными словами, малая единица представляет собой не *один из* принципов управления, а *единственный* принцип управления, и политика...может игнорировать ее не больше, чем физика – принцип тяготения».²

Здесь мы подошли, пожалуй, к самому важному. Для сценаристов «балканизации» косовский прецедент лишь очередной шаг в реализации не

¹ Кор Л. Распад государств. М.: КМК, 2007. – С. 108.

² Кор Л. Указ. соч., С. 208.

только «теории размера», но и теории «управляемого хаоса», возвращение к классическому принципу: divide et impera – «разделяй и властвуй»?

Россия - возвращение в большую политику

Косовский прецедент не стал бы столь значимым событием, а тем более точкой бифуркации системы международных отношений, если бы не позиция России. Отсутствие единства в поддержку отделения Косова, на которое рассчитывали США, есть прямое следствие изменившейся политики российского руководства. Если в начале 90-х гг. Россию, буквально, вышибли с Балкан (почему это произошло – отдельный разговор), то сегодня у нас есть серьезные шансы вернуть утраченный международный авторитет и защитить свои национально-государственные интересы. Более того, расклад сил по поводу признания/непризнания Косово - прямая заслуга России.

Ряд специалистов считает сложившуюся ситуацию не только нашей заслугой, но и победой. И вот почему:

1. Благодаря российскому твердому «нет» планам по отделению Косова, период международного политико-правового бесправия, который длился 17 лет, подходит к концу.

2. Многие эксперты считают, что ООН не выдержит косовского кризиса и дни ее сочтены. Однако, благодаря позиции России, ООН как раз может возродиться после «тяжелой болезни» - англосаксонской гегемонии. «Симптомы этого недуга проявлялись в подчинении воле США при решении сложнейших проблем межэтнических столкновений, в желании всегда выдерживать консенсус при голосовании в СБ, даже если понималась несправедливость принимаемого решения, в политике двойных стандартов по отношению к сербскому народу, в активном вмешательстве НАТО в балканские дела без решения ООН».¹

¹ Гуськова Е.Ю. Возрождение справедливого миропорядка начнется из Сербии? // <http://fondsk.ru/article.php?id=1230>

3. Роль России очевидна в процессе консолидации руководства Сербии, которое теперь имеет весомую внешнеполитическую поддержку в защите своих законных исторических прав. При всех кризисных явлениях в системе международного права пока без согласия СБ ООН, в котором Россия и Китай занимают однозначную позицию по непризнанию такой «географической новости» как Косово, нельзя будет поднять вопрос о признании его независимости на Генеральной Ассамблее ООН.

Москва не перестает повторять, что возникший в результате грубого нарушения норм международного права косовский прецедент представляет собой угрозу безопасности и стабильности не только в балканском регионе, а чреват эскалацией напряженности и межэтнического насилия, деструктивными последствиями во всем мире. В такой жесткой позиции, которая, кстати, подкрепляется серьезными экономическими амбициями («Южный поток», покупка нефтеперерабатывающих заводов в Сербии и др.) проявляется образ новой возрождающейся России. Однако пока мы имеем все же слишком мало политических инструментов, чтобы всерьез повлиять на изменение вектора развития системы МО, заданный крушением биполярной системы. Но не надо забывать, как справедливо заметила *Светлана Лурье*, что «нынешняя Россия – новичок в сегодняшней большой внешнеполитической игре, порой она еще только пробует свои силы в качестве сверхдержавы».¹

Тем не менее, Балканы для России и всей системы МО действительно могут стать точкой перелома. Россия не только самоидентифицировала себя с международным правом, но и заставила мировое сообщество воспринимать себя как поборницу этого права. Если политическая элита страны будет и дальше «раскручивать» эту позицию, то постепенно Россия будет восприниматься именно как защитница «униженных и оскорбленных»,

¹ Лурье С.В. Искусство разрушать предопределенности // Политический класс. 2008. № 2. – С. 89.

каковых немало в современном мире, а, значит, и приобретет немало союзников.

Возвращаться всегда труднее, чем уходить: как бы сказал *Жан-Жак Руссо*, «почти во всех делах самое трудное – начало». Возвращение же России в большую политику сложнее вдвойне. Важно помнить, что многое из того, что говорит или будет говорить Москва, воспринимается в штыки. Это закономерное следствие психоисторической и геополитической конкуренции за место в большой политике, а также образа нашей страны, растиражированного западными СМИ, как державы-монстра. Однако «собака лает – караван идет». Искусство внешнеполитических провокаций уже неплохо изучено отечественной элитой. Она достаточно хорошо чувствует культурную подоплеку действий всех участников большой политики, а значит, способна на единственно верные в интересах России решения.

Тем не менее, несмотря на имеющийся оптимизм, югославский опыт показывает, что пока никто не может сопротивляться прессу глобализации и провоцируемой ею «балканизации». Тем не менее, необходимые условия для сопротивления есть (хотя пока только теоретические) и их надо знать:

- государство должно быть достаточно крупным по площади и населению;
- государство должно иметь развитую промышленную базу;
- государство должно быть достаточно сильным в военном смысле;
- государство должно обладать мощным цивилизационным потенциалом – высокоразвитой культурой, длительной исторической традицией;
- государство должно иметь сильную национально-ориентированную элиту, способную максимально использовать четыре первых условия в борьбе за место в мир-системе.

За пределами ядра капсистемы есть только четыре страны, которые обладают в разной степени либо полным набором приведенных выше условий, либо первыми четырьмя. Это Бразилия, Россия, Индия и Китай. Из этих четырех только Россия может стать той переменной, которая может изменить вектор развития системы международных отношений.

Балканский узел: последствия косовского кризиса

С провозглашением албанцами в Косово независимости не удалось покончить с вызовами, которые угрожают региональной стабильности Балкан. В противовес мнению большинства западных дипломатов, независимость Косова может превратиться в механизм запуска не только процесса региональной нестабильности, но и фактической перестройки карты мира. Западные правительства сложны во мнении, что косовская проблема по сути должна выйти за рамки существующей международной системы по причине «уникальности» случая, которая заключается в необходимости выхода из ситуации статуса-кво, существующей с июня 1999 года, когда Косово стало международным протекторатом по условиям резолюции №1244 СБ ООН. Однако сам принцип «уникальности» уже давно поставлен под сомнение и анализируется как российскими, так и западными аналитиками в контексте политики «двойных стандартов» западных стран. Ведь именно политика западных стран внесла значительный вклад в процесс установления международного протектората в Косово в июне 1999 года, что в свою очередь привело к провозглашенной «уникальности» в процессе решения косовского случая. Не углубляясь в дальнейшем в вопросе самого прецедента и уникальности подхода в урегулировании кризиса в Косово, остается однако открытым вопрос правовой обоснованности использованного косовскими албанцами права на самоопределение.

Один из самых важных аспектов многостороннего решения косовской проблемы заключается в поддержке которую предоставляют страны внутри Совета Безопасности ООН - органа, ответственного за

предотвращение и сохранение мира и безопасности на земле. В то время как постоянные члены СБ ООН Великобритания, США и Франция поддержали независимость Косово, акты признания независимости Косово как суверенного государства не нашли понимания у представителей России и Китая. Виталий Чуркин, постоянный представитель Российской Федерации при ООН, подтвердил, что Россия продолжает признавать Сербию в международно признанных границах: "Декларация 17 февраля местной Ассамблеи сербского края Косово - это откровенное попрание норм и принципов международного права, в первую очередь Устава ООН, подрывающее устои системы международных отношений. Данный незаконный акт является прямым нарушением суверенитета Республики Сербия, договоренностей на высоком уровне в Контактной группе, "Косовских конституционных рамок", базового документа косовского урегулирования - резолюции №1244 (1999), а также других соответствующих решений Совета Безопасности. Односторонняя декларация и ее признание несовместимы с положениями Хельсинского заключительного акта... Складывающаяся в результате нелегитимных шагов краевого руководства ситуация представляет собой угрозу миру и безопасности в балканском регионе¹" - сказал Чуркин. Серьезную озабоченность односторонним провозглашением независимости Косово выразила и китайская сторона. На заседании Совета Безопасности, Ван Гуанья, китайский представитель в ООН, заявил, что "Китай неизменно выступает за мирное разрешение споров

¹ 5839-е заседание Совета Безопасности ООН 18 февраля 2008 года. S.PV.5839
<http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/PRO/N08/242/58/PDF/N0824258.pdf?OpenElement>

при помощи политических и дипломатических средств и поддерживает надлежащее урегулирование о статусе Косово на основе переговоров... Принятие Косово односторонних мер может лишь привести к разжиганию конфликтов и беспорядков в регионе, которые, в свою очередь, породят серьезный гуманитарный кризис и повлекут за собой негативные последствия для всего балканского региона, а также за его пределами.²" К возобновлению переговорного процесса в рамках СБ ООН призвали также правительства Южной Африки, Вьетнама и Индонезии.

Существующая международно-правовая система утвердила и в косовском случае подтвердила противоречивый характер между двумя принципами международного права, а именно правом нации на самоопределение и правом государства на сохранение территориальной целостности с учетом того, что оба принципа зафиксированы в основных международно-правовых документах. Резолюцией №1244 Совета Безопасности ООН все страны-члены ООН обязаны уважать территориальную целостность и суверенное равенство Союзной Республики Югославии, в составе которой входило и Косово. При этом резолюция Совета Безопасности ссылается на Заключительный акт, принятый в Хельсинки в 1975 году, в котором среди десяти основных принципов международного права упоминаются право на *территориальную целостность государства* (четвертый принцип), *нерушимость границ* (третий принцип), *неприменение силы или угрозы силой* (второй принцип), а также *равноправие и право народов*

² 5839-е заседание Совета Безопасности ООН 18 февраля 2008 года. S.PV.5839 <http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/PRO/N08/242/58/PDF/N0824258.pdf?OpenElement>

распоряжаться своей судьбой (восьмой принцип)³. В поддержку восьмого принципа нередко упоминается и резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2200, вступившая в силу 23 марта 1976 года, более известная как «Международный пакт о гражданских и политических правах», в статье 1 части 1 которой говорится: «Все народы имеют право на самоопределение. На основании данного права они свободно определяют свое политическое положение и свободно достигают своего индустриального, общественного и культурного развития»⁴. Однако необходимо отметить, что «определение политического статуса» не означает только и в первую очередь право на выход из состава того или иного государства, но и ряд других политических определений – автономия, самостоятельное управление, участие во власти и т.д. В данном контексте не лишним будет напомнить, что в процессе переговоров между косовскими албанцами и сербами сербская делегация, основываясь на положения национальной концепции в отношении Косово⁵, добывалась широкой автономии для

³ «Исходя из принципа равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие» / Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2003 / Под ред. А.Д. Богатурова. Том четвертый. Документы. 1945-2003 / Сост. Е.Г. Капустян, А.В. Мальгин, А.А. Соколов. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2004

⁴ «Международный пакт о гражданских и политических правах». Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. Вступил в силу 23 марта 1976 года.

⁵ «Платформа государственной делегации для переговоров по будущему статусу Косово». Согласно данному документу, в основе решения задачи определения статуса Косово и Метохии должно лежать Общее соглашение, заключенное на двадцать лет, которое носило бы характер международно-правового документа содержащего основные элементы по будущему устройству Косово, с обязательным

Косово внутри границы Сербии. Таким образом, учитывая сложность косовской проблематики нельзя не учесть мнения некоторых специалистов международного права, которые указывают на определенный контекст принципа территориальной целостности государств. Принцип территориальной целостности, который утвердился в рамках биполярной системы и в период «холодной войны», указывал в первую очередь на процессы происходящие между двумя государствами, в то время как право на самоопределение рассматривается в контексте внутривнутриполитического развития в границах существующего государства. Таким образом, в условиях нового мирового порядка можно всего лишь говорить об условной преимуществом одного принципа над другим. Как выразился известный сербский историк Крстич Бранислав, в косовском случае необходимо было сделать выбор между этническим правом, на которые ссылаются косовские албанцы, и историческим правом, на которое ссылаются сербы⁶, или как раз между правом на самоопределение и правом на территориальную целостность государства (прим.автора). При этом преимуществом этнического принципа над историческим, на которое легко согласилось большинство западных стран в косовском случае, медленно открывает ящик Пандоры и приводит к дальнейшему росту межэтнической напряженности на Балканах.

указанием перечня конституционных гарантий которое необходимо для обеспечения мирного существования национальных меньшинств, проживающих в Косово и Метохии.

⁶ Крстич, Бранислав. Косов между историческим и этническим правом. Белград: IP Kiša Vid, 1994.

Спустя месяц после провозглашения независимости Косово, в марте 2008 года внутри правительства соседней республики **Македонии** начался кризис после того Демократическая партия албанцев (ДПА) Македонии выступила с заявлением о ее выходе из состава правящей коалиции, если Македония немедленно не признает независимость Косово и не объявит о придании албанскому языку статуса второго официального языка в стране. Хотя кризис удалось разрешить, стало ясно что вопрос политической стабильности Македонии не утратил своей остроты. Бывшая югославская республика Македония, в которой проживает порядка 23% албанского населения, уже не раз чувствовала на себе последствия трагических развязок албанского сепаратистского движения в соседних странах. Последний раз в мае 2001 года, когда откровенные столкновения между албанскими национальными группировками и македонскими силами правопорядка грозились превратиться в уже очередные на территории бывших югославских республик военные действия больших масштабов. Ответственность за нападения на территории Македонии в 2001 году взяло на себя незаконное военное формирование – Освободительная национальная армия (ОНА)⁷. Наблюдатели полагали, что ОНА вышла из шинели известной ОАК (Освободительной армии Косово). Освободительная национальная армия стремились привлечь внимание общественности к проблеме национальных прав албанцев в Македонии и добивались получения албанцами статуса «государствообразующей» нации со всеми вытекающими правами (придание албанскому языку статуса

⁷ Ushtria Clirimtare Kombetare или UCK (аббревиатура на албанском языке).

государственного, увеличение числа албанцев, служащих в органах государственной безопасности и т.д.), несмотря на тот факт, что с момента выхода Македонии из состава СФРЮ международное сообщество подчеркивало, что в Македонии отношение государства к национальным меньшинствам находилось на высоком уровне. Председатель Парламентской Ассамблеи Совета Европы лорд Рассел-Джонстон всего за несколько недель до начала конфликта в Македонии заявил в Скопье, что строительство межэтнических отношений в республике можно назвать «образцовым для всех Балкан»⁸.

Спустя несколько месяцев после начала боевых действий и при посреднической роли международного сообщества, удалось достигнуть договоренностей между сторонами⁹. Итогом переговорного процесса стало подписание 13 августа 2001 года Охридского рамочного соглашения, некоторые положения которого кардинальным образом изменили политическое пространство страны, среди них два ключевых, касающихся языка и национальности со ссылкой на текст новой Конституции. Во-первых, постановление официально использовать албанский язык в парламенте и в областях, где албанцы составляют не менее 20%, а также распоряжение о том, чтобы опубликованные законы и официальные документы выпускались как на македонском,

⁸ Минеев А. Македония – под натиском албанцев и беззащитна // Эхо планеты. 2001. № 14, март/апрель.

⁹ В результате военных действиях в Македонии, по разным оценкам, погибло до 300 человек, конфликт оставил после себя от 100 до 150 тыс. перемещенных лиц⁹, а стране был нанесен ущерб от 600 до 700 млн долларов, что составляет пятую часть ее ВВП. См Ямбаев М.Л. Вооруженный конфликт 2001 г. в Македонии и развитие политической ситуации в стране. // www.guskova.ru

так и на албанском языках. Во-вторых, преамбула Конституции вводит понятие «гражданин Македонии», вместо упоминания этнических и национальных групп. Новая преамбула Конституции гласит: «Граждане Республики Македония, македонский народ и граждане, проживающие в ее границах и являющиеся частью албанского народа, турецкого народа, влашского народа, сербского народа, цыганского народа, боснийского народа и другие...»¹⁰. Остальные модификации в пользу национальных меньшинств указывают, что экономическая, социальная и культурно-образовательная жизнь страны, потребности и интересы большинства населения подчиняются в некоторой степени воле национальных меньшинств, в данном случае националистическим требованиям албанской этнической общины.

Как в 2001 году, так и в сегодняшнее время, нестабильная внутривнутриполитическая ситуация в Македонии всего лишь стала звеном в цепи последствий трагических войн в Косово. Отягощенная бременем албанских беженцев с Косово (от 240 до 370 тысяч по разным оценкам) после военной операции НАТО в Югославии, Македония в 2001 году стала легкой добычей для радикально настроенных албанских боевиков. Сегодня, учитывая этнический состав своего населения, Македония неизбежно оказывается на одной волне с событиями

¹⁰ Ранее аналогичный отрывок звучал иначе: «...исходя из исторического факта конституирования Македонии как национального государства македонского народа, в котором обеспечивается полное гражданское равноправие и постоянное сосуществование македонского народа с албанцами, турками, влахами, цыганами и другими национальностями, которые проживают в Республике Македонии...» См. *Ямбаев М.Л.* Вооруженный конфликт 2001 в Македонии и развитие политической ситуации в стране // www.guskova.ru/misc/balkan/2003-12-23

происходящими в соседнем Косово. Именно поэтому македонское руководство, в своем обращении к НАТО с просьбой ускорить процесс принятия Македонии в военный Альянс, в качестве одного из основных аргументов целесообразности такого решения приводят тот факт, что Македония одним из первых почувствует на себе последствия после определения статуса Косово. Вдобавок стабильность и нормальное функционирование молодого македонского государства по сегодняшний день находятся под угрозой в том числе из-за непростых отношений Скопье с ближайшими соседями. На прошедшем в апреле 2008 года саммите НАТО в Бухаресте приглашение Македонии в Альянс отложено, по требованию Греции, из-за многолетнего спора двух стран вокруг официального названия государства, поскольку Греция в самом названии «Македония» усматривает притязание на свое историческое наследие. Болгария, где все еще в значительной степени сохраняется традиционное отрицание самого существования македонской нации, долго не признавала самостоятельность македонского языка, считая его диалектом болгарского. Отношения с Албанией осложнились в связи с политической активностью албанского национального меньшинства в стране.

Признание независимости Косово подтолкнуло к росту напряженности в наиболее пострадавшей от военных действий 90-х годов **Боснии и Герцеговины**. В ответ на провозглашение косовской независимости боснийские сербы в Республике Сербской, которая входит в состав Боснии и Герцеговины, стали также требовать независимости и отделения от остальной части Боснии и Герцеговины, границы которой были определены условиями Дейтонского соглашения в декабре 1995 года. Признание косовской независимости

большинством западных стран поставило под угрозу договоренности постигнутые в рамках Дейтонского мирного процесса, в ходе которого заложены основы конституционного устройства Мусульманско-хорватской федерации и Республики Сербской, входящих в состав современной Боснии и Герцеговины: «Мы можем рассматривать одностороннее провозглашение независимости Косово как сигнал о том, что Республика Сербская сможет в будущем рассчитывать на такое же право¹¹» - заявил после одностороннего провозглашения Косово премьер-министр Республики Сербской, Милорад Додик. Косовский прецедент в итоге может оказаться основным дестабилизирующим фактором на Балканах, в особенности там где мир и стабильность добивалась ценой кровопролитных войн и многочисленных человеческих жертв. В подтверждение ускоренной радикализации ситуации в Боснии и Герцеговине свидетельствуют и намерения боснийских сербов добиваться права на самоопределение, как права загарантированного условиями новой Конституции Боснии и Герцеговины. Несмотря на заверения представителей международного сообщества о том, что границы существующей Боснии и Герцеговины как международно-признанного государства не подлежат обсуждению, в долгосрочной перспективе боснийские сербы смогут добиться отделения своей автономии от федерации. Учитывая при этом конфликтный потенциал страны и скрытое стремление сербской общины в Боснии к объединению с соседней Сербией, нельзя с

¹¹ «Если большинство признает Косово, Республика Сербская распишет референдум». Интервью премьер-министра Республики Сербская Милорада Додика. Ежедневная газета «Данас», 10 марта 2008 года. <http://www.danas.co.yu/20080310/evropa1.html>

уверенностью утверждать, что сам процесс раскола боснийской федерации пройдет мирным путем.

В Европе таким образом вновь стали переживать по поводу угрозы нарушения стабильности на Балканах. В контексте провозглашенной независимости Косово опасаются не только сепаратизма внутри бывших югославских республик с многоэтнической структурой населения. Под угрозой оказалась и политическая стабильность Сербии и региональная безопасность Балкан. Независимость Косово привела к ухудшению политической ситуации в **Сербии**, к расколу внутри правящей коалиции в сербском правительстве и досрочным парламентским выборам, которые состоятся в самый сложный момент для обороны территориальной целостности страны. Сербская политическая сцена в очередной раз оказалась в состоянии хрупкого равновесия между сторонниками европейского будущего страны и приверженцами сохранения территориальной целостности Сербии вопреки процессу европейских интеграции. При этом кризис внутри так называемого демократического фланга всего лишь подтолкнул граждан имеющих право голоса к оказанию поддержки националистической Сербской радикальной партии Войислава Шешеля (находится в Гаагском трибунале по обвинению в военных преступления в Боснии и Хорватии начала 90-х годов), которая уже располагала крупнейшей фракцией в распущенном парламенте страны. Предстоящие парламентские выборы таким образом станут своеобразным референдумом в ходе которого граждане должны решить пойдут ли они по пути вступления в ЕС или предпочтут вести борьбу за Косово, итогом которой может оказаться уже начавшийся подъем националистических настроений и

уже опробованный на коже собственных граждан процесс изоляции, вопреки европейскому духу примирения и объединения.

Предоставление независимости Косово стало причиной внутреннего раскола и в странах Европейского Союза, так как им не удалось согласовать единой позиции вокруг Косово. В то время как большинство европейских стран уже признали Косово или в крайней мере выразили готовность установить дипломатические отношения с Косово, противниками создания государства Косово провозгласили себя Испания, Словакия, Румыния и Кипр. Хотя серьезного расшатывания внутри Европейского Союза не произошло, в долгосрочной перспективе одобренный большинством европейских стран проект независимого Косово может привести к активизации сепаратизма в Европе и, как следствие неединой позиции в косовском случае, отсутствие коллективной политики по отношению к усиливающейся угрозе подъема национализма в отдельных европейских регионах. По словам министра иностранных дел России Сергея Лаврова, признание независимости Косово может всего лишь привести к внутриевропейским потрясениям: «Кто-то это понимает и ведет себя последовательно, отказываясь признать независимость Косово. Кто-то думает, что спасти страну от развала можно филиппиками в адрес собственных сепаратистов. К этому следует добавить возрастающую, в том числе вследствие во многом политизированного расширения и снижения уровня однородности ЕС, громоздкость процесса принятия решений в Брюсселе, а соответственно, и снижающуюся оперативность коллективного реагирования на развитие событий. Надо остановиться, задуматься,

еще лучше - поразмышлять совместно, к чему мы не перестаем призывать своих западных партнеров, будь то в Мюнхене или в Бухаресте¹²» - справедливо указывает министр Лавров в статье, посвященной итогам саммита в Сочи и в Бухаресте.

Признание независимости Косово со стороны США и большинства стран ЕС таким образом не привело к укреплению региональной стабильности Балкан, а скорее породило очередной кризис в международных отношениях, негативные последствия которых ощущается в рамках запущенного «эффекта домино» не только на Балканах, но и в мире, где сотни претендующих на признание государств ждут сигнала к объявлению независимости. Сигнал прозвучал 17 февраля 2008 года, в день провозглашения республики Косово. В региональном контексте рост напряженности ощущается не только в соседних Македонии, Боснии и Герцеговине, в самой Сербии, но также и в Черногории, где лишь благодаря либеральной политике правительства находящейся у власти удастся на современном этапе держать под контролем национальный подъем в массах и национальные движения внутри населения с очень сложной этнической структурой. За рамками косовского вопроса не остается ни Хорватия, которая в долгосрочной перспективе может оказаться жертвой собственного решения признать независимое Косово, в силу возможного возврата нескольких сотен тысяч сербских беженцев, которые покинули свои дома в результате сербско-хорватской войны

¹² Статья Министра иностранных дел России С.В.Лаврова по итогам саммитов в Бухаресте и Сочи, опубликованная в журнале «Профиль» 21 апреля 2008 года, http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/5f31465134ca146d43256d90004d6f85/1e22404daf85ab67c32574320023899c?OpenDocument (Интернет-сайт Министерства иностранных дел РФ)

начала 90-х годов. Единственным решением для всех бывших югославских стран являются ускоренные евроатлантические интеграции, к которым они и стремятся. Однако долгий путь и крайнее сложные процессы реформирования существующей внутригосударственной системы, также как и бремя войн начала 90-х годов прошлого века, порождают новые вызовы и проблемы которые нередко сам процесс приближения Европейскому Союзу усугубляют и осложняют, а тем самым и отодвигает страны на шаг назад от решения вопроса касательно европейских интеграций

Балканский узел вряд ли оказался менее запутанным после решения большинства западных стран признать Косово. Перед тем как провозглашать независимость Косово уникальным случаем, необходимо было задаться вопросом об уникальности самого региона которому принадлежит Косово, о Балканах которые в очередной раз превращаются в арену соперничества геостратегических интересов великих держав и где вновь пробуждаются множественные локальные конфликты на религиозной или этнической почве. Вряд ли можно не согласиться что основным катализатором к ускорению данных процессов, готовых в очередной раз подорвать региональную стабильность, послужила независимость Косово.

Начало раннего Нового времени на Западе и кардинальные геополитические изменения на Востоке Европы во второй половине XV-XVI вв.

Русский мир, с момента своего появления на свет был своеобразен, склонен к постоянному расширению и изменчивости. Его внутреннее качество постоянно менялось. От чисто внешней фрагментарности восточнославянского пространства IX в. он шагнул к весьма противоречивому единству киевского периода 882-1054 гг. Затем в удельные времена (исток которых пришелся на вторую половину XI – начало XII вв., а конец – на середину XV столетия) опять вернулись к фрагментарности. Однако эта новая фрагментарность имела уже совершенно иной смысл. Каждая часть мозаичной картины Руси представляла собой альтернативный вариант развития, мало совместимый или совсем не совместимый с остальными. Логическим завершением такого итога внутреннего развития к середине XV в. мог стать только скорый распад прежнего древнерусского пространства. Ожидалась некая кардинальная перемена, из которой рождались новые этнические, государственные и социокультурные формы.

Внешним толчком к изменениям оказался уход с исторической сцены в начале XV в. прежнего геополитического столпа восточно-европейского и северо-западного азиатского пограничья – Золотой Орды. Первые признаки ослабления Орды проявились в конце 1350-ых – 1370-ые гг. в «великую змятню», погрузившую в 20-летнее междоусобие распавшуюся на улусы страну. Восстановление единства Орды оказалось возможным только при помощи могущественного среднеазиатского правителя Тимура, возведшего на сарайский престол хана Тохтамыша. Однако уже при Тохтамыше отчетливо выступили признаки военной несостоятельности Золотой Орды. Так в походе на Северо-Восточную Русь 1382 г. обнаружилось, что в отличие от своих предков, ордынцы конца XIV в. не умеют брать каменные крепости, что, впрочем, не помешало им овладеть Москвой, используя простодушие оборонявшихся и их случайного юного вождя Остея. Однако, восстановленное было могущество Орды оказалось миражем. Роковая ссора Тохтамыша с Тимуром закончилась военным поражением и опустошением Орды в ходе трех кампаний, проведенных Тимуром в 1389-1395 гг. Золотоордынская столица – Сарай лежала в руинах. Торговые пути, питавшие Золотую Орду, теперь были перенесены южнее во владения Тимура. Вместе с богатством покинули Улус Джучи и военно-политические возможности. Процесс дробления стал необратимым. Причем большинство из образовавшихся на месте Золотой Орды ханств - Крымское, Ногайское, Казанское, Сибирское (Тюменская Орда) ввиду специфики своей внутренней социально-экономической жизни стремились к обособленности. Казахские владения преемников Батыя вообще вернулись к патриархальному родовому укладу, образовав три Жуза, союза племен: Старший (южный), Средний и Младший (северо-западный). Лишь находившаяся в Среднем Поволжье, южнее Казани Большая Орда пыталась выступить централизующей силой, но ее внутренние ресурсы, опирающиеся преимущественно на кочевое скотоводческое хозяйство были ограничены. В итоге на Востоке Европы образовался «вакуум власти»¹.

¹ По М. Выбор пути. Почему Московия не стала Европой // Родина. № 11. 2003. С.25.

История, как природа, не терпит пустоты. Освободившееся место геополитического лидера в порубежье Восточной Европы и Северо-западной Азии должен был кто-то занять.

Первой такую попытку совершила «другая Русь» - Великое княжество Литовское и Русское. В конце XIV в. великий князь Витовт выступил защитником изгнанника Тохтамыша. Бывший золотоордынский хан нашел в Литве приют и заверения, что его вернут в Сарай. Этой операцией Витовт рассчитывал «убить двух зайцев»: получить великокняжеский ярлык на все русские владения, входящими в зону ордынского владычества, покончив с лидерством Москвы на русском северо-востоке; и добиться неформального контроля над самой дряхлевшей Ордой. Однако поражение Литвы в битве на Ворскле (12 августа 1399) поставило крест на данных планах.

Интересно, что с военной точки зрения победа ставленников Тимура молодого хана Темир-Кутлуй и мурзы Едигея была случайной. Витовт серьезно подготовился к кампании, его силы превосходили противника количественно и качественно². Все погубила самоуверенность Витовта, не принявшего в расчет военный и дипломатический опыт Едигея, а так же остатки «комплекса покорителей Вселенной» в менталитете татар.

Однако геополитический итог: неспособность великого княжества Литовского и Русского заполнить собой вакуум власти в Восточной Европе был вполне закономерен. К началу XIV в. литовско-русское государство утратило динамизм, что выразилось, в частности, в явно второстепенной роли, которую играла Литва внутри польско-литовского альянса. Об этом красноречиво свидетельствует превращение великого князя Ягайло Ольгердовича, правителя литовско-русской языческо-православной державы, в польского короля-католика Владислава, крестившего в латинскую веру языческую Литву по условиям Кревской унии 1385 г. Борьба сторонников литовско-русской независимости от Польши, хоть и увенчалась признанием кузена Ягайло - Витовта Кейстутовича великим князем Литовским и Русским (договор 1392, Городельская уния 1413 г.), но он принужден был признать себя вассалом польского монарха. Попытка же Витовта получить от императора Германии Сигизмунда корону завершилась полной неудачей и личной трагедией Витовта³.

² В 1397 г. в ходе подготовки к большой войне с Золотой Ордой войска Витовта, в состав которых входило южнорусское боярство со своими военными формированиями, совершили успешный поход к Дону, а осенью разбили отряды крымских мурз. В 1398 г. южнорусские, западнорусские и литовские полки Витовта овладели землями в низовьях Днепра и построили здесь каменную крепость св. Иоанна (Тавань). Эта твердыня стала форпостом литовского присутствия в Северном Причерноморье. Несколько тысяч ордынцев были выведены из этих мест и поселены на Киевщине и Волыни. На пограничных реках Южной Руси в срочном порядке возводились замки. Сюда же стягивались военные силы со всего великого княжества литовского и русского. Прибыли пехотные тяжеловооруженные полки из Полоцка под руководством героя Куликовской битвы князя Дмитрия Ольгердовича; дружины другого героя Куликова поля – брянского князя Андрея Ольгердовича. Подошли также отряды киевского князя Ивана Борисовича, гольшанского - князя Ивана Ольгимунтовича, рыльского – Федора Патрикеевича, смоленского – Глеба Святославича и многих других: всего собралось под предводительством Витовта 50 князей. Еще под рукой Витовта находились всадники Тохтамыша, собственная литовская конница, наемники из Валахии, 400 рыцарей из Польши, а также около сотни крестоносцев, присланных великим магистром Ордена. Имелось и новшество – пушки. Татары же не имели представления об огнестрельном оружии.

³ Сигизмунд, искавший союзников для борьбы с чешскими гуситами, дал согласие на объявление Витовта королем Литвы и Руси. Император отправил послов с грамотой и короной, хотя папа Римский с подачи поляков запретил Сигизмунду посылать, а Витовту принимать корону. Папа понял опасность, которая грозит католичеству в независимой Литве и Руси: давно господствующее в Южной и Западной Руси православие легко возьмет верх над недавно приобретенной литовцами латинской верой. В итоге, в 1430 г. двое имперских посланников – Чигала и Рот, которые везли грамоты, дававшие Витовту право на королевское достоинство, были захвачены поляками. Другие же послы, которые везли корону,

Даже в пределах русского мира гегемония Литвы была спорной, несмотря на все ее успехи в консолидации западнорусских и южнорусских земель, достигнутые в XIV в. Во времена Витовта апогей литовско-русской консолидации уже прошел. Пик успехов пришелся на великое княжение дяди Витовта - Ольгерда Гедиминовича (1345-1377). Поручив своему брату и фактическому соправителю Кейстуту отвоевывать Жмудь у Ордена, Ольгерд сконцентрировался на собирании русских земель. Победа над татарами в битве у Синих Вод (1362) позволила ему включить в свое государство почти всю Южную Русь. Вскоре эта «Украина» была освобождена и от последних даннических обязательств в отношении Орды. Однако на северо-востоке Руси литовцы не имели успеха. Ввязавшись в 1371-1375 гг. на стороне Твери в московско-тверской конфликт, Ольгерд не смог повлиять на его итог. Ярлык на Великое княжение Владимирское остался у московского князя Дмитрия Ивановича, а само это великое княжение было объявлено «вотчиной» московской династии. В ходе трех «литовщин», походов Ольгерда на Московское княжество, литовско-русские полки Ольгерды опустошили московскую провинцию, но оказались не только не в состоянии овладеть Московским Кремлем, но и не спасли от ответного разорения москвичами владения Михаила Александровича Тверского, союзника и родственника Ольгерда. Так возникла враждебность между Москвой и Литвой, которая в дальнейшем только нарастала. Не стал компромиссом брак дочери Витовта Софьи с сыном Дмитрия Донского Василием I, причем уже не по вине Москвы: именно ярлык Василия I на великое княжение Владимирское желал «похитить» Витовт, помогая Тохтомышу в конце XIV в. Все это превратило претензии великого княжества Литовского и Русского на геополитическое первенство в Восточноевропейском пространстве в иллюзии.

Пытались овладеть имперским наследием Золотой Орды и ее собственные «осколки» – Большая Орда и Крым. Однако первая оказалась слишком слаба. Претензии хана Большой Орды Ахмата не признали даже ближайшие «родственники»: правители кочевых орд Сибири и Ногайской Степи, не говоря уже о ханствах с преимущественно оседлым населением - Казанском и Крымском. Стояние на Угре 1480 г. стало тем рубежом, который в науке принято считать за условную дату падения татарской зависимости Руси. В январе 1481 г. тюменский хан Ивак (Ибрагим) отнял жизнь Ахмата, а крымцы в 1502 г. довершили разгром его державы. Сыновьям Ахмата удалось закрепиться в Астрахани, но Астраханское ханство не претендовало на роль Золотой Орды. «Золотоордынские претензии» пытался заявить Крым при своем втором независимом властителе - Менгли-Гирее (1466-1515). Но сам Менгли-Гирей получил трон только благодаря помощи Кафы, а в 1475 г. Крым был оккупирован Турцией. В бывшей генуэзской Кафе появился наместник султана и сильный османский гарнизон. Менгли-Гирей стал вассалом турецкого султана.

После захвата турками-османами Анатолии, падения Константинополя (29 мая 1453), Мистры (1460) и Трапезунда (1461) кардинально изменилась геополитическая обстановка на Ближнем Востоке и юго-востоке Европы. Новый

испугавшись, вернулись к Сигизмунду. Весть обо всех этих «подвигах» застала Витовта в окружении многих иностранных гостей, ожидавших его коронации. Гости, включая внука Витовта московского князя Василия II, спешно разъехались. Вскоре 27 октября 1430 г. престарелый Витовт умер, причем современники причиной, ускорившей его кончину, называли скорбь ввиду несбывшейся королевской мечты. (Подробнее см.: Соловьев С.М. Соч. в 18 кн. История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. 3. Т. 4. С. 420-422.)

центр силы здесь являла Османская империя, покончившая с остатками средневековой крестоносной экспансией Запада на Восток и убившая окончательно вторую альтернативу цивилизационного развития средневекового Христианского мира – Византию. Крымское ханство было лишь северо-черноморской окраиной геополитического пространства Турции, находившейся в стадии расширения вплоть до конца XVII в. и весьма угрожавшей Европе.

Однако характер русско-турецкого, а реально русско-крымского взаимодействия в XV-XVI вв. не нес угрозы превращения русских территорий в колониальное владение нового столпа Мусульманского Востока. Крымско-русское взаимодействие первоначально, при Иване III, дружественное, быстро превратилось после его смерти в «стабильно» враждебное, но ни в коей мере оно не напоминало прежнего вассалитета северо-восточных русских земель по отношению к Улусу Джучи.

Квинтэссенцией ожиданий в связи с обрушением прежней геополитической системы на Востоке Европы оказалось рождение нового русского государства – Московской державы. Во второй половине XV – начале XVI вв. Москва, наконец, сумела сплотить вокруг себя весь русский Северо-Восток. Были высказаны династические претензии московских Рюриковичей к литовским Гедиминовичам на «свои» южнорусские и западнорусские «вотчины». Началось проникновение Северо-Восточной Руси в Предуралье: в земли Великой Перми, Вятки, на Каму. В середине XVI в. Москва поглотила территории татарских ханств в Поволжье, а в конце этого столетия двинулась в Сибирь. Таким образом, в отличие от соперников, Московия фактически от рождения заявив себя империей, ликвидировала региональный «вакуум власти». Новая международная роль у нового русского государства, очень символично сопровождалась сменой названия страны. Старый термин «Русь», законно прилагаемый к Московскому княжеству, хоть и не был забыт целиком, но уже к началу XVIII столетия был заметно потеснен новым именем – «Россия»⁴.

Все вышесказанное оказалось возможным благодаря географическому положению и социокультурным особенностям Северо-Восточных русских земель. В отличие от Литвы, через посредничество Золотой Орды Россия Ивана III и Василия III имела знакомство с механизмами функционирования имперской администрации в масштабе, охватывающем значительную часть Восточной Европы и ближайших к ней земель Северо-Западной Азии. В общественно-политическом и культурном развитии России содержалось немало

⁴ Данное название впервые стало употребляться в конце XV в. Происходит оно от греческого названия Руси и видимо вначале употреблялось в круге выходцев из Византии, прибывших в Москву в свите второй жены Ивана III Софьи Палеолог, племянницы последнего византийского императора Константина Палеолога. Мода на все византийское, подкрепленная стремлением политическим и церковным видеть в Иване III наследника византийских императоров, а в его Московском государстве преемника Византийской империи обеспечили термину «Россия» общерусское употребление.

Другим обстоятельством, которое способствовало приоритетному употреблению слова «Россия» по отношению к подвластным Москве землям, являлось то, что в Европе к началу XV в. утвердилось представление, что «Русь» – это земли, находящиеся под управлением литовского великого князя и польского короля, т.е. западнорусские, южнорусские и юго-западные русские территории. Северо-Восток Руси воспринимался «Татарией». Кстати, знаменитый Нострадамус и в XVI в. так определял Россию, хотя в его время это было уже явным анахронизмом.

Вслед за термином «Россия» в XVI-XVIII вв. для определения других частей былой Руси все чаще стали использоваться слова «Белоруссия» (западнорусские земли), «Украина», «Малороссия» (южные и юго-западные земли), что тоже не менее символично.

черт, родственных имперским ордынским институтам и естественно привычных для бывших подданных Золотой Орды, прежде всего это понятие о государстве-вотчине с соответствующей системой подданичества населения государю-собственнику этой обширной вотчины.

Становление единого Московского государства в качестве нового геополитического лидера северо-восточного европейско-азиатского пограничья ставит много дискуссионных вопросов. Главные из них:

- Была ли формирующаяся Российская империя «прямым наследником» Золотоордынской империи или обладала иным, новым имперским содержанием?

- Являлся ли внутренний уклад Московской Руси переносом на русскую почву золотоордынских общественных и государственных институтов?

В отечественной исторической традиции в целом господствует старая точка зрения на Российскую империю, как европейскую, в отличие от явно азиатской военно-кочевой сущности империи Батыя и его преемников. Этой позиции придерживались Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, П.Н. Милюков и другие отечественные историки XIX – начала XX вв., а также подавляющее большинство советских исследователей.

Хотя стоит заметить, что во второй половине XIX в. и особенно в начале - середине XX в. данная концепция встретила серьезную оппозицию. Результатом симбиоза с золотоордынскими устоями видел российскую государственную власть Н.И. Костомаров и ряд украинских авторов. В 1920-х – начале 1930-х гг. на значительной ордынской, а точнее особой евразийской самостоятельной, «третьей» (не европейской и не азиатской) преемственности настаивали российские историки-эмигранты – евразийцы. Наиболее систематически (и без выхода из исторического исследования в область публицистики и историософии) евразийская трактовка сущности Российской империи была представлена в творчестве Г.В. Вернадского⁵, профессора Карлова университета в Праге, а с 1927 по начало 1970-х работавшего в ряде американских университетов. Во второй половине XX в. евразийскую точку зрения по-своему развивал известный отечественный востоковед и этнограф Л.Н. Гумилев⁶.

В зарубежной исторической традиции истоком воззрений на внутренние российские общественно-политические институты, как прямое наследие Орды, были записки иностранцев: в особенности, сочинения Герберштейна и Флетчера. Образованный, по-настоящему талантливый ученый Сигизмунд Герберштейн дважды был в Москве при Василии III: в 1517 г. – послом австрийского императора, в 1526 – послом его сына эрцгерцога Фердинанда. Труд Герберштейна “*Rerum moscoviticarum commentari*”, вышедший на латыни в 1549, а в немецком авторском переводе – в 1557 г., явился, по сути, не только источником для анализа государственного и общественного строя Руси XV-XVI вв.⁷, но и первой попыткой его научного осмысления. Записки Флетчера, в 1588 г. посла английской королевы Елизаветы к царю Федору Иоанновичу, более просты и субъективны. Автор приводит интересные факты из политической истории времен Ивана Грозного и сведения по финансовым вопросам.

⁵ Вернадский Г. Русская история. М., 1997. Он же. Монголы и Русь. Тверь; М. 1997. Он же. Начертания русской истории. СПб., 2000.

⁶ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М. 1990. Он же. От Руси до России. М., 1996.

⁷ Герберштейн опирается не только на свои личные наблюдения, но и приводит многое, почерпнутое из памятников современной ему русской письменности.

Сочинение Джильса Флетчера "On the Russian Common Wealtf" появилось в Англии в 1591 г. и было почти сразу сожжено в Лондоне по приказу властей, заинтересованных в торговле с Россией, чтобы «не обидеть Россию». Второе издание увидело свет в 1656 г.

Взгляд Герберштейна и Флетчера на Россию, как прямого наследника Золотой Орды во внутреннем и в геополитическом плане, в зарубежной историографии концепция России имеет серьезное обоснование. По мнению известного американского русиста Чарльза Гальперина⁸, наиболее убедительно данная концепция представлена в трудах американских историков Эдварда Кинана, Майкла Ходарковского и особенно Дональда Островского, а декларация же данного воззрения широко представлена в иностранной литературе⁹.

Нельзя сказать, что вышеописанная концепция «Москвы – как нового Сарая», господствует в современной зарубежной историографии. Диаметрально противоположный взгляд давно обосновывает упомянутый выше историк Ч. Гальперин¹⁰. С основными выводами концепции этого историка отечественный читатель может ознакомиться в опубликованной на русском языке в журнале «Родина» статье «Вымышленное родство. Московия не была наследницей Золотой Орды»¹¹. Причем концепция Гальперина в последние время находит на Западе все новых сторонников.

С крушением СССР и уходом в прошлое идеологического противостояния, свойственного эпохе холодной войны, а так же в связи со становлением новой историко-методологической теории постмодернизма, многие западные авторы отказываются акцентировать «восточное естество» России. Например, известный британский историк-русист Доменик Ливен все

⁸ Гальперин Ч. Вымышленное родство. Московия не была наследницей Золотой Орды//Родина. 2003. № 12. С. 71.

(Keenan E.L. Muscovy and Kazan, 1445-1552: A Study in Steppe Politics: PhD dissertation. Harvard University, 1965.

Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500-1800. Bloomington. 2002.

Ostrowski D. The Tamma and the Dual-administrative Structure of the Mongol Empire//Bulletin of the Shool of Oriental and African Studies. 1988. Vol. 61. №. 2. P. 262-277; Idem. The Mongol Origins of Muscovite Political Institutions//Slavic Review. 1990. Vol. 49. №. 4. P. 525-542; Idem. The Military Land Grant along the Muslim-Cristian Frontier//Russian History. 1992. Vol. 19. №. 1-4. P. 327-359; Idem. Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steepe Frontier, 1304-1589. Cambridge. 1998; Idem. Muscovite Adoption of Mongol-Tatar Political Institution: A Reply to Halperin's Objections// Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2000. Vol. 1. №. 2. P. 267-304.)

⁹ Там же. (Беннигсен А. Экуменизм царя Ивана Васильевича Грозного: Москва, Казань и Оттоманская Порта в 1552 году//Русский альманах. Париж. 1981; Hughes L. The Courts of Moscow and St. Petersburg c. 1547-1725// The Princely Courts of Europe: Ritual, Politics and Culture under the Ancien Regime 1500-1750/ Ed. By J. Adamson. London. 1999. P. 29; Fragner B.G. The Concept of Regionalism in Historical Research on Central Asia and Iran: (A Macro-Historical Interpretation)//Studies on Central Asian History in Honor of Yuri Bregel. Bloomington. 2001. P. 348; Vasari I. Why was Muscovite Russia Considered "Barbarian" by Contemporary Europe?//Mesto Rossii v Evrope/The Place of Russian in Europe. Budapest. 1999. P. 99.

¹⁰ Halperin Ch. The Russian Land and the Russian Tsar: The Emergence of Muscovite Ideology, 1380-1408//Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. 1976. Bd. 23; Idem. Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington. 1985; Idem. The East Slavic Response to the Mongol Conquest//Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1998-1999. Vol. 10; Idem. Muscovite Political Institutions in the 14th Century//Kritika: Explorations in Rassian and Eurasian History. 2000. Vol. 1. №. 2.)

¹¹ Гальперин Ч. Вымышленное родство. С. 68-71.

свое интервью, адресованное широкому российскому читателю, посвятил выявлению сходств Российской империи с другими европейскими империями. Постоянное расширение России, которое наблюдалось со второй половины XV в. - по XIX столетие, Ливен трактует, как «часть расширения Европы». «Российское государство имело совершенно четкую миссию – распространять европейскую цивилизацию, точно так же, как это делали британцы или французы в своих империях. Народы, за счет которых происходило расширение России, были очень похожи на те, за счет которых расширялись колониальные владения Британии или Франции. Часто это были мусульмане, часто кочевники»¹². Другое дело, *что особенностью России, как европейской державы, состояла в том, что это была «периферийная» империя*. Это определило, в частности, «...характер экспансии. Не по морю, а по земле. По той простой причине, что с азиатскими странами и народами Россия граничила по суше»¹³.

Воззрения, аналогичные взглядам Д. Ливена, достаточно распространены ныне среди западных ученых. Тенденцию к восприятию России не как «аномальной», а как «другой Европы» или точнее специфической части Европы в общеевропейском контексте обнаружила О. Большакова, изучавшая тенденции развития зарубежной, особенно американской, русистики 1990-х – начала 2000-ых годов¹⁴. Подобный поворот весьма логичен для зарубежной русистики. Он обеспечивает взвешенное отношение к определению места России в мировой истории. До 1991 г. зарубежные исследователи были более сосредоточены на выявление различий между Москвией и западноевропейскими странами. Это позволило объективно описать внутренние российские реалии, но игнорировало «вторую сторону медали». Безусловные различия внутреннего социокультурного уклада России и западноевропейских стран, вовсе не исключали позиционирование России себя в мире, как европейской империи. На это и акцентируют внимание зарубежные историки новой волны (в частности, «поколение внуков» в США, «новая Билефельдская школа» в Германии). Данный подход требует расширения цивилизационных рубежей Европы, не сужая ее до границ романо-германского мира.

Что касается внутренней жизни Московии, то концепция ее безусловной идентичности западноевропейскому феодализму (с учетом так называемой «характерной для Руси социально-экономической и политической отсталости») покоится в трудах российского дореволюционного историка Н.П. Павлова-Сильванского¹⁵ и советских историков-марксистов. Подавляющее большинство современных отечественных и зарубежных специалистов признает значительную самобытность внутреннего уклада России: отсутствие в Северо-Восточной Руси и Московии феодальных институтов западноевропейского типа¹⁶. И, как мы уже отмечали, часть исследователей склонна видеть во

¹² Интервью А. Кошкарёва с Д. Ливеном. Быть империей// Эксперт. Россия пять веков империи. 31 декабря 2007 – 13 января 2008 (590). С. 56.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Большакова О. Новая политическая история России. Современная зарубежная историография. Аналитический обзор/РАН. ИНИОН. Центр социальных и научно-информационных исследований. Отд. отеч. и зарубеж. истории. - М., 2006.

¹⁵ Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907.

¹⁶ Блестящее начало критике попыток Н.П. Павлова-Сильванского и советских историков марксистской школы «втиснуть» русскую средневековую историю в рамки западного феодализма положил человек, сам отдавший дань увлечению марксизмом, - П.Б. Струве. См.: Струве П.Б. Наблюдения и исследования из области хозяйственной жизни и права древней Руси// Сборник Русского института в Праге. Прага, 1929. № 1. С. 389-464.

внутренней жизни России социокультурный феномен, уходящий корнями не столько в древнерусское наследство IX-XII вв., сколько в особенности общественно-политического устройства Владимиро-Суздальского княжества XII – начала XIII вв. или в симбиоз русского Северо-Востока с военной империей Чингизидов. Мы не будем подробно останавливаться на данном вопросе, коснемся лишь оценки влияния ордынской зависимости на внутреннюю русскую историю.

В отличие от классиков отечественной исторической мысли XIX – начала XX вв. – С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, мы не отрицаем значительности этого влияния. Вопрос в том, как Орда влияла на Русь? Уже С.М. Соловьев и В.О. Ключевский убедительно показали, что тенденция к складыванию на Северо-Востоке Руси своеобразного уклада «государства-вотчины» зародилась еще в домонгольский период. Сам этот факт не оспаривается в современной науке. Под вопросом другое утверждение классиков. Ключевский и Соловьев полагали, что тенденция к становлению государства-вотчины в Северо-Восточной Руси стала доминирующей еще до прихода татар, а сам Северо-Восток уже в XII – начале XIII вв. превратился в неоспоримого лидера русского пространства. Киев «уступил место» Владимиру, и это еще до прихода татар предопределило всю последующую историю России – вот центральный тезис концепции классиков российской исторической науки XIX – начала XX в. Следовательно, по мнению Соловьева и Ключевского, иго, несмотря на всю свою обременительность, являлось фактором чисто внешним и стратегически не таким уж значимым для хода русской истории.

Утверждение весьма спорное, как показывает постоянно идущая с конца XIX в. научная дискуссия на данный счет, хотя и вполне закономерное для того этапа изучения российской истории, к которому относились исследования Соловьева и Ключевского. В XIX столетии в российской исторической традиции безраздельно господствовал москвоцентризм. Он вытекал из особенностей северо-восточного, в особенности московского, летописания. Москва там представлялась единственной наследницей Владимира, как тот в свое время был единственным преемником Киева. Задачей же историков было «выстроить прямую линию» русской истории, показав преемственность современной им России с ее средневековым и древнерусским прошлым.

Наука XX – начала XXI в. внесла в эту схему значительные коррективы, начиная с сомнения в безальтернативности центральной роли Владимира в XII-XIII вв.¹⁷, а потом Москвы в XIV – начале XV в.¹⁸, и кончая разнообразием

¹⁷ См., в частности, работы о Галицко-Волынском княжестве, как одном из лидеров русского мира XII-XIV вв. Например: Грушевский История Украины-Руси. Львів. 1905. Т. 2. Т. 3. Гл. 1. Галицко-Волинська держава (XIII-XIV веков). Крипякевич И.П. Галицко-Волынское княжество. Киев. 1984. Котляр Н. Галицко-Волинська Русь. Київ. 1998.

¹⁸ См., в частности, работы о Литве, как одном из центров консолидации Руси. Например: Думин С.В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское)// История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. М., 1991. С. 76-126. Флоря Б. Точка распада. «Вся Русь» в политике Вильно и Москвы// Родина. 2003. № 11. С. 28-33.

Интересные наблюдения о «брянской альтернативе» в русской политической истории XIII-XIV вв. содержатся в работах А.А. Горского. См.: Горский А.А. Русские земли в XIII-XIV веках: пути политического развития. М., 1996. Горский А.А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII – начало XV в.)// Средневековая Русь. М., 1996. Горский А.А. К вопросу о причинах «возвышения» Москвы// Отечественная история. 1997. № 1.

См. о «тверской альтернативе» Чернышов А.В. Очерки по истории Тверского княжества XIII-XV вв. Тверь. 1996.

оценок роли ордынской зависимости¹⁹. Относительно последней стоит признать, что, несмотря на зарождение основ государственно-вотчинного уклада во Владимиро-Суздальском княжестве в XII – начале XIII вв., столбовой дорогой внутреннего развития Северо-Востока Руси он стал лишь под внешнем воздействием. Золотая Орда не переносила на Русь форм, присущих военной азиатско-степной цивилизации, но она создавала условия для «выживания» лишь тех русских социально-экономических и политических институтов, которые были понятны и приемлемы Сараю. По праву завоевателя и в соответствии со своими государственными традициями золотоордынский хан видел в покоренной Руси свой улус, свою собственность, которой он одаривал или которой лишал через ярлыки своих улусников, подручных правителей – русских князей. Под воздействием этого на северо-востоке укреплялись местные представления об уделах-вотчинах и забывались прежние, свойственные Древней Руси отношения князя и той волости, где он сидел. Кстати, замена термина «волость» на термин «удел» (т.е. княжество-вотчина) в северо-восточных летописях произошла в середине XIII в., во времена великого княжения Александра Невского и его братьев. Древнерусские вечевые и дружинные традиции ограничения княжеской власти, воспоминания о которых проскальзывали на Северо-Востоке в домонгольский период в ходе княжеских междоусобиц XII – начала XIII вв., окончательно умерли к середине XV в.²⁰ Закон в Монгольской империи был производной от воли царствующего в данный момент хана. В реальной жизни его слово всегда стояло выше каких-либо принятых ранее правовых документов, трактовка которых была «гибкой». Это приучало русских данников (и князей, и население) к парадоксальной мысли, что власть по своей природе незаконна. Достойна уважения лишь сила, с позиции которой властитель возвышается над населением своей «вотчины», как «государь» («хозяин рабов» в первоначальном древнерусском смысле этого слова) над челядью. Ничего подобного не наблюдалось в XIII-XV вв. в западнорусских землях, избежавших нашествия и ига. В итоге, приходится констатировать, что под воздействием ордынской зависимости был углублен внутренний социокультурный раскол русского мира.

Во внешнеполитическом плане был совершен насильственный поворот русского Северо-Востока лицом к Великой Степи. Северо-Восток в середине

¹⁹ Краткий историографический обзор оценок взаимодействия Руси и Золотой Орды можно найти в статье Ю.В. Кривошеева «Русь и Орда» (История России. Россия и Восток. СПб., 2002. С. 81-136).

²⁰ Например, после убийства Андрея Боголюбского в 1174 г. вече Владимира и вече простолюдинов в Суздале приглашают на великокняжеский престол младших братьев Андрея – Михаила и Всеволода. Одновременно вече Ростова и знатные люди Суздаля зовут племянников Андрея – Ростиславичей. После победы Михаила и Всеволода над племянниками именно вече принуждает князя Всеволода ослепить своих несчастных конкурентов. В чрезвычайной обстановке 1382 г. в Москве, оставленной Дмитрием Донским, его боярами и митрополитом, горожане на вече выбирают юного литовского князя Остеса своим предводителем. Это, кстати, единственный пример веча в московской истории.

Последние отголоски дружинно-вечевых традиций можно разглядеть во взаимоотношениях с жителями поволжских городов сына Дмитрия Донского – Юрия Звенигородского и его детей Василия Косого и Дмитрия Шемяки в ходе междоусобицы князей московского дома второй четверти XV в. Самый интересный, с нашей точки зрения, анализ данного феномена есть в книге А.А. Зимина «Витязь на распутье».

Последним и весьма отдаленным воспоминанием о дружинно-вечевых институтах в Твери был отказ ее жителей, вольных слуг и бояр поддержать князя Михаила Борисовича в его конфликте с Иваном III в 1485 г. Результатом стало включение Тверского княжества в Московское государство.

XIII – первой половине XV вв. утратил присущие Древней Руси связи с Западной и Центральной Европой. В XIV – первой половине XV в. северо-восточные русские князья совершенно не интересуются происходящим в Европе, зато разбираются до нюансов в раскладе сил вокруг ханского престола. Ушли в прошлое династические связи с западноевропейскими монархами. Высочайшим достижением считается теперь брак московского удельного князя Юрия Даниловича с Кончакой, родственницей хана Узбека. Ведь именно этот брак в 1318 г. дал московскому князю возможность, не оглядываясь на древнерусские правовые и нравственные нормы, домогаться у хана ярлыка на великое княжение Владимирское, попирая права своего двоюродного дяди тверского князя Михаила Ярославича. Тверские, московские, рязанские купцы плывут вниз по Волге, но жители северо-восточных русских земель (в отличие от новгородцев) не ездят на Запад далее Литвы и Польши, а обитатели Западной Европы в свою очередь не посещают владений Великого княжества Владимирского или Рязанского. Европейцы именуют эти земли «Татарией». Так жизнь течет более 200 лет.

Однако перемены, случившиеся во второй половине XV в., кардинально меняют обстановку. Заполнив собой «пустоту», образовавшуюся после падения Золотой Орды, Московское государство лишь частично сохраняет «восточную ориентацию». Иван III уделяет много времени выстраиванию новых отношений с осколками Золотой Орды – с Ногаями, Казанью, Астраханью, Сибирским ханством и особенно с главным союзником по борьбе с Большой Ордой – Крымом. В языке дипломатического общения с крымским ханом еще ясно слышатся отголоски прошлого преклонения перед золотоордынскими царями. В 1474 г. посол Ивана III к Менгли-Гирею Никита Беклемишев говорит от лица своего государя: «Князь великий Иван *челом бьет*: посол твой Ази-Баба говорил мне, что хочешь меня *жаловать*, в братстве, дружбе и любви»²¹. В ответной грамоте (ярлыке) Менгли-Гирей Ивана III «*жаловал*». Важность, которую в Москве придавали отношениям с Крымом, проявлялось в том, что в одном этом государстве постоянно пребывал русский представитель. Причем послами назначались только бояре. Лишь раз из-за осложнений с Литвой, через которую обычно ездили в Бахчисарай московские посольства, вынуждены были отправить человека «незаметного», и то Иван III долго извинялся и объяснялся по этому поводу: «На Литву проезду нет, а полем пути истомны»²². Когда в 1475 г. Крым был завоеван турками и стал вассалом Османской империи, Москва поспешила при посредничестве Менгли-Гирея наладить дружественные отношения с султаном.

Но все же все эти поклоны в сторону Востока были не более чем данью прошлому и расчетами чисто прагматическими. Новые реалии дают себя знать. Никита Беклемишев сумел решительно отговориться от платежа Менгли-Гирею «поминок» (суррогата прежней дани). Московский князь в договоре с Крымом был назван не «улусником» хана, а «братом». (Кстати, «братом» называл московского государя и османский султан. Он не требовал от Москвы регулярных «подарков», что неизменно присутствовало в XV-XVII вв. при переговорах Ближней Порты с прочими европейскими странами. Причем в турецких текстах присутствовало слово «дань», которое в европейских переводах становилось словом «подарок».) Между Москвой и Крымом был

²¹ Соловьев С.М. Соч. в 18 книгах. История России с древнейших времен. М., 1989. Кн. 3. Т. 5. С. 80.

²² Там же. С. 81.

заключен «вечный мир» и военно-политический союз: «Быть нам везде заодно, другу другом быть, а недругу недругом», если же кто из подданных крымского хана рискнет напасть на московские земли, хан клянется «их казнить и взятое отдать и головы людские без откупа выдать»²³.

В голосе Москвы, обращенном к другим татарским ханствам, все более слышатся повелительные ноты. Москва регулярно тревожит Казань своими походами, вмешиваясь в борьбу вокруг казанского престола. Ни один казанский набег не остается без ответного разорения. В Москву выезжают казанские мурзы, царевичи и даже цари. Здесь в неволи содержатся и свергнутые Москвой казанские монархи. Тюменский хан Ивак (Ибрагим), убивший в январе 1481 г. хана Большой Орды Ахмата (и тем оказавший немалую услугу Москве), просил как-то Ивана III выпустить из неволи его родственника, бывшего казанского царя Алегамы, но Иван III не внял этой просьбе²⁴. Один из ногайских ханов вынужден был просить у Москвы согласия на брак своей дочери и казанского хана Магмет-Аминя. На сей раз Иван III уважил просьбу. Кстати, впоследствии из-за интриг Магмет-Аминь с женой и окружением «выбежал» из Казани в Москву, «где великий князь держал его в чести»²⁵.

Наконец, новым по сути в старой «обращенности к Востоку» стала быстрая экспансия Московской державы в восточном направлении. Территории прежних «господ» и их вассалов превращались в колониальные владения Москвы, заселяемые русскими с поразительной быстротой и успехом. При первых государях всея Руси Иване III и Василии III с 1462 по 1533 г. территория России выросла в 6 раз: с 430 тыс. кв. км - до 2,8 млн. кв. км. В царствование Ивана IV Грозного (1533-1584) она еще удвоилась с 2,8 до 5,4 млн. кв. км. В XVII в. уже при Романовых за счет покорения Восточной Сибири территория Российского царства увеличилась еще на 10 млн. кв. км. «Уже к середине XVII в. русские цари правили самым большим государством на свете... Достаточно будет сказать, что между серединой XVI в. и концом XVII в. Москва приобретала в среднем по 35 тысяч кв. км – площадь современной Голландии – в год в течение 150 лет подряд»²⁶.

За двести пятьдесят лет Москва подчинила себе большую часть азиатских владений Золотой Орды и превратилась в евро-азиатскую державу, большая часть территорий которой находилась в Азии. Однако, большая часть жителей и центр экономической, общественно-политической и культурной жизни, как в XV, так и в XVII в., так и в последующие времена остались в Европе.

Не смотря на свое безудержное расширение на восток, Московское государство при Иване III начало постепенный поворот (или возвращение?) в Европу. Во второй половине XV в. во внешней политики Московского государства происходит настоящий переворот. Оторванность и закрытость от Европы, присущая русским землям с середины XIII в., уходит в прошлое. Если ранее Москву волновали, прежде всего, ее отношения с татарским Востоком и проблемы консолидации удельных русских земель, обостряющие пограничные конфликты с Литвой, Орденом и Швецией, то теперь география внешнеполитической активности России существенно расширяется. При Иване III налаживаются контакты с Папской курией и Священной Римской империей

²³ Там же. С. 81.

²⁴ Там же. С. 87.

²⁵ Там же. С. 69.

²⁶ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 113-114.

германской нации, заключается военно-политический союз с Данией, регулярными становятся посольства в Северную Италию, в частности в Венецию, с целью найма на русскую службу иностранных специалистов. Естественно продолжаются войны и дипломатические контакты с Литвой. За исключением взаимоотношений Литвы и Московской Руси, во всех остальных случаях стороны демонстрируют взаимный интерес, расширение и усложнение взаимосвязей, которые отнюдь не сводятся к противостоянию. Для всех характерна объективная направленность на поиски некоего компромисса, в крайнем случае, консенсуса.

Как во многих других государственных делах и здесь интуиция не подвела первого государя всея Руси Ивана III. Поворот к Западу был сделан вовремя. В европейской истории с началом Нового время и великих географических открытий, начались грандиозные перемены. (Собственно эти перемены и заставили историков начать отсчет нового периода Всемирной истории.) В конце XV - XVI вв. европейский континент стал превращаться в лидера мирового развития, заставляя Азию и Новый Свет все более играть по правилам, выгодным европейцам.

Правда, сначала в XV-XVI вв. это было мало заметно. Благодаря избытку населения, богатым природным ресурсам и климату, позволявшему во многих азиатских странах собирать по два-три урожая в год, государства Востока были лучше обеспечены продовольствием, рабочей силой, сырьем. Восточные цивилизации были древнее европейских и за тысячелетия своей истории наработали более совершенные приемы производственной деятельности. Не удивительно, что в XV-XVI вв. и даже к середине XVII в. на их долю приходилась большая часть мирового ремесленного и сельскохозяйственного производства. Качество восточных товаров, особенно китайских и индийских, было выше европейского. Только на Востоке производили такое ценное текстильное сырье, как шелк и хлопок. Вначале Нового времени, как и прежде, Европа завозила с Востока множество предметов роскоши: парчи, бархата, шелка, хлопчатобумажных тканей, фарфора, драгоценных камней, оружия из дамасской стали, а также необходимых для консервации и обработки пищи пряностей. В обмен европейцы могли предложить лишь драгоценные металлы, ибо ассортимент и качество их товаров не интересовали Азию. Оскудение старинных европейских рудников поставило под вопрос торговые связи Европы с Азией. Путешествие Колумба (1492) и обнаружение испанцами в Новом Свете, а португальцами в Африке, богатых золотоносных²⁷ и серебряных месторождений решило данную проблему. Несмотря на то что большая часть золота и серебра европейцев уходило в Азию, количество драгоценного металла в обращении Европы увеличилось с 7 тыс. до 28 тыс. тонн²⁸. Открытие Васко де Гамой морской дороги в Индию вокруг Африки (1498) положило начало прямому сообщению между Западной Европой и Южной Азией и торговле без посредников – византийцев, арабов, турок. Арабы в XIII-XIV вв. оказались главными торговыми партнерами европейцев на Востоке из-за крайнего ослабления Византии ввиду результатов 4-го крестового похода и борьбы империи с турками, а потом и падения ее (1453). Однако турецкая экспансия в Малой Азии и на Ближнем Востоке нанесла роковой удар и по арабам. Не только в Восточном Средиземноморье, но и у Персидского залива арабы

²⁷ Только на рубеже XV-XVI вв. португальцы вывезли из Африки 84 т золота. См. Ревякин А.В. Новая история стран Европы и Америки конец XV – XIX век. М., 2006. С. 12.

²⁸ Там же. С. 19.

потеряли монополию над торговыми путями, что содействовало переходу контроля в бассейне Индийского океана к европейцам, сначала в XVI в. - к португальцам. Кстати, появление османов в Леванте, а также выход их на Балканы и юго-восточные рубежи Священной Римской империи германской нации подорвало позиции европейского Средиземноморья, как эпицентра европейских торговых контактов с Востоком.

Монополия португальцев на морских путях к Ирану, Индии и Китаю, заставила англичан искать северного пути на Восток, но непроходимость Северного Ледовитого океана вполне удачно «завершило» их плавание в середине XVI в. в Белом море в России. Россия была вновь «открыта», как интересный партнер в поставке транзитных товаров из Азии, а главное поставщик весьма ценного для Европы собственного сырья. Это заставило поплыть на русский север голландцев и других европейцев.

Что конкретно искали европейские купцы в России? Морская торговля вызвала бурный прогресс в кораблестроении. Повзрослел спрос на сырье необходимое для производства качественных новых судов, способных совершать длительные переходы. Именно в этом плане по-новому открылась для Запада Россия. Она обладала огромным потенциалом поставщика сырья для кораблестроения: качественной древесины (в частности, не гниющей лиственницы²⁹, пихты, отчасти дуба), а так же пеньки, ворвани, льна, дегтя. Попутно не потеряли значения и некоторые старинные русские экспортные товары (например, мех, ценные сорта рыбы, моржовая кость) и, конечно, транзитные товары, которые пришли в Московию с Востока через сухопутные пути, связавшие через Астрахань русскую территорию с Персией, Средней Азией, владениями османов. Как мы видим, не только Россия XV-XVI вв. поворачивалась к Европе, сам Запад активно «поворачивался» к ней.

Международная торговля XVI столетия вызвала на Западе Европы и в Азии совершенно разные последствия. Азия, получая из Европы серебро и золото, накапливала сокровища, но это никак не влияло на внутреннюю организацию ее традиционного средневекового общества. В Западной же Европе благодаря внутреннему органическому развитию, идущему еще с возрождения в X-XIII вв. городов, начались крупные социально-экономические сдвиги. Торговые прибыли превращались в капитал, который, будучи вложенным в торговлю, интенсификацию и специализацию сельского хозяйства, а особенно в промышленность (ремесло и первые мануфактуры) возрастал. С рождением мануфактур европейская промышленность догнала азиатскую, а после начала в Англии конца XVIII в. промышленного переворота, перегнала азиатское производство, причем как по количеству, так и по качеству выпускаемой продукции. На Западе шло становление нового социального лидера – буржуазии. Феодалное дворянство, процветание которого зиждилось на получении денежного оброка с крестьян, вследствие «революции цен» и падения в 2-4 раза курса драгоценных металлов, наводнивших Западную Европу, скудело. Феодалные отношения отступали перед новыми буржуазными. Иными словами, Европу охватил процесс модернизации. Становление нового индустриального общества и изживание средневековых традиционных институтов стало сутью западноевропейского развития в Новое

²⁹ Кстати, российскую лиственницу для изготовления свай, поддерживающих фундаменты домов, закупила в огромном количестве Венеция. Эти сваи простояли в Венеции вплоть до XX века.

время. Этот процесс, в свою очередь, сделал необратимым перераспределение соотношения сил в мире: Европа теснила Азию.

Внутри Европы модернизация вызвала смещение центра западноевропейского мира. Если в XV и даже в XVI в. он пребывал на юге, там, где и два тысячелетия назад – в Средиземноморье, то в XVII в. мы находим его на западе – на Атлантическом побережье, прежде всего в Нидерландах и Англии. Причем Нидерланды и Англия «обошли» не только «старые» средиземноморские центры – Венецию, Геную, Флоренцию, но и Португалию с Испанией, которые было вырвались вперед за счет своих географических открытий, завершившихся испано-португальским «разделом мира» по Тордесильяскому 1494 и Сарогосскому 1529 гг. договорам³⁰. В XVII в. Англия становится промышленной «мастерской мира» и «владычицей морей». Кстати, этот английский и голландский Запад Европы оказался куда ближе России и географически, и в плане сложившихся ранее связей, нежели средиземноморская Европа.

Все описанные выше перемены вызвали изменение образа Востока в XVII-XVIII и особенно в XIX в. Из мира сказочных богатств, бытового комфорта и огромной военно-государственной мощи, каким он открывался взорам обитателей Европы в Средние века и в начале Нового времени, азиатский мир все более трансформировался в объект европейской экспансии. Наступило время становления великих европейских империй. Территории Нового Света и Азии в процессе взаимодействия с ними превращались в колонии и сферы влияния. Глобальная геополитическая картина мира менялась.

В XV-XVII вв. ясно видно, что Московское государство, выкристаллизовавшееся из фрагментов Северо-Восточной Руси, оказалось втянутым в географическом и в цивилизационном плане в происходившие в мире перемены. Какая судьба ждала Россию в их контексте – «европейская» или «азиатская», «имперская» или «колониальная»? Вопрос о выборе пути для России имел судьбоносное значение. Зная дальнейший ход событий, историк может констатировать: «С XV века благодаря дипломатическим контактам, участию в военных союзах и торговым делам Московия вошла в систему европейских государств и, казалось, встала на путь развития, аналогичный западному»³¹.

Осмысления требуют два аспекта: внешний – какое место в системе европейских стран заняла Россия; и почему путь ее внутреннего развития лишь «казался» аналогичным западному?

Нельзя сказать, что Европа благожелательно восприняла появление на своей восточной окраине нового территориально огромного Московского государства. Западная Европа была скорее озадачена, а ближайшие соседи России – Польша, Литва, Ливонский Орден и отчасти Швеция встревожены. Явление Московии, сразу же приступившей к внешней экспансии и строительству империи, разрушало порядок, построенный в европейском мире за предыдущие три столетия. Суть прежнего позднесредневекового «евроустройства» сводилась к тому, что «настоящими» европейскими странами на Западе привыкли считать лишь романо-германские государства и с

³⁰ Первый разграничивал сферы влияния в Атлантическом океане и Новом Свете. Вторым был заключен после осмысления открытия Ф. Магелланом Тихого океана. В результате в 1529 г. острова Тихого океана в основном «отошли» Испании, а страны Юго-Восточной Азии – к Португалии. Договоры действовали до 1777 г., когда по взаимному согласию были отменены.

³¹ По М. Выбор пути. Почему Московия не стала Европой // Родина. № 11. 2003. С. 26.

определенной натяжкой западнославянские и иные, находящиеся в лоне католицизма. Воспоминание о разнообразии Европы периода раннего Средневековья, когда варвары соседствовали с еще сильной Византийской империей, а феодальная западноевропейская цивилизация делала только первые шаги, уже истерлись. Раскол христианского мира и выработанное в невероятных усилиях культурно-историческое единство Средневекового Запада предельно сузили Европейский мир в представлении западных европейцев. Все непохожее, хоть и находящееся в Европе, относилось к категории «чужого», «неправильного» и «опасного».

Со своей стороны воспитанная в православной традиции Московская Русь вовсе не считала «еретический» мир Запада «правильным». Россия XV-XVI вв., не стесняясь, декларировала свое духовно-религиозное превосходство, как над Католическим Западом, так и Мусульманским Востоком, что, впрочем, не мешало ей вступать с ними в контакты, исходя из прагматических интересов. Неприязненное отношение Москвы к католическому миру не помешало ей вступить в переговоры с Ватиканом. В результате в 1472 г. Иван III при посредничестве папского двора вступил в свой второй, явно политический и идеологически важный брак с племянницей последнего византийского императора Константина XI - православной принцессой Софьей Палеолог. Поскольку ее братья приняли католицизм, с точки зрения православных, лишь Софья осталась истинной наследницей византийского трона. Через Софью в глазах православных народов, попавших в османское иго, Москва обрела династические права на Константинополь и роль духовной наследницы Византии, как главного покровителя всех православных. Эту новую для Москвы роль обосновывало и русское, и прибывшее с Софьей на Русь греческое духовенство. Однако, когда папа Римский и Священная Римская империя попытались втянуть Россию в создание антиосманского союза европейских государств для отпора турецкой экспансии в Европе и «отвоевания византийского наследства», Иван III остался равнодушен. Более того, как мы уже замечали, он поспешил наладить вполне дружественные отношения с мусульманской Турцией при посредничестве ее вассала – крымского хана. Это был весьма умный ход. Конечно, с точки зрения христианской солидарности Иван III явно проигнорировал муки балканских православных, «закрыв глаза» на быстрое омусульманивание бывших православных византийцев в Малой Азии. Но, как политик, он понимал, что Турция находилась на взлете своих агрессивных возможностей (пик ее имперского могущества вообще раскрылся в XVI в.), и тягаться с османами в юго-восточном европейском пространстве Московия конца XV столетия физически не могла. Случись такая борьба, она, может быть, и ослабила бы натиск турок на австрийские границы, Хорватию и Венгрию, но расширила бы владения Турции на север от ее «внутреннего озера» – Черного моря, ставя под вопрос будущность России, как сильного государства.

В социально-политической области Московия стремилась перенести свою иную по сравнению с Западом организацию внутренней жизни на те территории, которые подчиняла в ходе своего расширения в западном направлении. В результате пограничной войны 1487-1494 гг. и военного конфликта 1500-1502 гг. Ивана III отнял у Литвы часть Южной и Западной Руси: Верховские княжества, Чернигово-Северские земли и восточную часть Смоленщины. Его сын Василий III воевал с Литвой в 1512-1522 гг. и завершил присоединение Смоленского княжества к Московии. А сын Василия III – Иван

IV уже решился ввязаться в 25-летнюю Ливонскую войну (1558-1583). Он надеялся получить в Прибалтике все бывшие владения Ордена, начиная с Дерпта (основанного в начале XI в., как древнерусский Юрьев) и, кончая, развитыми торгово-ремесленными и портовыми центрами Балтики – Нарвой, Ригой и Ревелем, где тон задавало преимущественно немецкое население. В добавок у Литвы и Польши (с 1569 г. Речи Посполитой) намеривались отнять «свои вотчины» - Полоцк и другие западнорусские территории. Ливонская война не принесла России удачи, но мы знаем, что это было с лихвой компенсировано при Петре I. Победа в Северной войне (1700-1721) позволила России вернуть потерянные в конце XVI – начале XVII вв. владения у Финского залива (некогда новгородские чудскую, водскую пятины и волость Корелу), а так же принесла развитые и вполне европеизированные Эстляндию, Лифляндию, часть Финляндии с Выборгом. В конце XVIII в. Екатерина II в результате трех разделов Речи Посполитой поставила точку в старинном русско-литовском соперничестве: вся Белоруссия, Литва, Правобережная Украина (без Галиции), а заодно и Курляндия оказались в пределах российских границ. Поражение Турции в двух войнах с Россией принесли Крымские владения и обеспечили обладание северным побережьем Черного моря. Перечисленные европейские завоевания России XVIII в., безусловно, стали самыми серьезными ее имперскими приобретениями. В то время в Европе (а значит и в мире) империи были единственным способом существования великих держав. Не приобрети Россия Балтию, Белоруссию, Литву, Правобережную Украину и Новороссию, она бы не состоялась в XVIII столетии как великая европейская держава.

С высоты нашего времени выглядит логичным, что восточноевропейская страна, перехватившая геополитическое лидерство у Золотой Орды, сразу начала свое становление как империя, а в XVIII столетии превратилась в великую державу. Но были ли исключены и иные варианты развития? В конце XV в. ввиду экстравертности и большего динамизма внутреннего органического развития романо-германских стран, «новорожденная» Россия вполне могла стать частью их мира с судьбой «малой страны». Тем более что большая часть западноевропейских и западнославянских стран имели именно этот «статус».

Мог случиться и менее благоприятный исход. Суровость природно-климатических условий, обусловившая бедность русского населения, огромные территории при малой заселенности (в XV-XVI вв. в европейской части плотность населения России была меньше средневропейской в 10 раз!) привели к застою сценарию развития экономики, не подававшей никаких стремлений к органической модернизации изнутри. Вспомним, что именно отсутствие модернизации постепенно превратило Азию в обширное колониальное владение Европы. Отсутствие внутренних модернизационных явлений в России XV-XVI вв. ослабляло ее общественно-политический потенциал, негативно сказывалось на военной мощи, что вполне могло привести к совсем не благоприятному финалу. Он не исключал превращения России в полуколониальное или даже колониальное владение соседей-европейцев или Турции. Причем из-за непомерности русских земельных владений этот процесс сопровождался бы непременным распадом территориального единства русского Северо-Востока.

Что позволило России избежать перечисленных альтернатив?

«Колумб российской истории» Н.М. Карамзин и основоположник теории «официальной народности» С.С. Уваров отвечали на этот вопрос в первой половине XIX в. однозначно: благодаря самодержавию. По Карамзину, отличие русской истории от западноевропейской состояло в том, что на Западе движущей силой исторического процесса выступало общество, а в России – власть. Абсолютная власть давала российским монархам возможность сконцентрировать все силы обширной, но бедной и «застойной» страны в один кулак. Как ни парадоксально, но с этой точкой зрения готов согласиться в начале XXI в. американский историк Маршалл По. Правда, в отличие от Карамзина и Уварова он отнюдь не склонен восхищаться российским самодержавием. «Государство, построенное русскими в XV веке, - пишет гарвардский профессор, - изначально было устаревшим по сравнению с европейскими странами. Московиты, однако, обладали одним инструментом, который надежно защищал их от завоевания более развитыми державами. Он назывался «самодержавие». ...Установление самодержавного строя было единственным способом выживания Московии в Европе. Он компенсировал отсталость России, проводя на государственном уровне необходимые реформы в сферах культуры, экономики и военной политике. /.../ Сумела ли Московия дать адекватный ответ Западу? Отметим примечательный факт: из нескольких сотен суверенных и полусуверенных европейских государств, существовавших в XV веке, только некоторые дожили до 1700 года. И Россия была одной из немногих «выживших» держав. Она уцелела не благодаря своей мощи и талантам правителей, но из-за жестокости и деспотичности ее правящего класса. Однако самодержавие спасло страну в краткой перспективе. В длительной же оно оказалось проклятием России»³². (В своей книге “The Russian Moment in World History” М. По поясняет, что «проклятие» обнаружилось во второй половине XIX – XX в.: избыточный этатизм душил все попытки общества к саморазвитию, что консервировало социальную неразвитость, которая в свою очередь цементировала экономическую отсталость. Либеральные реформы власти оставались незавершенными, сменялись откатами, и Россия под «грузом своего средневекового самодержавного наследия» пришла к перманентному кризису в современности. Либеральные реформы не имеют завершения. Хотя они дают толчок к развитию, но порождают противоречивое состояние, мало напоминающее европейский порядок. Следствием является регулярный откат с воспеванием силы государственной власти и стабильности, которая на деле оказывается мнимым благополучием, порождает застой, увеличивая технологическое отставание от Запада. Образуется замкнутый круг, отражающий глубоко болезненное состояние России в эпохи модерна и постмодерна.)³³

Полемизуя с Карамзиным, Уваровым и Маршаллом По по поводу «спасительности самодержавия» в раннее новое время или позднее средневековье³⁴ (т.е. в конце XV-XVII вв.), хочется заметить, что самодержавие, а применительно к Московскому государству XV-XVI вв. деспотическая форма монархической власти, были присущи не только России. Не меньшей концентрацией власти обладали иранские шахи, китайские богдыханы, индийские раджи. Но это не спасло их некогда великие (и в отличие от России в

³² По М. Выбор пути. Почему Московия не стала Европой// Родина. 2003. № 11. С. 27.

³³ По М. The Russian Moment in World History. Princeton. 2003.

³⁴ Современные историки ведут дискуссию о хронологии и периодизации Средневековья и Нового времени.

средневековое время более развитые в сравнении с Европой) страны от закабаления европейцами в XVI-XVIII вв., как и от окончательного превращения их в колонии и полуколонии в XIX – начале XX вв. Очевидно, дело было не в самой самодержавии, а в той политике, которую оно вело.

Что более всего тревожило Россию в ее соприкосновении с другими европейскими странами? Она обнаружила, что часто несостоятельна в войне, дипломатии и торговле. Неудивительно, что Московское единое государство стремилось сделать себя конкурентоспособным в этих вопросах, заимствуя то, с помощью чего европейцы «теснили» Россию. Уже Иван III, не столько ощутив, сколько угадывая, трудности своей страны в соприкосновении с Европой, решил начать заимствовать у последней военный, технический, отчасти научный и культурный опыт. Так что мы вправе говорить, что с самого рождения Московской державы началась ее *европеизация*.

Анализ сущности и особенностей российской европеизации не входит в задачи данной статьи, но отметим, что в качестве рабочей гипотезы стоит предположить, что именно политика европеизации стала причиной конкурентоспособности Московской Руси. Она же определила европейскую геополитическую роль, сыгранную Российской империей в северной Азии в новое время. Анализ форм, целей и итогов европеизации подтвердит или опровергнет наше предположение. Возможно будет найден и ответ на вопрос, вынесенный Маршаллом По в подзаголовок статьи для российских читателей: почему при этом сама Московия «не стала Европой»?

Внутриполитические трансформации в странах Африканского Рога: тенденции и/или угрозы?**Общий контекст внутриполитических трансформаций в регионе**

После окончания холодной войны на повестку дня стали выходить вопросы, которые ранее «составляли «низший» уровень политической безопасности, по сравнению с такими проблемами, как глобальное и полномасштабное противостояние сверхдержав, что составляло «высший» уровень безопасности»¹. На настоящем этапе развития мировой политики это положение озвучивается многими исследователями: «Две противоположные тенденции определяют ныне происходящие процессы: с одной стороны, переплетение современных обществ, связанное с глобализацией, подрывает механизмы демократического контроля национального государства, которое само по себе представляет уже пройденный этап. С другой стороны, новые технологии электронных коммуникаций открывают отдельным гражданам и группам столь широкий доступ к информации, что это все больше и больше осложняет дальнейшее существование авторитарных политических режимов»². Также признается, что сущность того или иного режима власти в стране неизбежно влияет на экономику региона³. Учитывая крайне низкий уровень экономического развития стран региона и несмотря на многочисленные дискуссии о внутренних и внешних факторах отставания, эксперты по проблемам развития пришли к согласию в том, что «качество национального правления оказывает влияние на темпы развития страны»⁴. Более того, говорится о том, что «сегодня необходим такой междисциплинарный подход к изучению политических трансформаций в Африке, который бы базировался на эмпирических данных, учитывал историю развития региона и его специфику»⁵. При этом «спефика» региона (как изначальная, так и приобретенная в ходе политического развития) заметна в первую очередь при рассмотрении внутриполитических изменений в этих странах на рубеже 1990-2000 годов.

¹ Armstrong D. A Turbulent World: An Uncertain IR //Journal of International Relations and Development, Vol.7, #3 2004. – P.329.

² Kaiser K. Глобализация как проблема демократии //Internationale politik #4, 1998

³ Также см.: Schedler A. The Menu of Manipulation //Journal of Democracy, V.13, #2, April 2002; Spears I. Africa: The Limits of Power-Sharing //Journal of Democracy, V.13, #3, July 2002

⁴ Тьерри П. Коррупцированные режимы. Стратегии борьбы против “bad governance” //Internationale Politik 2000

⁵ Wilson E. Creating a Research Agenda for the Study of the Political Change in Africa//Widner J. ed.//Economic Change and Political Liberalization in Sub-Saharan Africa, Baltimore, The John Hopkins University Press, 1994. - P.253.

Одна из особенностей стран региона состоит в том, что они ставят перед собой задачу следовать принципам “хорошего правления” в условиях недостаточного уровня экономического развития, и в итоге структурная отсталость, преодолевать которую из-за недостатка ресурсов можно лишь постепенно, тормозит прогресс стран. Учитывая, что мировое сообщество находится под влиянием процессов глобализации, необходимо отметить, что сеть международных и транснациональных взаимозависимостей, которые еще в 1980-е годы привели к распространению тенденций “денационализации”, также усилилась. Для большинства развивающихся стран это означает, что программы помощи и кредиты МВФ и Всемирного банка, а также помощь со стороны стран-доноров могут сопровождаться не только экономическими, но и политическими условиями. Таким образом, промышленно развитые страны и организации, в которых они занимают ведущие позиции, обладают рычагами воздействия на правительства, не желающие или неспособные эффективно управлять своими странами.

Распространено мнение о том, что «поскольку соответствующие требования и санкции направлены на выполнение определенных социальных критериев, то они могут стать средством мощного давления именно на коррумпированные режимы. Некоторые из этих программ – «стимулов» оказывают, в конечном счете, влияние на системы, решившиеся на открытие государства... и вынужденные, таким образом, ориентироваться на международные стандарты, чтобы создать у себя видимость правового пространства и климат для инвестиций. Этот фактор проявляется тем очевиднее, чем сильнее легитимация политических элит зависит от экономических успехов»⁶. Через несколько десятилетий после обретения независимости африканскими государствами (в случае с Эфиопией – после свержения монархии) стало очевидно, что «первые лидеры освободившихся стран не осознавали того факта, что в большинстве случаев возглавляемые ими государства представляли собой мозаику плохо или вовсе не интегрированных местных сообществ, в которых существовали противоречащие друг другу схемы подчинения (то есть распределения власти), равно как и не учитывались пределы располагаемых ресурсов и возможностей»⁷.

При этом в Африке выделяется несколько волн конфликтности, которые, возникнув в локальных очагах, распространились на регионы и субрегионы континента. Из этого следует вывод о том, что «горячие точки» Африки - это не только точки столкновения интересов и двусторонних претензий политического, территориального или экономического характера,

⁶ досье Internationale Politik 2000

⁷ Austin D. «Politics in Africa», Hannover, University Press of New England, 1984, с.15

это - «узлы конфликтности», которые образовались путем трансформации, «перетекания», внутреннего для страны конфликта в пограничный, затем в конфликт в другой стране, и так далее. Подобный процесс опасен тенденцией перерастания в «волны конфликтности», которые могут охватить весь континент. Путём «перетекания» конфликт, сгенерированный претензиями двух сторон и зачастую в рамках одного государственного образования, становится самовоспроизводящимся и обретает ускорение, собственную динамику и логику. Такая ситуация показательна, так как демонстрирует общемировую тенденцию⁸. По мнению современных конфликтологов, отличительной чертой конфликтов XXI века стала не только трудность управления, но и тенденция перерастания локальных конфликтов в региональные. В конечном итоге, изначальные противоречия первоначальных противников порой не имеют ничего общего с тем, во что они превращаются. Пристального изучения заслуживают два фактора. Прежде всего, это - феномен общемирового значения, связанный со взрывом конфликтности после окончания холодной войны. Другой фактор - усиление конфликтности на континенте и дезинтеграция ряда государств; сам по себе этот фактор не является новым феноменом, но потенциал конфликтности в Африке сегодня как никогда высок: континентальные противоречия более не сдерживаются мощными игроками извне.

Отмечается, что «в центре структуры международных отношений после холодной войны стояло государство, что подпитывало дискурс в области международной безопасности и исключало влияние негосударственных игроков глобальной политики»⁹. В этом плане ситуация в регионе Африканского Рога довольно специфична: в противоположность наметившейся тенденции на ослабление роли государства в развитых странах, в Африке именно изменения на государственном уровне способны оказывать влияние на контекст не только внутренней, но и региональной безопасности. При этом возрастает важность процесса политической трансформации в регионе, так как в центре политической структуры продолжает оставаться государство.

Под воздействием порождаемого глобализацией давления, заставляющего повышать конкурентоспособность и проводить модернизацию, правительства вынуждены «поддерживать процесс открытия собственных обществ, или, соответственно, развивать его и тем самым ограничивать регулятивную способность в собственной стране»¹⁰. Для многих развивающихся и «пороговых» стран глобализация означает форсированную и во многом

⁸ Также об этом см. Huth P.K., Allee T.L. «The Democratic Peace and Territorial Conflicts in 21st century», 2002, Cambridge University Press; «Grave new world: Security challenges in the twenty-first century»/edited by Michael E. Brown, Washington, D.C. USA, Georgetown University, 2003; Lemke D. «Regions of War and Peace», 2002, Cambridge University Press

⁹ Coward M. «International Relations in the Post-Globalisation Era»//Politics, Vol.26 (1), 2006, p.55

¹⁰ Кайзер К. «Глобализация как проблема демократии»//Internationale politik #4 1998

вынужденную адаптацию, что «сужает пространство для политиков-реформаторов и широких коалиций»¹¹. В итоге, сегодня Африка в целом является наиболее политически разобщенным континентом.

Кроме того, в некоторых странах Африки проблемы глобализационного периода усугубляются и тем, что «отдельные фрагменты государственной власти продолжают существовать при расширении внутривосточного конфликта, так как у власти отсутствует способность обеспечить даже минимальный уровень безопасности, не говоря уже об общих благах, таких как экономическое благополучие или система образования, что воспринимается как естественное положение дел в развитых странах. Это представляет многоуровневую проблему для исследования международных отношений: прежде всего, если центральным положением исследований продолжает оставаться тезис о превалировании государства как участника международных отношений, каким образом в эту структуру можно включить феномен фрагментации, распада и «провала» государств?»¹². В связи с этим возникает вопрос о том, как политические трансформации 1990х-2000 годов повлияли на современную ситуацию безопасности в регионе и существуют ли в контексте этих изменений какие-либо потенциальные угрозы безопасности? Ситуация осложняется тем, что предполагаемое «уменьшение важности государственно-центричной модели международных отношений, которая доминировала в политической мысли в период холодной войны, было обращено вспять, когда на повестку дня в странах Африки вышли политические силы, борющиеся за национальные интересы»¹³.

В среде исследователей сегодня популярно мнение о том, что указанные трансформации оказали сильное влияние на международные отношения¹⁴. Однако на этом фоне возникает вполне резонный вопрос: не является ли распространение демократии в странах Африки «мнимым триумфом» и содержат ли процессы политической трансформации потенциальные опасности для региона?

Страны Африки изначально соотносятся в сознании исследователей с особым путем развития политических процессов, которые, действуя изнутри, способствовали поддержанию определенного уровня региональной безопасности. Принципиальное различие между странами Запада и Востока выражается, в частности, в традиции рекрутирования правящей

¹¹ Яннинг Дж. «Слабые государства в эпоху глобализации»//Internationale Politik #5 1998

¹² Armstrong D. «A turbulent world: an uncertain IR»//Journal of International Relations and Development, Vol.7, #3 2004, С.361

¹³ Coward M. «International Relations in the Post-Globalisation Era»//Politics, Vol.26 (1), 2006, p.57

¹⁴ F.H.Cardoso «Democracy as a Starting Point»//Journal of Democracy, V.12, #1, January 2001; «And Now What?»//International Politics after the Cold War», Akindale R.A. «The organization and Promotion of World Peace: a study of universal-regional relationships», Huth P.K., Allee T.L. «The Democratic Peace and Territorial Conflicts in 21st century», 2002, B.Buzan «From International to World Society?», 2005.

элиты через разного рода политические организации (партии): «Политические партии в странах Азии и Африки формируются в большинстве случаев не вокруг политической платформы или проводимой партией политики, а на основе взаимоотношений «патрон-клиент», то есть личных связей между лидерами и рядовыми членами, на взаимоотношениях клановости, этноплеменной общности, земляческих, религиозных и тому подобных принципах, никак не связанных ни с платформой, ни с политикой этой партии»¹⁵.

При этом отношения субъектности (то есть определение объекта подчинения самими народами) могут быть довольно разнообразны: «в одних странах люди являются приверженцами своего Короля, которого они наделяют правами власти; в других – вождей, которые обладают властью до тех пор, пока могут поддерживать веру в себя у своих соплеменников, однако не обладающими постоянными властными полномочиями; в третьих – подчиняются главе клана (так называемая «клановая война» в Сомали является подтверждением тому); в четвертых – группе главенствующих деревень или городу; в некоторых же объект подчинения может быть вообще не понятен белому человеку»¹⁶.

В современной Африке продолжает действовать клиентелизм, определяемый как «распространение этнических, религиозных, клановых, семейно-родственных и тому подобных связей на политическую сферу»¹⁷. Классический пример – Сомали, где распределение мест в будущем федеральном правительстве еще на стадии Артинской конференции уже сводилось к разделу сфер влияния между кланами, которые традиционно распределяли между собой власть в стране – более того, такой принцип рекрутирования политической элиты, вызывавший недоумение у западных наблюдателей, для Сомали был совершенно естественен. Такая же ситуация была характерна и для выборов в Эфиопии 2000 года, несмотря на то, что внешне все выглядело как идеальная ситуация выборов по западному образцу. Отсюда можно заключить, что в регионе велико влияние политической традиции, которая предполагают именно клановую, или «клиентельную» схему власти. В странах Африки, где процесс государственного строительства в классическом европейском понимании так и не был завершен, ошибки и слабости государственного правления выражены наиболее ярко. В некоторых государствах, например, в Сомали, невыполнение

¹⁵ Ефимова Л.М. Политическая культура стран Азии и Африки//Политическая культура стран Азии и Африки. Ответственный редактор Л.М. Ефимова. Кафедра востоковедения МГИМО (У) МИД РФ. Москва, МГИМО, 1996.

¹⁶ Wraith R., Local Government. London, Penguin books, 1953, с.13.

¹⁷ Ефимова Л.М. Политическая культура стран Азии и Африки//Политическая культура стран Азии и Африки. Ответственный редактор Л.М. Ефимова. Кафедра востоковедения МГИМО (У) МИД РФ. Москва, МГИМО, 1996.

государством своих функций привело к хаосу, анархии и правлению воинственных неформальных групп.

Важно, что способность государства выполнять свои функции, будь то из-за изначальной его слабости или же из-за обретения власти правителями, не заботящихся о благе государства, в случае резких политических изменений (в том числе форсированных), или в ситуации войны, ослабевает и может в итоге исчезнуть. Проблема заключается в том, что многие страны (зачастую при влиянии внешних организаций) в качестве «рецепта» рассматривают быстрый переход к демократии, который на самом деле может усилить слабость государства, и в итоге привести не к распространению желаемой формы правления, а к необратимому распространению нелегитимного правления.

Для более точного отражения существующего порядка уместно изучить исходную базу, на которой апробировались модели политической трансформации и «правильного правления». В странах рассматриваемого региона генезис государства и системы правления был отличен от процесса становления государственности в других регионах мира. Система государственного управления в странах Тропической Африки изначально развивалась по достаточно жесткому образцу, который условно причисляют к авторитарным. Действительно, страны Африки не пошли по пути создания полисов, общин или иных форм, при которых имеет место представительская форма власти. Характеристиками ¹⁸ африканского государства на самом раннем этапе развития являлись ¹⁹: обожествление правителя, экономическая и политико-идеологическая реципрокность, неравномерное участие в процессе материального производства, особая система делегирования власти, при которой принудительный принцип преобладал над согласительным. Колониализм и привнесенная им западная система правления были искусственными и не отталкивались от пласта традиционной формы государственного правления, свойственной странам региона. В итоге, после окончательного ухода метрополий из своих бывших колониальных владений, по странам континента прокатилась волна военных переворотов, в которых де-юре часто использовались демократические лозунги и цели, а де-факто образовывались диктатуры классического толка. Попытки сломить естественную для восточных обществ в целом и для африканских - в частности, патронатно-клиентельную систему правления²⁰, бесполезны и бессмысленны, так как это не приводит к распространению демократических норм.

¹⁸ более подробные описания традиционных политических систем см. Lloyd P. «The Study of the State. African Kingdoms and the Early State», The Hague, 1981

¹⁹ Подробнее см. Н.Б.Кочакова, Раннее Государство, Москва, 1999

²⁰ Подробнее см. «Эволюция традиционных институтов в колониальной и постколониальной Африке: Материалы научной конференции "Африка: общества, культуры, языки"», /Ин-т Африки РАН; М., 2001, Schraeder P.J. «African Politics and Society: A mosaic in transformation»//Boston: Bedford; New York: St. Martin's,

При проведении анализа и построении модели правления любого африканского государства необходимо учитывать исходные модели, доказавшие свою применимость десятилетия назад. В развивающемся мире в целом, и в Африке в особенности, явно прослеживается процесс консолидации не демократии, а неких «гибридных» форм²¹, сочетающих авторитаризм и демократию. Поэтому акцент в изучении моделей правления в странах развивающегося мира постепенно смещается в сторону анализа реально существующего положения вещей, а не проблемы неприменимости западного варианта правления. При построении анализа государственности стран региона сегодня уместнее говорить не о переходных, а о специфических формах правления. Целый ряд известных политологов предложили свои разработки в этом направлении. Ларри Даймонд предлагает оперировать понятием «Гибридный режим» (или смешанный режим), Гильермо О’Доннелл и Филипп Шмиттер используют термины «Демократура» и «Диктабланда», Хуан Линц, Сеймур Липсет и Ларри Даймонд совместно предложили термин «полудемократии». Поскольку традиции определенной схемы развития политических процессов изменяются от общества к обществу, от страны к стране и от региона к региону, то и рецепты ответственного правления, если они вообще возможны, должны быть различными, коль скоро необходимо сохранить равновесие между экономической результативностью и определяемыми культурой политическими ожиданиями. Возможно, что секрет успешной трансформации в гораздо большей степени связан с этим отношением, чем со скоростью реализации правительствами стран мер структурной адаптации посредством перехода к демократии.

На фоне политических изменений в регионе приобретает признание тезис о том, что «классическая концепция демократического осуществления власти все менее соответствует реальному функционированию современных демократий»²² и что «причины вытеснения классической модели не случайны, а являются результатом переворота в общественной жизни, влияющего на современные общества»²³. Хотя лидеры стран региона и считают улучшение правления в принципе желательным, это не означает, что государства готовы, тем более одновременно, отказаться от традиционных и неформальных нормативных ожиданий, связанных с их руководителями: «Те явления, которые Всемирный банк и Международный валютный фонд характеризуют как нежелательную коррупцию, может рассматриваться

2000; Tukumbi Lumumba-Kasongo «The rise of Multipartyism and Democracy in the context of Global Change: the case of Africa»//Praeger Publishers, Westport, 1998; Chuta Onwumechili «African Democratization and Military Coups»//Praeger Publishers, Westport, 1998

²¹ Термин предложен Ларри Даймондом, см. Diamond L. «Thinking about Hybrid regimes», Journal of Democracy, Volume 13, Number 2, April 2002

²² Женно Ж-М. «Переломный момент демократии?»//Internationale Politik #4, 1998

²³ Там же.

значительными частями общества как необходимая составная часть традиционного торгового обмена между правителями и подвластными им людьми»²⁴.

Рассматривая вопросы политических трансформаций в регионе и в Африке в целом, приходится принимать во внимание, что к настоящему моменту появилась проблема определения субъекта политики в странах Африки. В современной науке принято деление субъектов на персональных, институциональных и социальных²⁵. При рассмотрении «персональных» субъектов политики неизбежно отнесение к термину «элита», который в понятиях западной политической науки имеет субкатегории «правлящая», «промежуточная» и «контрэлита». В условиях Африки эти границы трудно определить, так как понятие элиты в этих условиях видоизменено: один и тот же субъект может одновременно быть в нескольких субкатегориях элиты. Это и порождает постоянную внутреннюю нестабильность. Необходимо учитывать и слабовыраженность или даже отсутствие социально-политического пространства: в африканских обществах иной уровень политического сознания, чем то, которое присутствует в западных моделях и которое является базой для элиты и принятия решений²⁶. В Африке полярные элиты имеют одну и ту же социальную базу, чем можно, в какой-то мере, объяснить постоянную конфронтационность в политической сфере.

Институциональные субъекты политики в Африке в целом характеризуются множеством аполитичных локальных субъектов, однако есть и отдельные политически активные субъекты, представляемые организациями взаимопомощи, которые часто создаются для решения сиюминутных проблем или для борьбы с природными катаклизмами – засухой, наводнением²⁷, а также многочисленные тайные союзы, землячества. Довольно распространены промежуточные субъекты в виде профсоюзов. Явно просматривается тенденция усиления религиозной окрашенности всех этих субъектов, причём показательно, что эта тенденция связана с исламизацией. Имеющие четкую религиозную, исламскую окраску организации активно воздействуют на весь спектр институциональных субъектов политики в регионе. Отмеченная тенденция имеет негативную коннотацию, поскольку она выражается не только и не столько в изменении соотношения численности христиан, мусульман и приверженцев традиционных верований, сколько в быстром усилении исламистских организаций, финансируемых внешними

²⁴ Марфи Э.С. «Good Governance: Концепция для универсального применения?»//Internationale Politik, 2000

²⁵ Подробнее см. Богатуров А.Д., Косолапов Н.И., Хрусталева М.А. «Очерки Теории и Политического Анализа Международных Отношений».

²⁶ Подробнее см. Кочакова Н.Б. «Раннее государство и Африка».

²⁷ Особенно это характерно для районов, испытывающих постоянную нехватку водных ресурсов вследствие засушливого климата. Примером может служить эфиопская организация «Народная комиссия против засухи» во время засухи 2000 года в Северо-Восточной Африке.

игроками. Пример – резкое усиление деятельности организаций типа «Братья-мусульмане», «Аль-Иттихад аль Исламия» и других. Усугубляя негативный потенциал рассматриваемой тенденции, определилась выраженная направленность активности на создание организаций фундаменталистского толка по сетевому или «зонтичному» принципу²⁸, фактически филиалов более крупных организаций, традиционно активных в регионе Ближнего Востока. Отчасти эта тенденция усиливается изменениями, характерными для современных социальных, так называемых косвенных, субъектов политики в странах региона.

Характеристика социально-классовых структур важна для определения системы распределения собственности и власти в любой стране, поскольку господствующая общность в ходе развития обладает возможностью создания государства. Целями этих структур обычно является как непосредственное целеполагание для дальнейшего развития общности и управление активностью ее членов. Классическая схема, «ранжировка», подразумевала этнический, социально-классовый и конфессиональный уровни. В настоящее время, при сохранении роли первого уровня меняется роль и повышается значение двух других уровней и вслед за усилением роли конфессионального фактора (особенно это связано с проблемой исламизации, отмеченной ранее) постепенно происходит объединение классового или, точнее, кланового и конфессионального факторов.

Прежде чем перейти к анализу политических изменений в регионе, необходимо отметить разницу в уровне развития стран региона и выделить определённые категории стран: государства региона входят в категорию стран, в которых структурные проблемы, неспособность к реформам и отсутствие политической воли привели к тому, что выборная демократия не сочетается с широкой политической ответственностью и приводит к усилению коррумпированных или неспособных к эффективному правлению элит. К упомянутой категории можно причислить, например, Джибути. В большинстве стран региона ни демократия, ни правовое государство не достигли достаточного уровня развития, несмотря на то, что, благодаря определенному движению к экономической открытости, они в какой-то мере и следуют принципам взаимоотношений в рамках международной экономической системы. При анализе особое внимание следует обратить на определение наличия политической воли к закреплению успехов экономической трансформации, к проведению продуманной структурно-экономической политики, постоянно имея в виду, что политические элиты стараются сохранить свою монополию в плане формирования политического строя.

²⁸ Такая же структура характерна и для террористических организаций

Таким образом, настоящее исследование особо останавливается на анализе показательного в теоретическом и практическом плане транзита²⁹ в районе Африканского Рога: данный переход был одним из наиболее поздних и наиболее приближен к реалиям сегодняшнего дня.

В целом, особую важность для актуальности подобного рассмотрения имеет тот факт, что на период осуществления перехода (начало 1990х годов) инициаторы процесса в странах региона были достаточно осведомлены об особенностях транзитологического перехода и процесса демократизации, на стадии принятия решения и проведения первичных действий.

Ход внутривнутриполитических трансформаций в странах Африканского Рога

Внутриполитическое развитие стран региона закономерно рассматривать в контексте конкретной ситуации. Часто степень потенциальной агрессии зависит от того, есть ли у государства какие-либо принципиальные претензии на двустороннем и региональном уровне и остаются ли открытыми возможности вести дипломатический диалог по поводу этих претензий, не прибегая к вооруженным действиям. Как показал пример эфиопо-эритрейского конфликта, в условиях внутривнутриполитических изменений две страны могут воевать друг с другом по классическим канонам геополитики.

Известно, что с 1990 года (по мнению ряда исследователей, даже раньше) в большинстве стран суб-сахарской Африки начался процесс внутривнутриполитической трансформации с акцентом на демократизацию, который называли «второй африканской независимостью», или «вторым освобождением». По словам Л.Даймонда, этот процесс должен был «освободить народы Африки от тирании, притеснений, коррупции и отсутствия реального государственного правления, которые характеризовали политический процесс большинства африканских государств с момента деколонизации 1960х³⁰». Считалось, что многие проблемы африканских государств коренятся в нерешенных проблемах периода Холодной Войны. Однако после ее окончания стало понятно, что проблемы стран не уйдут в прошлое вместе с противостоянием сверхдержав. Наоборот, континент практически «взорвался» в плане проблем, связанных с безопасностью как в ее классическом, так и в новом понимании - на повестку дня вышли такие острые проблемы, как притеснение прав автономий, проблема бедности, гражданские и международные войны\конфликты и так далее. При этом, как указывалось в предыдущем разделе, отчетливо проявился кризис

²⁹ Здесь и далее под транзитом подразумевается процесс перехода к демократической форме правления в стране\странах региона.

³⁰ Diamond L. «Ex-Africa...A new Democratic Spirit has loosened the grip of African dictatorial rule»//Times Literary supplement, 1993, с.3

легитимности правления в странах региона. В этом плане уместно рассмотреть сам процесс проведения политической трансформации в странах Африканского Рога.

Теоретический анализ модели внутривнутриполитических изменений, который наблюдался в регионе в начале 1990х годов, невозможен без определений основных категорий анализа: под транзитом подразумевался переход от недемократического к демократическому режиму³¹. Следует описать и основные параметры существовавших в регионе режимов, которые определяли ход развития процесса транзитологического перехода. Х.Линц и А.Степан³² предложили работоспособную категоризацию основных параметров режима: идеология, лидерство, плюрализм, мобилизация. Опираясь на них, можно определить степень значимости и воздействия отдельных характеристик конкретного режима в условиях перехода. Используя предложенные параметры, исследование показало, что до начала изменений в регионе существовал “чистый” (по определению Х.Линца и А.Степана) вариант авторитарного режима, то есть режим, находящийся, по своей характеристике, между тоталитарным и демократическим режимом. При этом важно сделать оговорку, что и при таких параметрах не обязательно результатом является переход именно к демократическому режиму. Характеристиками авторитарного режима являются ограниченный плюрализм, ограниченное лидерство, слабая мобилизация. Эти характеристики в полной мере относились к региону в целом: существовали прото-партии в виде национально-освободительных фронтов (Эритрейский Национальный Освободительный Фронт, Тыграйский Национальный Освободительный Фронт, Всеамхарская Народно-Освободительная организация и другие), лидерство глав государств региона было ограниченным (отсутствовал реальный контроль над некоторыми стратегическими государственными функциями, контролировалась не вся территория), население было слабо мобилизованным из-за многолетнего господства командного способа управления и влияния подданнической политической культуры.

В фазе принятия решений, используя терминологию Д.Растоу, демократическое решение может рассматриваться как акт сознательного, открыто выраженного консенсуса³³. Демократия – не просто набор институтов. Ее форма в каждой стране различна и зависит от социально-экономических условий, традиционной структуры государства и принятой политической практики. Отличие демократической системы от недемократической – в

³¹ Linz J. and Stepan A. «Problems of democratic transition and consolidation»//Baltimore and London: the John Hopkins University Press, 1996

³² Linz J. and Stepan A. «Problems of democratic transition and consolidation»//Baltimore and London: the John Hopkins University Press, 1996

³³ Здесь необходимо отметить, что открытость выборного процесса подтвердило большинство независимых наблюдателей за ходом выборов в Эритрее, что неоднократно сообщалось в Addis Zemen, BBC World Service, CNN, Reuters, Deutsche Welle.

нормах, определяющих легитимные способы прихода к власти и ответственность управляющих за свои решения³⁴.

Региональная модель перехода имела свои отличительные черты, в большой мере связанные с колониальным прошлым³⁵, спецификой протекания любых политических процессов на Африканском Роге и периодом реализации (1990е годы). Дополнительно характеризуя период реализации, следует отметить решающее воздействие факторов демократического перехода. Более поздний по сравнению с другими странами мира период осуществления перехода, позволяет рассматривать модель демократии в странах региона в современных терминах и использовать при анализе условия перехода к современной форме демократии, предложенные А.Ю.Мельвилем и М.В.Ильиным³⁶: наличие сформировавшейся национальной идентичности и государственного единства; наличие определенных культурных условий (ценности, установки); определённый уровень экономического развития.

Анализ региональной обстановки выявляет наличие ряда вышеперечисленных условий. Прежде всего, граждане стран региона обладали сильной, сформированной национальной идентичностью, несмотря на то, что страны региона, кроме Эфиопии, были «поделены» метрополиями. В особенной мере это относится к Эритрее, которая находилась под контролем Италии, затем Великобритании, а после окончания Второй Мировой войны по решению Генеральной ассамблеи ООН была присоединена к Эфиопии. В современных эритрейских источниках, монографиях, затрагивающих проблему национальной идентичности в Эритрее, отмечается, что, несмотря на то, что эритрейский народ был разделен колониальными границами, он сохранил свою идентичность ввиду стойкости эритрейцев к внешнему воздействию и ассимиляционным процессам. При этом важно уточнить, что выделяют три общих типа исходной ситуации (доколониального периода). При первом типе ситуации, империя (метрополия) становилась во главе уже существовавшей политической системы (в случае с Французскими и бельгийскими колониями): Франция делала ставку на унитарность, и французская колониальная система была сильно централизованной, что видно на примере Джибути. При втором типе исходной ситуации, метрополия создавала и поддерживала существование нового, прежде не существовавшего политического порядка, вытеснив прежний (но не разрушив его, так как он продолжал существовать параллельно с новым)³⁷. При третьем типе, метрополия создавала новый политический порядок, так как исходная политическая база в европейском понимании

³⁴ Шмиттер Ф., Карл Т.Л. «Что есть демократия?»//перевод с англ.яз., Москва, Институт философии РАН, 1996

³⁵ Например, та же Эритрея - бывшая колония Италии и затем - протекторат Великобритании.

³⁶ Мельвиль А.Ю. и Ильин М.В. «Демократия и демократизация», Полис, 1996, №5

³⁷ Fortes M. and Evans-Pritchard E., eds., «African Political Systems»//Oxford, Oxford University Press, Great Britain, 1940, с.15-16.

отсутствовала. Последние два типа ситуаций были характерны для британских колоний. В принципе, создавать «с нуля» политическую структуру необходимо было в Сомали, которое было поделено между несколькими странами сразу, и ошибки, допущенные в этом процессе, заложили базу для современной ситуации «распада» государства на этой территории.³⁸ Далее, в регионе имелись определенные культурные условия для осуществления транзитологического перехода. В качестве примера можно привести Эритрею, где стремление к независимости превратилось в основополагающую характеристику эритрейского народа, подтверждение чему можно найти практически во всех эритрейских источниках современного периода. И в Эфиопии, и в Эритрее, и в Джибути существовала изначальная установка на независимость как вызов колониальному прошлому, отделение и стремление к построению демократического государства по модели западных стран.

Рассмотрев действие фактора экономического развития, приходится констатировать, что данный фактор в процессе транзита в странах Африканского Рога не мог быть полезен при анализе условий перехода к демократии в силу недостаточной сформированности экономической структуры в регионе, глубокого экономического кризиса, низкого уровня развития экономики и низких показателей экономического роста. Основным показателем экономического развития - «валовой национальный продукт на душу населения», составлял менее 100 долларов³⁹, а темпы экономического роста находились за отрицательной отметкой.

В ходе исследования для усовершенствования модели перехода были успешно применены выводы из изучения работ Д.А.Растоу, который ставил во главу угла национальное единство как условие, которое должно предшествовать всем остальным стадиям процесса. Такое предварительное условие эффективнее всего реализуется тогда, когда национальное единство признается на бессознательном уровне. В странах региона, особенно в Эритрее национальное единство - налицо, его подпитывает и укрепляет стремление покончить с колониальным прошлым, продолжительная освободительная борьба. Тезис о том, что национальное единство представляет собой единственное предварительное условие демократического перехода, подразумевает, что для демократии не требуется никакого минимального уровня экономического развития и социальной дифференциации. Экономические и социальные факторы подобного рода входят в модель опосредствованно, как составляющие основы национального единства.

Исследование вопроса приводит к выводу, что введение в модель перехода условия «национального единства» Д.Растоу позволяет лучше понять происходящие процессы. Национальное единство имело важное значение в процессе перехода в странах региона,

³⁸Low D.A. «Lion Rampant»//Journal of Commonwealth Political Studies, 2:3, November 1964, с.236

³⁹ По классификации ООН

особенно в Эфиопии и Эритрее, где большинство граждан не имело сомнений относительно того, к какому политическому сообществу они принадлежат. По Д.Растоу, серьезный и продолжительный характер борьбы, как правило, побуждает соперников сплотиться: например, в случае с Эритреей ожесточенная борьба за независимость велась в течение 30 лет⁴⁰.

Для того, чтобы состав правителей и характер политического курса могли свободно меняться, границы государства должны быть устойчивыми, а состав граждан – постоянным. Если рассматривать проблему границ, придется обратиться к анализу эфиопо-эритрейского конфликта 1998 года по поводу границ, который начал назревать уже на начальной стадии перехода (подробнее проблема границ разбирается в разделе об эфиопо-эритрейском конфликте). В отношении состава граждан можно утверждать, что он на протяжении всего процесса оставался однородным⁴¹ и постоянным в силу действия факторов, о которых шла речь выше. Рассмотрение процесса перехода предполагает изучение вопросов обеспечения функционирования демократии. В этом плане применима классификация процедур обеспечения демократии, указанных Р.Далем в его работе «Процедуры обеспечения демократии»⁴². Рассмотрев наличие признаков таких процедур, можно прийти к следующим результатам:

1. Выборные официальные лица контролируют решения правительства и это закреплено в конституции.

Это справедливо в отношении Эритреи после принятия Конституции 1993 года, предусматривающей обеспечение данного механизма, а также Эфиопии, конституция которой широко обсуждалась в кругах эфиопской общественности и была принята в 1991 году.

2. Официальные лица периодически избираются в ходе честных выборов.

Этот признак выражен слабо: с начала осуществления транзитологического процесса выборы в Эритрее и Джибути проводились только дважды. Победу оба раза с огромным перевесом (более 90%) одерживали действующие лидеры, что даёт основания усомниться в «честности» выборного процесса в этих странах. Более того, в 2003 году дальнейшие выборы в Эритрее были вообще отменены, а в Джибути после 2005 года выборы стали формальностью.

⁴⁰ интересно то, что та же сплоченность в борьбе против одного режима обернулась войной между Эфиопией и Эритреей в 1998 году

⁴¹ имеется в виду внутренняя однородность национального состава в разных частях региона, отсутствие сильной ассимиляционной волны

⁴² см. Даль Р. «Процедуры обеспечения демократии»//Москва, АСПЕКТ-Пресс, 1999

В Эфиопии выборы проводились регулярно и в присутствии международных наблюдателей, которые подтвердили их прохождение согласно правилам, тем не менее, некоторые скептически настроенные исследователи подвергли сомнению «честность» выборов, посчитав, что на них имели место многочисленные нарушения.

3. Право избирать официальные лица и претендовать на избрание имеет все взрослое население.

По крайней мере, формально данный признак соблюдался во всех странах региона, поскольку выборы всё же проводились (хотя бы один раз, как в случае с Эритреей).

4. Свободное выражение своего мнения, отсутствие преследования по политическим мотивам.

В Эритрее эти права декларируются, но фактически страна живет в условиях господства идеологии “осажденной крепости”, отмечается практика строгого преследования по политическим мотивам. В Эфиопии и Джибути ситуация значительно лучше. Столь гипертрофированной авторитарной идеологии там нет, деятельность неправительственных организаций открыто не преследуется.

5. Есть альтернативные источники информации, и они защищены законом.

Это в определённой мере применимо к Эфиопии и Джибути и абсолютно неприменимо к Эритрее, где все средства массовой информации принадлежат государству и подконтрольны ему.

6. Право граждан создавать независимые ассоциации и организации.

Этот право декларируется, но практикуется, в определенной мере, только в Эфиопии и Джибути и не практикуется в Эритрее, где ведётся преследование по политическим мотивам.

7. Выборные официальные лица в своих действиях не подвергаются противодействию невыборных официальных лиц.

Этот признак трудно определить за неимением достоверных открытых источников информации, освещающих соответствующие вопросы.

8. Государство должно быть суверенным и действовать независимо от политических систем более высокого уровня.

Этот признак присутствует в искаженном виде: Эритрея закрыта для других стран, Сомали в принципе искусственно поддерживается (что не дает возможности применять к анализу страновой ситуации другие признаки из приводимых), а в Эфиопии и Джибути влияние внешних факторов достаточно велико.

Политические трансформации в странах Африканского Рога являются сложным и многоступенчатым процессом. В Эфиопии, по сравнению с другими странами региона, подобный процесс осуществляется весьма болезненно⁴³. Он осложняется этническими и социальными проблемами, которые чреваты политическими кризисами. Отмечаются факты высокой политизированности общества, что подтверждается значительным числом политических партий, которых в небольшой и экономически неразвитой Эфиопии насчитывается более 60⁴⁴; по сравнению с 1991 годом, число политических партий в Эфиопии увеличилось в 5 раз⁴⁵.

Этапы и явления процесса политической трансформации в регионе можно свести в таблицу для последующего анализа. Подобное графическое отображение процесса успешно использовалось в исследованиях Х.Вальдрауха⁴⁶ в отношении другого региона, в частности для анализа процессов транзитологических переходов социалистических государств в Южной, Центральной и Восточной Европе.

Таблица 1. Этапы и характеристики политических изменений в регионе Африканского Рога.

Регион:		Африканский Рог: Эфиопия, Эритрея, Джибути
Ситуация до перехода	Тип режима до транзита	Авторитарный
	Период господства недемократического режима	30-50 лет ⁴⁷
	Роль идеологии в обществе	Весьма велика в период авторитаризма; в настоящий момент сильны националистические настроения
	Автономность экономики	Существует в Эфиопии и Джибути, где провозглашена политика рынка. Нет в Эритрее, где экономика - военного типа, "осаждённой крепости"
	Гражданское общество	Отсутствует

⁴³ Тадессе Д.М. «Проблемы конституционного контроля: соотношение права и политики»//Право и политика №8 2001 год, с.34-35

⁴⁴ Тадессе Д.М. «Проблемы конституционного контроля: соотношение права и политики»//Право и политика №8 2001 год, с.34-35

⁴⁵ Тадессе Д.М. «Проблемы конституционного контроля: соотношение права и политики»//Право и политика №8 2001 год, с.34-35

⁴⁶ H. Waldrach. Differences of regime changes//London, Oxford University Press, 2000

⁴⁷ Расхождение в определениях для разных стран.

	Политическое общество (политические партии)	Существуют в виде политических фронтов, деятельность которых, за исключением правящего фронта, затруднена.
	Структура общества до транзита	Сильная стратификация общества.
Транзит	Условия перехода	Политический, экономический и социальный кризис.
	Причины перехода	Эфиопия: свержение существовавшего политического строя. Эритрея: Отделение от Эфиопии, выход из-под власти диктатора, конец гражданской войны. Джибути: выход из-под власти метрополии.
	Значимость перехода для региона	Важна с точки зрения региональной безопасности.
	Роль масс	Мобилизация и демобилизация масс является инструментом, которым манипулируют элиты, массовые протесты существуют как реакция на действия элиты, в регионе отмечается заметная степень вовлеченности масс в политический процесс перехода вне зависимости от правящих элит. Пример – ВАО (Всеамхарская Народная Организация) в Эфиопии.
	Роль армии	Очень велика, является центральным актором.
	Роль средств массовой информации	В Эфиопии и Джибути формально существуют как государственные, так и независимые средства массовой информации, однако реальная их деятельность преследуется В Эритрее деятельность средств массовой информации затруднена.
	Заключение пактов и соглашений	Присутствуют: пакты до и после перехода, формальные и неформальные.

Консолидация	Проблемы национализма и определения государственных границ	Существенны, явились катализаторами военных действий Эритреи против Эфиопии в 1998 году; вопрос о границах остается спорным до сих пор.
	Политическая культура	Первые признаки наблюдались уже до перехода в виде активных политических движений – ТНОФ (тыграй), ВАНО (амхара), и другие.
	Необходимость реформ в сфере политики и гражданского общества	Существует во всех странах региона – для создания равновесия между политическими, экономическими и социальными группами
	Построение государства, реформа бюрократического аппарата	В Эфиопии данная проблема вышла на поверхность после 1991 года и свержения предшествовавшего режима. В Эритрее необходимость таких реформ возросла после отделения от Эфиопии в 1993 году. В Джибути такие перемены обрели насущность после выхода из-под власти метрополии.
	Проблема давления со стороны элиты прошлого режима	Велика ввиду продолжительности существования единого административного аппарата управления в течении 50 лет нахождения территории Эритреи в составе Эфиопии.
	Создающийся тип демократии	По форме – президентские республики, по сути – «псевдодемократии», кроме Джибути, где присутствуют признаки реальной демократии
	Социальные и экономические реформы	Необходимость проведения очевидна во всех странах региона ввиду их экономической отсталости.
	Традиции демократии	Присутствуют, но слабы.
	Международный контекст	нестабильный регион; высокая степень конфликтогенности как на государственном, так и на межгосударственном уровне

Используя данную таблицу, а также данные теоретического и эмпирического анализа, исследование приходит к выводу, что процесс перехода в странах региона, не завершившись, сразу начал трансформироваться в некие «гибридные» формы. При этом существует большая

опасность оптации в пользу «псевдодемократии»⁴⁸, определяемой Л.Даймондом как некая форма между авторитаризмом и демократией и обладающей при этом признаками электоральной демократии: в странах формально действуют оппозиционные силы в виде политических фронтов, но нет поля для честного соперничества между оппозицией и правящей партией, которая могла бы привести к отстранению от власти правящей группировки. Пример тому - высказываемые положения, о том, что в некоторых странах, например, Эфиопии, новая федеративная система позволяет проводить процесс демократизации, так как обеспечивает представленность всех народностей и политических объединений. Этот тезис можно опровергнуть, так как именно провал построения федерации в Эфиопии в сочетании с давлением на неправительственные медиа-структуры и притеснениями национальных меньшинств в итоге спровоцировали кризисы 2000 и 2005 годов, когда федеративным государственным структурам с трудом удалось удержать власть.

Несмотря на некоторые позитивные сдвиги в развитии демократии в регионе, отмечается ряд трудностей при осуществлении перехода и консолидации демократии: при проведении выборов имели место подтасовка результатов, давление на избирателей, другие формы принуждения⁴⁹. Существенный момент, заставляющий сомневаться в эффективности процесса демократического перехода в регионе, заключается в том, что в большинстве случаев при «открытии» страны и после проведения выборов к власти приходят те же политические деятели и партии, которые составляли правящую элиту в авторитарный период⁵⁰; несмотря на существование оппозиции, её действие направлено на неконструктивную критику правящего класса. Серьёзное критическое замечание в отношении выборной демократии в регионе связано с тем обстоятельством, что даже если путь политической партии к власти относительно «чист», сам факт демократических преобразований в стране редко приводит к прогрессу в экономической или политической сфере⁵¹.

Парадокс всей ситуации заключается также в том, что «в традиционной политической структуре африканского общества цари и вожди избираются большинством. При этом подданные осведомлены о правах и обязанностях правителя, равно как и о своих, и могут оказывать на него давление или сместить его»⁵². Получается, что фактически существует

⁴⁸ См. Л.Даймонд «Прошла ли “Третья волна” демократизации?» - «Полис», №1, 1999

⁴⁹ Chabal P. «A few considerations on democracy in Africa»/International Affairs, #74, 1998, p.290

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid.

⁵² Fortes M. and Evans-Pritchard E., eds., «African Political Systems»//Oxford, Oxford University Press, Great Britain, 1940, с.12-13

база для демократических институтов, которая при этом учитывает особенности традиционного общества.

Интересен также тот факт, что принципы «протодемократического» традиционного общества апеллируют также к принципам поклонения предкам, так как правители традиционных обществ стремились разрешать существовавшие разногласия внутри общности, и принцип представительности (в своеобразной форме) присутствовал и иногда являлся доминирующим. Более того, главы представляемых общностей могли быть смещены входившими в эту общность, и мог быть переназначен новый представитель общности перед верховным правителем. При этом ничем не контролируемая и не сдерживаемая исполнительная власть, при которой парламент либо был неэффективен, либо вовсе служил прикрытием для реальных действий правителей (равно как и судебная система), стала одним из факторов коллапса экономических систем африканских стран, равно как и расцвета политической коррупции, отсутствия реального правления, повсеместного нарушения прав человека и других проблем. Именно чрезмерная «концентрированность» исполнительной власти объясняет столь долгие периоды продолжительности нахождения у власти некоторых африканских правителей, равно как и многочисленные перевороты и политическую нестабильность в целом. При этом правители требовали «беспрекословного подчинения народа, хотя вопрос о его приверженности не ставился вовсе. Практически такие режимы отвергали любые проявления критики со стороны общества, и все политические институты контролировались доминирующей партией»⁵³. Оппозиция и инакомыслие приравнивались к измене. Фактически это идет в параллели с ситуацией кризиса или же отсутствия легитимности в современной политической системе стран региона.

Классические модели перехода к демократии, рассматриваемой этими моделями как залог устойчивого развития и обеспечения безопасности, не учитывают африканской специфики политических процессов: в регионе исторически сложились клиентельные отношения власти, основанные на патронате как схеме политического развития и поэтому до сих пор наблюдается несоответствие между современной формой государства и традиционалистской «логикой» его функционирования. Патронат является решающим инструментом для достижения власти. В большинстве стран региона кланы рассматривают парламент, партии, профсоюзы и другие общественно-политические организации и институты как средство легитимизации своей власти: «... сложившаяся на данный момент ситуация показывает, что демократия является инструментом, средством борьбы за власть, а именно, явление многопартийности зачастую создается искусственно и доводится до абсурда.

⁵³ Owusu D.S. «The process, prospects and constraints of Democratization in Africa»//African Affairs, #91\7, 1992, с. 35

Возникают многие десятки, сотни партий, большинство из которых, по сути, представляют собой политические клики. В сочетании с острыми социальными и политическими конфликтами это превращает плюрализм и политические свободы в пустые лозунги, в средства дестабилизации общества»⁵⁴. Кроме того, «длительный период авторитарного колониального, равно как и постколониального, правления в условиях продолжающихся гражданских войны и нехватки ресурсов, трудно вообще вести речь о поддержании демократических институтов и норм»⁵⁵.

В странах с однопартийными системами⁵⁶ правящая партия внешне имеет вид мощной массовой организации (нередко охватывающей все взрослое население или его подавляющую часть), при этом декларируются ее идеологический характер и руководящая роль в общественном развитии. На самом деле, за современным фасадом скрыт механизм внутрипартийных связей, основанный на патронатно-клиентельных связях. Организационная структура таких партий, порядок выдвижения их лидеров и внутрипартийная дисциплина построена на авторитарных принципах. Они представляют собой, по существу, пирамиду кланов, на вершине которой стоит лидер, выступающий в качестве объединяющей силы. Вокруг руководителя партии, являющегося одновременно главой государства и правительства, складывается правящий «президентский» клан. Это неформальное объединение профессиональных политиков, занимающих ключевые позиции в партийном и государственном аппарате. Основной структурообразующий элемент клана – система личных связей между его лидером и членами, базирующаяся в первую очередь на этнической, религиозной, семейно-родственной общности (которые при этом сталкиваются и друг с другом в том числе, порождая еще большую нестабильность), а также на общности политических и деловых интересов. При этом существует более обширная проблема процесса политических изменений в регионе: вопрос распределения власти и приспособления традиционных институтов к новым формам правления. Традиционные институты общества в регионе в ходе всего периода постколониального развития восстанавливались, возрождались, реформировались и пытались приспособиться к процессам либерализации, демократизации и экономической трансформации в период обретения Африкой «второй независимости», причем с переменным успехом. Но первое поколение африканских лидеров практически ни разу не смогло эффективно справиться с центральной и казавшейся непреодолимой проблемой передачи власти и независимости,

⁵⁴ Тадессе Д.М. «Проблемы конституционного контроля: соотношение права и политики»//Право и политика №8 2001 года, с.34-35

⁵⁵ Owusu D.S. «The process, prospects and constraints of Democratization in Africa»//African Affairs, #91\7, 1992, с. 35

⁵⁶ Например, в Эритрее.

которые важны для обеспечения демократического процесса, и трудностями связи между новыми формами политического устройства (как в ценностном, так и в институциональном плане), и традиционными политическими институтами и формами лидерства. Стали рассматриваться такие вопросы, как способы адаптации развивающихся традиционных институтов и политической культуры к новым национальным политическим структурам и курсам, которые обуславливали бы проведение демократического процесса. В реальности практически в каждой бывшей стране-колонии западные политические институты, обеспечивавшие работу трех ветвей власти и бюрократического аппарата, сосуществовали с традиционными африканскими институтами, что особенно ярко проявлялось на локальном уровне. Эта двойственность создавала дополнительные линии разграничения (барьеры) между разделенными колониальными границами этносами и культурными группами, что приводило к искажению политической идентичности народов и в итоге подрывало весь политический процесс.

При условии перекрытия доступа к финансовой и политической помощи извне «демократические идеалы» региона вряд ли выдержат такое испытание - скорее всего они будут сметены под напором сохранившихся традиций. При этом, поскольку исторический африканский авторитаризм, свойственный не столько духу народов, сколько уровню их развития, находится сейчас под контролем «гибридных форм», то, вырвавшись на свободу, он способен принять крайне радикальные формы, спровоцировать межэтнические конфликты и даже вызвать гражданскую войну.

Сегодня популярны также идеи «смешанного правления», при которых традиционные и новые институты могут существовать, таким образом обеспечивая адаптацию к происходящим трансформационным процессам: «легитимность власти и ее реформ будет достигаться не путем искусственного создания легитимности со стороны власти, а естественным путем, через легитимацию трансформаций локальными политическими общностями»⁵⁷. Это сочетается с положением о том, что «В современной Африке существуют параллельные политические структуры – такие, как клановые сообщества, традиционно возглавляемые вождями общности, старые и новые религиозные группы, этнические и социальные группы, и многие другие. Проблема заключается в том, что сегодня они зачастую стремятся к конкуренции с государством в плане распределения ресурсов, в

⁵⁷ Sklar R.L. «The African Frontier for Political Science»/in Bates R. and Mudimbe V., eds.//«Africa and the Disciplines. The contributions of research in Africa to the Social Sciences and Humanities», Chicago, Chicago University Press, 1993, с.110

том числе власти»⁵⁸. В этой связи понятно, что эти группы и их влияние должны учитываться при анализе процессов политической трансформации в Африке.

Заключение

Таким образом, предположения о том, что наличие и активная деятельность легальных оппозиционных партий, влияние таких факторов, как национальное единство, постоянный состав граждан, мобилизация населения для участия в общенациональных политических процессах, наличие благоприятствующей демократии культуры и сформированность национальной идентичности граждан создают условия для строительства в исследуемом регионе демократии, фактически несостоятельны. Легитимность «преобразованных» режимов в большой степени зависима от внешней поддержки. Проведенный анализ показывает, что поскольку традиции развития политических процессов разнятся от общества к обществу, от страны к стране и от региона к региону, то и варианты типов правления должны быть различными, поскольку существует необходимость сохранения равновесия между экономической результативностью и определяемыми культурой политическими ожиданиями. Возможно, что секрет успешной трансформации в гораздо большей степени связан с этим отношением, чем со скоростью реализации правительствами мер структурной адаптации посредством политической трансформации. Важно осознать, что любые внутривнутриполитические трансформации в регионе должны учитывать традиционные политические институты и присущую региону децентрализованность на локальном уровне; «ДокOLONиальные формы политического участия граждан сегодня могут стать применимыми в процессе эволюции постколониальных форм демократии»⁵⁹.

Центральной проблемой демократических трансформаций в современной Африке является не отсутствие демократических норм и ценностей, а проблема создания (или же воссоздания) эффективных институциональных структур, которые основывались бы на существовавших до колонизации (или же параллельно с ней) традиционных образованиях с целью восстановления легитимности власти, так как без этого ключевого фактора никакие трансформации вообще не смогут проводиться, а любое изменение политической структуры в «ослабленном» государстве, в сочетании с конфликтогенным контекстом политической ситуации, может привести к «взрыву конфликтов» сначала на местном уровне, а потом, возможно, и на уровне всего региона, создав «спираль» кризиса.

⁵⁸ Wilson E. «Creating a research agenda for the study of the political change in Africa»//in Widner J. ed., *Economic Change and Political Liberalization in Sub-Saharan Africa*, Baltimore, The John Hopkins University Press, 1994. с.253

⁵⁹ Davidson B. «The Black Man's Burden, Africa and the Curse of the Nation-State»//New York, Times Books, с.224

Таким образом, демократизация в странах Африканского Рога является неоднозначным процессом, который потенциально может содержать угрозы внутренней безопасности стран региона. Очевидно, что происходившие в 1990х годах процессы политических трансформаций в регионе были чрезмерно политизированы группами и индивидами, которые под прикрытием этих трансформаций стремились легитимизировать свое доминирование или стремление к нему. Утрата или нарушение внутренней стабильности в этих странах является потенциальной угрозой региональной безопасности, так как сегодня именно государство при любой форме правления и режима является поддерживающей конструкцией, которая фактически управляет конфликтогенностью в неразвитом регионе, в отличие от ситуации в развитом мире, где государство вынуждено соперничать с новыми участниками международных отношений. При этом слабость государства в неразвитом регионе, в том числе и усиленная политическими трансформациями, опасна не сама по себе, а в плане неспособности контролировать выход потенциала насилия на уровень открытого и ничем не сдерживаемого кровопролития.

«ВТОРОЙ УРОВЕНЬ» НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КНР

Значительное место в системе источников налогового права материкового Китая занимают нормативные правовые акты, отличные от законов («первый уровень» налогового законодательства). Информация о них имеет теоретическое и практическое значение.

Иные нормативные правовые акты могут принимать различные формы. Из содержания ст. 2 Инструкции от 15 октября 2002 года «О применении Закона КНР “Об управлении взиманием налогов”» следует, что источниками налогового права материкового Китая являются: Закон КНР от 4 сентября 1992 года (в ред. от 28 апреля 2001 г.) «Об управлении взиманием налогов», названная инструкция, а также налоговые законы и административные узаконения.

В китайской литературе административное узаконение определяется как нормативный документ по административному управлению, разработанный Государственным советом в пределах своей компетенции, а положение – как нормативный документ по административному управлению, разработанный на основании закона государственным административным органом. Термином «положение» обозначают совокупность правовых предписаний, которые объединяются общим заголовком и издаются установленными конституцией или законом органами исполнительной власти. Этот термин означает (в первую очередь) не форму нормативного правового акта, а некое обобщение, отличное, например, от термина «приказ». Существуют два вида положений. Первый вид – это документы нормативного характера, разработанные в пределах своей компетенции на основании закона министерствами и комитетами Государственного совета. Они имеют силу на территории всего государства. Второй вид – это документы нормативного характера, разработанные в пределах своей компетенции провинциями, автономными районами, городами центрального подчинения, а также народными правительствами провинций, автономных районов и сравнительно крупных городов. Они имеют силу на территории, находящейся в ведении разработавшего их органа.

Наряду с терминами «административное узаконение» и «положение» в законодательстве материкового Китая используется термин «публичный документ». Как следует из содержания Уведомления Государственного совета от 24 августа 2000 года «О Методах “Об обращении публичных документов государственных административных органов”», он используется правительствами провинций, автономных районов и городов центрального подчинения, а также ведомствами и подчинёнными органами Государственного совета. Публичный документ – это документ, имеющий юридическую силу и подготовленный в процессе управления, являющийся важным инструментом управления и деятельности в соответствии с законом. В ст. 9 Методов Государственного совета от 24 августа 2000 года «Об обращении публичных документов государственных административных органов» названы такие формы публичных документов, как приказ, решение, сообщение, публикация, циркуляр, предложение, доклад, просьба распоряжений, ответ, мнение, письмо, уведомление.

При рассмотрении нормативных правовых актов, отличных от законов, внимание необходимо обратить на две особенности. Первая особенность состоит в том, что административные узаконения подразделяются на исполнительные и самостоятельные. Исполнительные административные узаконения принимаются во исполнение законов (по отечественной классификации, это подзаконные акты). Например, те же инструкции о применении. Самостоятельные административные узаконения – это несодержащиеся в законах новые положения, разработанные и опубликованные уполномоченным органом. Вторая особенность связана с так называемыми документами нормативного характера.

Административные узаконения Государственного совета имеют двойное значение. С одной стороны, они конкретизируют содержание законов, принятых Всекитайским собранием народных представителей и его Постоянным комитетом, делают их, как говорит К.А. Егоров, более «удобоваримыми» при проведении в жизнь¹. С другой стороны, они создают определённые правовые нормы по вопросам, возникающим в ходе проведения реформ и модернизации страны. Некоторые китайские комментаторы указывают на то, что самостоятельные административные узаконения являются, в том числе, толкованиями, что, в принципе, не верно.

¹ Егоров К.А. Китайская Народная Республика. Политическая система и политическая динамика (80-е годы). М.: Наука, 1993. С. 149.

Толкование, это всё-таки, в основном, прерогатива суда, хотя в праве материкового Китая есть и на этот счёт некоторые особенности. Так или иначе, но у органов исполнительной власти несколько иные полномочия.

Открытый перечень полномочий Государственного совета закреплён в ст. 89 Конституции КНР от 4 декабря 1982 года (с посл. изм.) и ст. 3 Закона КНР от 10 декабря 1982 года «Об организации Государственного совета». В их числе названы формирование административных мер, разработка административных узаконений, опубликование решений и приказов.

Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей 18 сентября 1984 года было принято Решение «О предоставлении Государственному совету права реформировать систему торгово-промышленного налога и разрабатывать проекты налоговых правил для опытного применения». Как в нём указано, это сделано с целью распространения практики, в соответствии с которой государственные предприятия будут уплачивать налоги вместо отчисления прибыли. Предусматривалось, что проект правил будет пересмотрен с учётом опыта, накопленного при его применении. Затем последовало Решение (Всекитайского собрания народных представителей) КНР от 10 апреля 1985 года «О предоставлении права Государственному совету вырабатывать временные установления или правила в области хозяйственной реформы и политики расширения внешних связей». В его последнем предложении закреплено, что по мере приобретения практического опыта и создания необходимых условий Всекитайское собрание народных представителей или его Постоянный комитет разрабатывают законы. Выступая с обоснованием проекта Решения КНР «О предоставлении права Государственному совету вырабатывать временные установления или правила в области хозяйственной реформы и политики расширения внешних связей», Ван Ханьбинь, являвшийся в то время ответственным секретарём Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей и председателем Комитета по законодательству, объяснил предоставление Государственному совету нормотворческих полномочий необходимостью скорейшего юридического закрепления перемен, происходящих в

процессе реформ, а также потребностью в расширении компетенции высшего органа государственного управления².

Практика делегирования полномочий Государственному совету получила закрепление в Законе КНР от 15 марта 2000 года «О законодательстве». В ст. 9 предусмотрено, что по вопросам, по которым Всекитайским собранием народных представителей и его Постоянным комитетом не принято законов, Всекитайское собрание народных представителей и его Постоянный комитет вправе вынести решение о делегировании Государственному совету полномочия, в соответствии с реальной необходимостью, на первоочередное принятие по указанным вопросам административных узаконений. Не может быть делегировано Государственному совету право принятия административных узаконений по вопросам, имеющим отношение к преступлениям и уголовным наказаниям, судебной системе, к мерам пресечения и наказания, связанным с лишением и ограничением личной свободы и т.д.

Следует считать, что именно на основании этих положений Государственный совет занимается нормотворчеством в налоговой сфере. Основной формой самостоятельных административных узаконений Государственного совета являются правила и временные правила. Считается, что они позволяют и оперативно реагировать на требования реальной обстановки, и вносить, при необходимости, соответствующие коррективы в законопроекты до их окончательного утверждения. По своей структуре принятые Государственным советом временные правила, так же как и налоговые законы, разбиты на статьи. Все они имеют довольно незначительный объём и по содержанию схожи с налоговыми законами в той части, что в них закреплены общие положения без особой детализации соответствующих вопросов. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что во временных правилах указаны не только основные элементы налога, но и приводятся формулы для его расчёта, а также прилагаются таблицы налогооблагаемых позиций и ставок соответствующего налога.

Исполнительные административные узаконения Государственного совета могут приниматься в форме инструкций и правил о применении. На сегодняшний день их количество определено количеством налоговых законов. Так, в соответствии со ст. 13 Закона КНР от 10 сентября 1980 года (в ред. от 27 октября 2005

² Китайская Народная Республика в 1985 году. Политика, экономика, культура / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М.: Наука, 1988. С. 15.

г.) «О подоходном налоге с индивидуумов» были приняты Правила от 28 января 1994 года «О применении Закона КНР “О подоходном налоге с индивидуумов”». Основным подзаконным актом Государственного совета следует считать принятую на основании ст. 93 Закона КНР «Об управлении взиманием налогов» Инструкцию «О применении Закона КНР “Об управлении взиманием налогов”».

Различие между исполнительными и самостоятельными административными узаконениями является в каком-то роде условным. Поскольку, если исходить из того, что законы являются нормативными правовыми актами высшей юридической силы, то требование верховенства законов означает, что все иные акты находятся «под» законом, то есть являются подзаконными³. В этом случае отличий между принятыми Государственным советом временными правилами и инструкциями о применении нет. Данные нормативные правовые акты следует считать признаком определённого политического режима. Конечно, в предоставлении нормотворческих полномочий отдельным органам исполнительной власти нет ничего предосудительного. Отсутствие каких-либо границ, пределов – безусловный недостаток. Некоторые ограничения есть в ст. 9 Закона КНР «О законодательстве», но их явно недостаточно. Можно было бы ограничить срок действия административных узаконений Государственного совета.

Наряду с административными узаконениями в материковом Китае получила широкое распространение практика издания публичных документов в форме уведомлений. Их ещё называют документами нормативного характера. По налоговым вопросам известны уведомления Государственного совета, Министерства финансов, Главного государственного налогового управления и Главного таможенного управления, а также ведомств местных народных правительств.

Оценить значение таких документов можно на примере Уведомления Государственного совета от 22 февраля 1994 года «О вопросах применения Временных правил КНР “О налоге на добавленную стоимость”, “О потребительском налоге”, “О промысловом налоге” и других налоговых временных правил предприятиями с иностранными инвестициями и иностранными предприятиями», которое было принято в соответствии с Решением Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей от 29 декабря 1993 года «О

³ Алексеев С.С. Право. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 86.

применении Временных правил “О налоге на добавленную стоимость”, “О потребительском налоге”, “О промысловом налоге” и других налоговых временных правил предприятиями с иностранными инвестициями и иностранными предприятиями». В п. 3 решения закреплено, что применение других налогов (т.е. помимо перечисленных) к предприятиям с иностранными инвестициями и иностранным предприятиям в отсутствие законов осуществляется в соответствии с административными узаконениями. В свою очередь, в п. 1 уведомления предусмотрено, что помимо временных правил, вынесенных в название этого уведомления, и Закона КНР от 9 апреля 1991 года «О подоходном налоге с предприятий с иностранными инвестициями и иностранных предприятий» подлежат применению Временные правила КНР от 3 апреля 1950 года «О налоге со сделок», от 15 декабря 1950 года «О гербовом налоге», от 19 декабря 1950 года «О налоге на забой скота», от 8 августа 1951 года «О налоге на городское недвижимое имущество», от 13 сентября 1951 года «О налоге на номерной знак автотранспортных средств и судов», от 25 декабря 1993 года «О налоге на ресурсы» и от 13 декабря 1993 года «О налоге на добавленную к земле стоимость». Таким образом, п. 1 рассматриваемого уведомления Государственного совета определяет виды налогов, которые подлежат уплате отдельной категорией налогоплательщиков.

Всё изложенное выше касалось первого вида положений. Как уже было отмечено, второй вид положений – это нормативные документы, разработанные в пределах своей компетенции местными органами власти материкового Китая. Их полномочия по управлению налогами определены в нескольких нормативных правовых актах. Условно содержащиеся в них нормы можно разделить на две группы: разрешительные и запретительные. Упоминаются в них, как правило, только местные народные правительства.

К первой группе относится ряд положений ключевых законов. В ст. 35 Закона КНР от 1 октября 1984 года (в ред. от 28 февраля 2001 г.) «О районах национальной автономии» предусмотрено, что при применении национального налогового законодательства органы самоуправления национальной автономии (собрания народных представителей и народные правительства автономных районов, округов и уездов), в дополнение к статьям, по которым освобождение или уменьшение налогов требует проверки и утверждения государством, могут предоставлять освобождения

или уменьшения налогов за счёт некоторых статей доходов местных финансов. К этой группе можно отнести и норму абз. 2 ст. 5 Закона КНР «Об управлении взиманием налогов», но она носит декларативный характер. В этом абзаце местным народным правительствам указано на необходимость усиления руководства и координацию административной работы по взиманию налоговых доходов на местах и поддержки местных налоговых органов в исполнении их обязанностей.

Ко второй группе относятся несколько административных узаконений. В них очерчены пределы налоговых полномочий местных народных правительств. В ст. 6 (абз. 2) Временных правил КНР от 13 декабря 1993 года «О промысловом налоге» предусмотрено, что местные правительства и ведомства не должны регулировать освобождения или уменьшения налога. Аналогичная норма есть в ст. 16 (абз. 2) Временных правил КНР от 13 декабря 1993 года «О налоге на добавленную стоимость». На основании ст. 6 Временных правил КНР от 8 февраля 1985 года «О налоге на содержание и застройку городских территорий» местные народные правительства определяют порядок использования дохода, полученного от взимания налога. Можно назвать также нормы ст. 10 Временных правил КНР «О налоге на городское недвижимое имущество», ст. 9 Временных правил КНР «О налоге на номерной знак автотранспортных средств и судов». В ст. 10 Временных правил КНР «О налоге на городское недвижимое имущество» предусмотрено, что местные народные правительства утверждают и опубликовывают новую оценку недвижимости. Согласно ст. 9 Временных правил КНР «О налоге на номерной знак автотранспортных средств и судов» народные правительства провинций и городов, в пределах ставок налога на номерной знак автотранспортных средств, указанных в ст. 7 этих правил, в свете местных условий разрабатывают приложение, в котором указываются подлежащие применению ставки данного налога.

На практике, несмотря на то что представительные органы власти материкового Китая практически не фигурируют в названных выше законах и административных узаконениях, местное налоговое законодательство материкового Китая образовано положениями, принятыми местными народными правительствами, а также установлениями, содержащимися в узаконениях местного характера, принятыми собраниями народных представителей и их постоянными комитетами.

Узаконения собраний народных представителей, содержащие налоговые нормы, образованы методами и правилами. Их количество на сегодняшний день ограничено, как ограничено и количество налоговых норм в этих источниках налогового права материкового Китая.

В противоположность им, количество нормативных правовых актов постоянных комитетов, содержащих налоговые нормы, значительно больше. Налоговые нормы содержатся в правилах, методах и установлениях. Самая малочисленная группа образована установлениями. Методы собраний народных представителей подразделяются на методы и методы о применении. Наиболее многочисленная группа узаконений постоянных комитетов собраний народных представителей образована правилами. Правила можно разделить на два вида: правила и правила об управлении. Такие подразделения достаточно условны и основаны, в первую очередь, на названии нормативного правового акта. Основная масса правил, принятых постоянными комитетами собраний народных представителей и содержащих налоговые нормы, посвящена льготам для иностранных инвесторов.

Названные формы нормотворчества собраний народных представителей и их постоянных комитетов иногда называют узаконениями местного характера. Наряду с ними и положениями местных народных правительств, а также документами нормативного характера в качестве источников налогового права существуют также правила автономии и отдельные правила. Такая классификация обусловлена предписанием ст. 2 Правил «О регистрации узаконений и положений», утверждённых Приказом Государственного совета от 14 декабря 2001 года № 337. В ней выделяются две составляющие. Первая – узаконения. Узаконения – это узаконения местного характера, разработанные собраниями народных представителей, постоянными комитетами провинций, автономных районов, городов центрального подчинения и сравнительно крупных городов в соответствии с полномочиями и процедурой; узаконения особых экономических районов, разработанные собраниями народных представителей, постоянными комитетами провинций и городов в соответствии с полномочиями и процедурой; правила автономии и отдельные правила, разработанные собраниями народных представителей автономных округов и автономных уездов в соответствии с полномочиями и процедурой. Вторая

составляющая – положения. Они включают в себя положения ведомств и положения местных правительств. Положения ведомств – это положения, разработанные в пределах полномочий ведомствами Государственного совета, комитетами, Банком Китая, Аудиторской комиссией и другими подчинёнными органами с административными полномочиями в соответствии с законами и административными узаконениями, решениями и приказами Государственного совета и Правилами «О процедуре разработки положений», утверждёнными Приказом Государственного совета от 16 ноября 2001 года № 322. Положения местных правительств – это положения, разработанные народными правительствами провинций, автономных районов, городов центрального подчинения и сравнительно крупных городов в соответствии с законами, административными узаконениями, узаконениями местного характера провинций, автономных районов и городов центрального подчинения и Правилами «О процедуре разработки положений».

Особенность положений местных народных правительств заключается в том, что в них присутствуют не только положения, содержащие налоговые нормы, но и налоговые положения, то есть нормативные правовые акты, принятые специально для регламентации того или иного вопроса, связанного с налогообложением. Это обстоятельство составляет отличие положений местных народных правительств от узаконений собраний народных представителей и их постоянных комитетов. Можно сказать, что в составе участников налоговых правоотношений, представленных местными органами власти, ключевым субъектом являются органы исполнительной власти. Центральное место, которое исполнительная власть занимает в механизме налогового регулирования, объясняется не только необходимостью исполнять властные предписания в сфере налогообложения, но и тем, что органы управления значительно потеснили органы представительной власти в формировании местного налогового законодательства и определении основных направлений налоговой политики.

Положения местных народных правительств могут приниматься в форме методов, установлений, временных установлений и дополнительных установлений. Встречаются среди положений местных народных правительств и положения, озаглавленные иероглифами, означающими преференциальную политику. Местные народные правительства принимают также публичные документы – уведомления. В

уведомлениях, в отличие от методов, раскрываются лишь отдельные вопросы налогообложения. Например, в Уведомлении Народного правительства города Шэньчжэнь от 26 августа 1998 года «О продолжении взимания налога со сделок» указано, что подлежащая применению ставка равна 3 %; налогообложением занимаются правительственные финансовые управления, которые вправе поручить агентствам по регистрации недвижимости взимать налог от их имени. Кроме того, в рассматриваемом уведомлении перечислены подлежащие применению нормативные правовые акты. Аналогичный пример – Уведомление Народного правительства провинции Цзянсу от 28 августа 1997 года «О ставке подоходного налога для перечисленных компаний провинции Цзянсу».

Помимо положений и публичных документов, принятых непосредственно местными народными правительствами, значительно и количество публичных документов, принятых подчинёнными им ведомствами (они иногда обозначаются как рабочие ведомства). К таким ведомствам относятся, в первую очередь, финансовые и налоговые управления. Основной формой публичных документов, принятых ведомствами, подчинёнными местным народным правительствам, являются уведомления. В зависимости от принявшего их ведомства они подразделяются на уведомления финансового управления, налогового управления и совместные. Общим, как для совместных уведомлений, так и для уведомлений финансовых управлений и местных налоговых управлений, является наличие адресата. Например, Уведомление Финансового управления города Пекин от 28 октября 1999 года «О сборе налога с купчих» предназначено для руководства земельного управления и управления жильём, а также финансовых управлений районов и уездов. Эта особенность характерна и для уведомлений местных народных правительств.

Итак, рассмотрев отдельные примеры «второго уровня» налогового законодательства КНР, следует констатировать, что существует значительное видовое разнообразие административных узаконений и положений, которое в определённой мере повторяется на разных уровнях. Такая практика означает не только несоблюдение провозглашённого в ст. 56 Конституции КНР принципа установления налогов законами, но и нарушение единства налоговой системы материкового Китая⁴.

⁴ См.: Шепенко Р.А. Налоговое право: конституционные нормы. М.: Статут, 2006. С. 31-32.

Определённые меры для исправления ситуации уже предприняты. В частности, с конца 90-х годов прошлого столетия ведётся работа по пересмотру узаконений местного характера и положений местных народных правительств.

Динамика культуры богатства в условиях экономической глобализации

В условиях глобализации трансформируются многие социальные институты, нормы и стандарты поведения, значимые символы. Практически все исследователи глобализации отмечают, что под ее воздействием складываются новые основания для деления людей на группы, занимающие разное место в социальной иерархии, то есть происходит социальная рестратификация общества, основания которой уже стали предметом анализа ряда известных социологов на Западе. Одной из самых известных и признанных является концепция английского социолога З. Бауман, который считает основанием рестратификации общества в условиях глобализации мобильность и «свободу от пространства», обретаемую одними социальными группами, в противоположность локальной привязанности других¹.

Хорошо известно, что в одной из самых острых проблем современного российского общества является чрезвычайно высокий разрыв (по разным данным, в 15-30 раз) между доходами самых богатых и бедных социальных групп. По данным всероссийских опросов, противоречие между богатыми и бедными воспринимается в обществе как самое острое из всех социальных противоречий². Все более активное включение России в глобальные экономические, политические, культурные процессы ставит и перед отечественными исследователями проблему социальной рестратификации в условиях глобализации. Именно в контексте этих реалий имеет смысл говорить о том, что общество может ожидать от своих богатых членов, а на что рассчитывать уже не приходится. Может ли глобализация бизнеса, в том

¹ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества ... — 32.

² См.: Свобода. Неравенство. Братство: : Социологический портрет современной России. / Под общ. ред. М.К. Горшкова. — М.: ИИК «Российская газета», 2007. — С.12; 248; 262.

числе и отечественных компаний, привести к росту их социальной ответственности и развитию культуры богатства в целом? Что говорит мировой опыт глобализации о перспективах развития отношений между бедными и богатыми? Что означает на фоне растущего отчуждения богатых от общества повышение интереса к ним?

Культура богатства и социальное расслоение

Богатство представляет собой *социальное качество и отношение*: это не просто отношение человека к объектам, а отношения и со-отношения между людьми и социальными группами. С точки зрения экономической науки, богатства как такового не существует – есть доход, прибыль, рентабельность и т.д. Представление о богатстве возникает именно при переходе на социальный и социокультурный уровень понимания. Ж. Бодрийяр утверждает, что наиболее универсальным, хотя именно поэтому и наиболее абстрактным, определением богатства является *избыточность* чего-либо, что «находится по ту сторону необходимого»³. При всей относительности «необходимого» для жизни в различных обществах, такое определение богатства фиксирует его главную особенность: это всегда изобилие, излишек, который дает возможность располагающим им индивидам и социальным группам совершать социальные действия, выходящие за рамки доминирующего стиля жизнеобеспечения. Там же, где речь идет лишь об элементарном выживании, нет ни сложных социальных и культурных потребностей, ни возможностей для их удовлетворения.

Поэтому богатство выполняет *важнейшую социальную функцию*, состоящую в действиях, приносящих и демонстрирующих *избыточность*, превышение пределов необходимого, что способствует формированию в обществе индивидуального и коллективного смысла⁴.

³ Бодрийяр Ж. Общество потребления — М.: Республика; Культурная революция, 2006. - С. 69.

⁴ См.: Бодрийяр Ж. Общество потребления... - С. 68-72.

В любом сложном обществе формируется *культура богатства*, которая подразумевает *социально приемлемые способы его использования* и включает, во-первых, *демонстрацию*, во-вторых, *социокультурную легитимацию* богатства. Это обусловлено тем, что богатство всегда сопровождается той или иной степенью отчуждения богатых групп от остального общества, подчеркиваемого символикой демонстративного потребления, но при этом компенсируемого символическим утверждением полезности богатства для общества и единства богатых с обществом.

В архаичных обществах культура богатства состоит, по преимуществу, в его *демонстративной потребительской растрате*, означающей целую гамму отношений социального первенства и превосходства. При этом традиционные вещественные формы богатства в меньшей степени, чем деньги, способствует развитию отчуждения между людьми и социальными группами, в результате чего традиционное общество представляло собой хотя и иерархически выстроенный, но единый социокультурный космос, где все социальные группы были связаны взаимными обязательствами. Если низы служат верхам в буквальном смысле слова, то верхи также обременены «служением» в формах управления, защиты, покровительства, судопроизводства, просвещения и духовного наставления.

Наличие постоянных конфликтов и противоречий между сословиями и классами не снимали этого единства, а лишь придавали ему специфику, ориентировали на поиск возможностей ужиться: «Обе стороны знали, что они будут встречаться (и взаимодействовать) снова и снова, как на следующий день, так и в течение многих месяцев и даже лет. Этот долгосрочный временной контекст позволял им рассматривать свои взаимоотношения как «конфликт интересов» (а между случайными встречными не может быть конфликта) и искренне стремиться к его смягчению, сведению к приемлемому уровню и даже к попыткам разрешить его ко взаимному удовлетворению. Каким бы антагонистическим, неприятным и раздражающим ни было это сосуществование, стороны

стремились выработать взаимоприемлемые подходы, четко сознавая, что их совместное существование будет носить долгосрочный характер»⁵.

Развитие рыночной экономики приводит к преобладанию в хозяйстве производства, ориентированного на обмен с целью извлечения *денежной* прибыли. Основной формой богатства становятся *деньги*, не сберегаемые как сокровища и не потребляемые через приобретение различных продуктов, а *работающие, участвующие в обороте и приносящие новый доход*. Тогда же появляется принципиально новая норма поведения богатых людей, состоящая не в демонстративном расточительстве, а, напротив, в *демонстративном самоограничении*, экономии не от бедности и недостатка, а ради дела, как следствие нежелания выводить деньги из оборота, лишая их возможности прирастать. Такое поведение становится одним из одобряемых символов рациональной поведенческой стратегии, наиболее наглядно свидетельствующим о том, что в обществе с доминированием рыночных отношений *именно деньги*, а не другие объекты, составляют основу богатства.

Главная же особенность культуры богатства в условиях доминирования рыночной экономики состоит в том, что все социальные возможности воспринимаются как *производные от денег*. Поскольку за деньги становится возможным купить все, они постепенно начинают выступать в качестве символа всех возможностей и достоинств личности, а также универсального критерия ее эффективности и состоятельности. Т. Веблен отмечал: «Обладание богатством, которое сначала ценилось просто как свидетельство проявленных способностей, само по себе становится в представлении людей похвальным делом. Само богатство теперь по сути своей почетно, поскольку оно наделяет почетом своего обладателя»⁶.

На этом основана особенность демонстрации богатства, тесно связанная с рыночной мифологией денег. В контексте этой мифологии деньги превращаются в *универсальный метаязык* для описания не только

⁵ Бауман З. Индивидуализированное общество. — М.: Логос, 2002. — С. LVI.

⁶ Веблен Т. Теория праздного класса — М.: Прогресс, 1984 - С. 78.

хозяйственно-экономических, но и всех социальных, культурных, нравственных и прочих реалий. Буржуазный миф денег делает их из простого средства приобретения конкретных благ подлинной «мерой всех вещей», поскольку лишь успех в денежном выражении представляет собой самый верный знак и правоты, и справедливости, и ума, и добродетели, и даже, как показал М. Вебер, богоизбранности и спасения души. Соответственно, рыночная буржуазная мифология приписывает людям, преуспевающим в накоплении денег, не только испытывать чувство превосходства над теми, кто не обладает подобными способностями, но и оправдывать свой успех, приписывая обираемым неудачникам разные негативные качества — глупость, трусость, нерасторопность, лень, необразованность и т.п.⁷

Разделение на богатых и бедных именно в рыночном обществе благодаря преобладанию денежной формы богатства, становится, с одной стороны, наиболее демократичным, а с другой — оказываются в высшей степени антагонистичным и отчужденным. Формируется представление о том, что каждый человек сам несет ответственность за свою судьбу, и соответственно сам виноват в своих неудачах и бедствиях. Из этого следует и отказ от практик милосердной поддержки слабых и нуждающихся. Эту особенность богатства и успеха в их буржуазной интерпретации М. Вебер объяснял особенностями протестантской этики, рассматривающей успех в рациональном овладении профессией и богатство в качестве знака принадлежности к особому сообществу избранных и спасенных, «святых в миру», а неудачи и следующую из них бедность как знак богооставленности, отверженности, обреченности на гибель. Между богатыми и бедными пролегла пропасть, которая «глубоко врезалась во все сферы социальной жизни, ибо божественная милость, дарованная избранным, требовала не снисходительности к грешнику и готовности помочь ближнему своему в

⁷ По данным социологов, для 20 % наиболее обеспеченных граждан главными качествами бедных людей являются «пассивность и инертность» — Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Богатство и бедность в представлениях россиян // Социологические исследования, 2004, № 3. — С. 17-18.

сознании собственной слабости, а ненависти и презрения к нему как к врагу Господню, отмеченному клеймом вечного осуждения»⁸.

Преобладающая в условиях рыночных отношений денежная форма богатства связана с ростом индивидуализма, обратной стороной которого выступает разобщение людей, разрыв межличностных связей и ломка социокультурных институтов, раскрытые в качестве основного вектора влияния денег на социальные связи еще Г. Зиммелем. Индивидуализм богатых проявляется в формировании *легитимных возможностей не считаться с обществом* у тех, кто обладает *деньгами в наибольших объемах*. Это справедливо не только для периода «великой трансформации» и становления капиталистического общества, но и для современности. Французские исследователи денег М. Аглиетта и А. Орлеан подчеркивают, что сущность современного рыночного общества состоит в том, что отношения с людьми подменяются отношениями с товарами, и соответственно, люди вообще перестают быть нужными и интересными друг другу, они скорее мешают: «аллергия на других — это их (рыночных обществ — Н.З.) отличительная черта. Автономия и индивидуальная свобода достигаются здесь отрицанием других, и контакт с товарами всегда предпочтительнее отношений с другими людьми. При такой институциональной форме общественная жизнь с ее солидарными связями воспринимается как препятствие или архаизм»⁹.

Именно деньги являются основным фактором, способствующим освобождению человека от всех тех социальных обязательств, которыми он всегда, независимо от социального и имущественного положения, обременен в традиционных обществах, построенных на межличностных отношениях. Это свойство денег обеспечивать самодостаточность индивида может рассматриваться в качестве фундаментальной предпосылки того индивидуализма рыночного общества, который связан не просто с

⁸ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — С. 157.

⁹ Аглиетта М., Орлеан А. Деньги между насилием и доверием. — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. — С. 55.

ориентацией на собственные интересы и приоритетом частного и личного, но с возможностью *легитимно* не принимать во внимание интересы других людей и общества в целом. Благодаря преобладанию денежной формы богатства, обладающие им социальные группы избавляются от своих традиционных социальных обязательств – связанных с покровительством социальным низам, служением государству, обеспечению духовных отправлений (обрядов, праздников, строительству храмов и т.д.). Теперь их социальные обязательства становятся делом их же свободного выбора, основанного исключительно на доброй воле, ибо нет никаких способов легитимного принуждения к социально ответственному поведению или просто к уважению интересов общества или хотя бы близкого окружения. Общество с доминированием товарно-денежных отношений освобождает индивида от любых обязательств, кроме экономических. В этой связи характерна семантика понятия *долг*: в современном обществе долг в его чисто экономическом, денежном, временном и преходящем значении явно преобладает над долгом в социальном, вечном и изначально присущем человеку значении¹⁰.

Здесь нам представляется целесообразным искать и социокультурные корни обоснованной М. Фридманом «минимальной» концепции социальной ответственности бизнеса, согласно которой социальная роль богатых – в данном случае предпринимателей, состоит лишь в осуществлении их экономической деятельности. Свобода и независимость от межличностных связей, традиций, обязательств, которую обретает индивид в обществе, основанном на товарно-денежных, рыночных отношениях, проявляется в его самодостаточности, порождающей своеобразный социальный эгоизм: «Нехватки, скудость или голод одних, в то время как другие имеют больше, чем нужно, совсем не считаются возмутительным фактом, а изучаются здесь как выражение вполне правомерного социального регулирования»¹¹.

¹⁰ Аглиетта М., Орлеан А. Деньги между насилием и доверием... — С. 56-57.

¹¹ Аглиетта М., Орлеан А. Деньги между насилием и доверием... — С. 65.

Постепенно формируется социокультурный и *коммуникационный разрыв*, проявляющийся в обозначении символических и реальных границ между богатыми и бедными. «...Сейчас в России есть несколько моделей обыденной жизни, которые лежат как будто в разных измерениях. Одна — за трехметровым забором с охранниками и собаками. Другая — в покосившемся доме, где вдоль штакетника утром собирают бутылки и сдают по десятке за штуку. Фактически... расслоение общества зашло настолько глубоко, что о “единстве” разных его групп говорить нельзя»¹².

Еще в конце 90-х гг. XX и в самом начале XXI вв. в России не были сформированы жесткие социальные границы между богатыми и бедными¹³, то есть они еще объединялись родственными, дружескими, профессиональными и проч. связями. В последние годы разрыв между ними, вместо того, чтобы сокращаться, стал быстро увеличиваться. Его наиболее очевидным проявлением стало *отсутствие или незначительность общих коммуникационных и символических пространств*, проявляющееся в отсутствии общих интересов и целей, общих тем публичного дискурса, неинформированности о жизни друг друга. Так, богатые приписывают свои достижения квалификации, деловой хватке, работоспособности и т.д.¹⁴, в то время как бедные склонны интерпретировать богатство как результат не столько профессионализма, сколько качеств личности, которые можно охарактеризовать в целом как смелость и агрессивность, в том числе способность пойти на нарушение закона¹⁵. Социологи констатируют недостаточную информированность российского общества даже о социально ответственном поведении российского бизнеса¹⁶.

Виртуальные деньги, глобальные финансы и трансформация культуры богатства

¹² Свобода. Неравенство. Братство... — С. 247.

¹³ Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Богатство и бедность в представлениях россиян... - С. 22.

¹⁴ Там же. — С. 20-21.

¹⁵ Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Богатство и бедность в представлениях россиян // Социологические исследования, 2004, № 3. — С. 16-17.

¹⁶ Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян — М.: Наука, 2006 — С. 333.

В России с ее исторической памятью о бизнесменах-филантропах прошлого ждут от богатых социальной ответственности — как в виде помощи нуждающимся, слабым, незащищенным, так и в виде поддержки собственных работников и развития корпоративной культуры. При этом в оценке реальной социальной ответственности российских компаний заметно расхождение между самим представителями бизнеса и менеджмента и экспертами, с одной стороны, и населением в целом, с другой. Так, сегодня распространено массовое мнение о социальной «безответственности» отечественного предпринимательства и о том, что в западных странах «цивилизованного» бизнеса корпоративная социальная ответственность развита лучше, чем в России¹⁷. По видимому, эти оценки основываются не столько на знании фактов, сколько на общей низкой оценке культуры богатства в нашей стране. Однако они не соответствуют действительности: по данным исследователей, расходы российских компаний на благотворительность превосходят расходы западных в разы: «Если американские компании расходуют на благотворительность около одного процента своей прибыли, западноевропейские — и того меньше, то российские компании направляют на эти цели от 8 % прибыли в сырьевом секторе до 24% в обрабатывающем и 30% в сфере услуг»¹⁸. Это объясняется, в частности, изначальной обремененностью отечественных компаний оставшимися с советских времен в «наследство» социальной инфраструктурой предприятий и их привязанностью к локальным социальным условиям.

Следует ли ожидать от выхода российских компаний на глобальный уровень, равно как и от прихода в Россию глобальных компаний, роста социальной ответственности и культуры богатства в целом? Можно попытаться ответить на этот вопрос, опираясь на особенности социальных функций денег глобальной финансовой экономики.

¹⁷ Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян... — С. 345.

¹⁸ *Полищук Л.* Бизнесмены и филантропы // *Pro et Contra*, 2006, № 1 (31). — С. 62.

В условиях глобализации социальные функции и значения денег трансформируются: в отличие от денег рынка, означающих реальное производство и оборот товаров, а также условное соответствие между эффективностью и уровнем дохода, виртуальные глобальные финансы утрачивают связь с референтами в реальной экономике и означают по преимуществу лишь сами себя¹⁹.

Деньги отныне могут самовоспроизводиться и умножаться независимо от хозяйственной реальности, финансовая игра — это просто игра цифр, знаков, слов. При этом из всех знаков, обращающихся в фазе экономического роста, деньги обращаются быстрее всего и не соизмеримы ни с чем другим²⁰. Виртуальная, по существу симуляционная экономика финансов приобретает особую роль в современном мире, освобождаясь и от рыночного обмена. По подсчетам французского исследователя Р. Пассе, общий объем чисто спекулятивных валютных сделок составляет 1300 млрд. долл. в день, что в пятьдесят раз превышает суммы торговых обменов и почти равно совокупным валютным резервам всех национальных банков мира, составляющим 1500 млрд. долл.²¹. Игра плавающего курса спекулятивной валюты способна обрушить любую реальную экономическую сферу и любую национальную экономику («дефолты» азиатских валют, российского рубля в 90-х годах).

Представляется, что когда критики рынка говорят о его тотальном проникновении во все сферы социальных, культурных, политических и проч. отношений и разрушительном воздействии на них, все-таки следует отличать собственно рыночные, то есть меновые эквиваленты реальных ценностей от их универсальной кодировки в парадигме глобальных финансов, которые не имеют даже меновой логики рынка, поскольку здесь деньги лишены вообще какой бы то ни было референции. Так, в контексте виртуальных финансов, по наблюдениям Ж. Бодрийяра, вложение крупными корпорациями средств в

¹⁹ См.: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М.: Добросвет, 2000. — С. 52, 74.

²⁰ Там же. — С. 76.

²¹ Цит. по: Бауман З. Глобализация: последствия для человека и для общества. — М.: Весь мир, 2004. — С. 97.

развитие культуры, науки, образования означает не столько ценность этих областей в реальном, содержательном или рыночном смысле, сколько сознательное инвестирование в систему универсальной кодировки, опутывающей все сферы жизни общества и закрепляющей универсальное господство капитала как кода²².

Виртуальная финансовая экономика не только оказывается автономной и наиболее прибыльной сферой бизнеса. При этом она позволяет освободиться от любых социальных обязательств. Эта проблематика особенно основательно проанализирована в трудах З. Баумана. Английский социолог сравнивает представителей глобальной бизнес-элиты с «помещиками, живущими в столице», поскольку они благодаря свойствам виртуальных денег получили возможность пользоваться локальными ресурсами, ничего не вкладывая взамен и не признавая никакой ответственности за локальные сообщества: «Мобильность, приобретенная теми, кто инвестирует — людьми, обладающими капиталом, деньгами, необходимыми для инвестиций — означает для них поистине беспрецедентное в своей радикальной безоговорочности отделение власти от обязательств: обязанностей в отношении собственных служащих, но также и в отношении молодых и слабых, еще не рожденных поколений, и самовоспроизводства условий жизни для всех — одним словом, свободу от обязанности участвовать в повседневной жизни и развитии общества»²³.

Присущая глобальной экономике финансов свобода от локальной привязанности порождает специфический «капитализм без труда» и «капитализм без налогов», являющийся, по меткому выражению У. Бека, «философским камнем богатства»²⁴. В начале этого процесса стоит постепенное превращение денежной формы богатства в доминирующую и формирование индивидуалистической предрасположенности не принимать

²² Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть... — С. 68.

²³ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества... — С. 20.

²⁴ Бек У. Что такое глобализация? — М.: Прогресс-Традиция, 2001 — С. 16.

во внимание других, а завершается он дезинтеграцией богатых и бедных социальных групп.

Становится все меньше посредствующих звеньев внутри социальной системы, объединяющих бедных и богатых и обеспечивающих их коммуникацию и согласие. Богатым теперь вообще не нужны бедные – ни в качестве постоянных работников, ни в качестве потребителей — ведь виртуальные финансы свободны как от производства, так и от рынка. В результате у них становится все меньше фактических точек соприкосновения, и игнорирование богатыми интересов общества, разрывы коммуникаций и взаимное отчуждение претворяются в реальные формы временной и пространственной сегрегации. Богатые в условиях глобализации «живут во времени, а бедные – в пространстве», причем экстерриториальность богатых проявляется в их фактическом отделении от местных сообществ с помощью всевозможных форм защиты от нежелательных вторжений, от любых контактов с теми, кто к глобальным элитам непричастен²⁵. Агрессивная демонстрация богатства сменяется агрессивным стремлением отделиться и никогда не соприкасаться.

Как проявляются эти тенденции в современной России? В российских городах еще практически нет районов, где богатые и бедные не жили бы рядом, даже на престижной подмосковной Рублевке они еще пока вынуждены соседствовать. Однако в других сферах жизни, в первую очередь в потреблении товаров и услуг и использовании соответствующей инфраструктуры, в возможностях доступа к здравоохранению, образованию, культуре и т.д. они уже принципиально разделены и обособлены²⁶. Происходит и сокращение общественных пространств, которые реально могли быть местом встречи представителей различных социальных групп и основой хоть какой-то общности их жизненных миров: общественная деятельность, развлечения, покупки и проч. у бедных и богатых происходят

²⁵ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества... – С. 32.

²⁶ Давыдова Н.М., Седова Н.Н. Материально-имущественные характеристики и качество жизни богатых и бедных // Социологические исследования, 2004, № 3. — С. 48.

физически в разных местах. Можно отметить и явную тенденцию к дальнейшей сегрегации, основанной как на символических, так и вполне физических границах: дресс-код и фейс-контроль не позволяют бедным попадать в те клубы, рестораны, казино, где развлекаются богатые, отсутствие средств не даст воспользоваться услугами тех же медицинских и образовательных учреждений, магазинов и т.д.

Логика глобализации и ее опыт, обобщенный западными исследователями, указывает на то, что формирование границ, обозначающих не только символический, но и фактический разрыв между богатыми и бедными в России по пространственному (территориальному) принципу, а также и по всем другим, будет продолжаться. И этот процесс чреват незаметными или мало заметными для общества, но от этого не менее ожесточенными локальными конфликтами.

Эти конфликты уже порождаются и будут порождаться хоть и ненасильственным и даже совершаемым в рамках закона, но все же исполненными агрессии акциями вытеснения представителей бедных социальных групп за пределы мест обитания богатых. Их предвестниками уже является вполне законное и «мирное» выдавливание бедных из ставших элитными и просто престижными домов и дачных поселков путем навязывания обязательного дорогого сервиса по принципу «не можете платить — ищите жилье подешевле».

Глобализация российских компаний приведет к снижению их социальной ответственности не только в силу диктуемой экономической рациональностью необходимости сокращать расходы, но и в силу самой специфики современной культуры богатства. На эту тенденцию уже обратили внимание западные исследователи глобализации. Так, У. Бек говорит о «конфликте виртуальных и реальных налогоплательщиков»: «Предприятия могут производить продукцию в одной стране, платить налоги в другой, а требовать государственных субсидий в форме мероприятий по созданию инфраструктуры — в третьей... Пикантность ситуации

заключается в том, что именно самые богатые становятся *виртуальными налогоплательщиками...*»²⁷. Бремя содержания развитой социальной инфраструктуры, поддержания традиционно высокого уровня культуры, обеспечения безопасности и т.д. ложится на *реальных налогоплательщиков* — на мелкие и средние предприятия, на частных лиц. Лидеры глобализации пользуются фактически бесплатно социальными и культурными достижениями высокоразвитых стран, которые оплачивает не глобализированное население, страдающее, вдобавок ко всему, от издержек глобализации вроде сокращения рабочих мест. По замечанию У. Бека, ирония новейшей истории состоит в том, что глобализацию вынуждены оплачивать те, кто от нее не выигрывает, а проигрывает²⁸.

Соответственно усиливающемуся отчуждению богатых социальных групп от общества, их растущей самоизоляции, в культуре богатства все меньше места занимает его легитимация как демонстрация символического единства богатых социальных групп и общества. Независимость от локальных сообществ, фактический разрыв с ними и обретаемые благодаря виртуальным деньгам реальные возможности игнорировать их позволяют современным богатым не считаться ни с местными законами, ни с традициями, ни с моральными нормами. Забота традиционных и даже связанных с индустриальным капитализмом богатых социальных групп о своем «символическом капитале», об общественном мнении, о налаживании диалога с обществом путем принятия социальной ответственности оказывается не актуальной для «новых богатых».

3. Бауман в связи с этим обозначает страты глобального общества как «туристов» и «бродяг». «Туристами» являются представители новой, интернациональной по своему составу, глобальной элиты и близких к ней по уровням доходов групп (бизнесменов, менеджеров, деятелей культуры, ученых и т.п.), которые свободно перемещаются по всему миру по

²⁷ Бек У. Что такое глобализация... — С. 15.

²⁸ Бек У. Что такое глобализация?... — С. 17.

собственному желанию, которые живут «во времени», поскольку любые пространства для них легко преодолимы и потому равнозначны. Они путешествуют, поскольку весь мир открывается им в равной степени как гостеприимный и привлекательный, и в этом смысле все локальные местности равнозначны.

«Бродягами» оказываются те, для кого их собственная родина оказалась вдруг «невыносимо негостеприимной». Это вынужденные мигранты, которые отправляются в дорогу не потому, что им этого хочется, а потому, что оставаться на месте уже невозможно. Однако, как замечает З. Бауман, являясь, по существу, «альтер эго» туристов, они, в то же время, в условиях глобализации оказываются принципиально неравноправными. Характерно, что практически во всем мире, ратующем за возможно более свободное движение денежных, информационных, товарных потоков, принимаются законы «о миграции», «о гражданстве», ограничивающие свободное передвижение социальных групп-аутсайдеров глобализации. З. Бауман подчеркивает: «Насильственная локализация оберегает естественную селективность последствий глобализации. Часто упоминаемая и вызывающая все больше беспокойства поляризация мира и его населения – это не внешнее, постороннее, деструктивное вмешательство, “ставящее палки в колеса” процессу глобализации, а его следствие»²⁹.

Таким образом, естественным следствием процесса глобализации является деление общества на тех, кто не связан никакими обязательствами с локальными сообществами, прежде всего, благодаря финансовым возможностям, и тех, кто полностью зависит от местного сообщества и государства в силу отсутствия таких возможностей. Первые нуждаются лишь в условиях для свободного движения виртуальных денег, остальное им доступно в равной степени в любом регионе глобального мира. Вторым нужны рабочие места, безопасность, социальные гарантии у себя дома, однако возможностей для этого становится все меньше.

²⁹ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества... - С. 133.

Глобальное «общество спектакля» и виртуальная коммуникация социальных групп

Встреча социальных групп, находящихся на разных концах шкалы доходов, все чаще переносится в *виртуальное пространство*. Характерно, что при усилении реальной сегрегации бедных и богатых, свертыванию коммуникации между ними, растет интерес к образу жизни богатых, их развлечениям, потребительским стандартам и т.д., которым посвящается все больше телепередач и печатных изданий. То, что в реальности отгорожено от чужих глаз высокими заборами и охраной, предстает перед обществом в виде светских новостей и завораживающих картин «красивой жизни» с обложек глянцевого журналов. В России в последние годы появилось большое количество печатных изданий и телевизионных передач разных жанров, ориентированных на ознакомление аудитории с потребительскими стандартами богатых — разнообразные шоу, демонстрирующие последние тенденции в дизайне одежды, помещений и ландшафтов, в кулинарии, анализирующие рейтинги клубов, ресторанов, отелей и т.д. Возникло даже особое направление массовой литературы, посвященное *образу жизни* богатых, ибо сюжет, конфликты и все содержание там имеют вторичное значение.

Образцы престижного потребления предстают перед обществом как спектакль, в который отчуждается реальная коммуникация. Современное общество с доминированием денежной формы богатства и ее тяготением к глобальной мобильности превращается, по выражению французского социолога Г. Дебора, в «общество спектакля», где социальные связи опосредуются образами ³⁰. Социальная жизнь, то есть реальные взаимодействия различных социальных групп, перерождается в «утверждение всякой человеческой, то есть социальной жизни как простой

³⁰ Дебор Г. Общество спектакля. — М.: Логос, 2000. — с. 23.

видимости»³¹. Подлинные взаимодействия между богатыми и бедными заменяются представлением и созерцанием *виртуальных* образов проживаемой жизни.

При этом именно деньги являются одним из тех агентов производства виртуальной реальности, которые отчуждают подлинную реальность от человека: «Спектакль есть другая сторона денег — всеобщего абстрактного эквивалента всех товаров. Но если деньги подчинили себе общество как репрезентация главной эквивалентности, то есть обмениваемости многообразных благ, чье потребление оставалось несравнимым, спектакль представляет собой их развившееся современное дополнение... Спектакль есть деньги, на которые мы *только смотрим*, ибо в нем тотальность потребления уже заместила тотальностью абстрактного представления»³².

Демонстрация богатства в этой виртуальной реальности становится его важнейшей социальной функцией, поскольку способствует развитию потребительских практик. Это особенно важно для современного общества, члены которого интегрированы именно в качестве потребителей, а не производителей³³. Подобно тому, как деньги интегрируют рынок на уровне символической и виртуальной коммуникации, демонстративное потребление, в том числе и предметов роскоши, оказывается фактором объединения социальных групп, для которых потребительские практики богатых являются эталоном, предназначенным для воспроизведения на доступном уровне.

Для общества спектакля оказывается востребованным новый тип личности, социального актора: это уже не активный участник общественного производства, не осознающий свои интересы участник политической борьбы, а пассивный созерцатель, живущий в виртуальной реальности, зритель разворачиваемых перед ним повествований и образов. Социальная критика и борьба классов и групп, с утверждения права на которую и с развитием способности которой начинается история европейского модерна, приобретает

³¹ Дебор Г. Общество спектакля... — С. 25.

³² Дебор Г. Общество спектакля... — С. 37.

³³ Бауман З. Индивидуализированное общество... — С. 85.

в контексте спектакля совершенно новый смысл. Поскольку спектакль как сущность общественных отношений подразумевает отсутствие подлинной реальности, арочной морали, абсолютной истины, все критические выступления, протесты против несправедливости, отдельные прецеденты классовых столкновений воспринимаются как частные спектакли, рядоположенные и равнозначные другим. Всем хорошо известно, что в современных СМИ сообщения о забастовке работников той или иной отрасли, о протесте граждан против коррупции чиновников и самоуправства «новых богатых» соседствуют с новостями из жизни «звезд» (как местного, так и глобального масштаба) и репортажами с гламурных презентаций товаров класса «люкс». Мозаичность, отсутствие логической и содержательной связи виртуальной реальности тотального спектакля ведет к утрате реальной социальной идентификации и представлений о собственных интересах и целях, а также о подлинных проблемах других социальных групп.

Так в контексте спектакля формируется виртуальное единство общества, точнее, симулякр единства. Богатые и бедные, которые в условиях глобализации оказались, по выражению У. Бека, «сидящими за разными столами», оказались объединены в виртуальной реальности престижного демонстративного потребления. Люди, которые реально не имеют средств для удовлетворения базовых потребностей (в питании, жилье и одежде) — по данным социологов, в 2006 г. в России таких было до 30% опрошенных³⁴, охотно обсуждают достоинства элитных домов, автомобилей, украшений, известные им из глянцевого журналов или телепередач. Происходит симулятивное снятие развивающейся в реальной жизни социальной сегрегации

Обратившись к анализу современных мифов Р. Барта, можно сказать, что потребительские мифы создают и упрочивают иллюзию отсутствия социальной дифференциации, гомогенности общества, когда любой представитель бедных социальных групп, низкооплачиваемые работники,

³⁴ Свобода. Неравенство. Братство... — С. 184.

пенсионеры и т.п. без рефлексии по поводу собственного положения идентифицируют себя с образами участников модных презентаций, путешественников и т.д.³⁵.

Социальная жизнь переживается большинством не в ее подлинных проблемах и противоречиях, порождаемых ростом социального расслоения общества и подрывом его реального единства, а в тех иллюзорных проблемах тотального потребления, которые создаются в виртуальной реальности СМК. Как замечает Р. Барт, предлагаемая проблема, как наилучшим образом нашить куропатку вишнями, скрывает реальную проблему, состоящую для подавляющего большинства аудитории в том, как раздобыть эту самую куропатку, точнее, денег на нее³⁶.

В рамках этого симулятивного единства происходит утверждение стабильности и незыблемости существующего порядка вещей через снятие реальной идентичности социальных классов, их интересов, потребностей и проблем. И постулирование такого симулятивного единства снимает необходимость налаживания реальной социальной коммуникации и решения вопросов социального расслоения глобального общества. Отсутствие реальных взаимодействий между богатыми и бедными приводит к тому, что культура богатства становится все более ориентированной на его демонстрацию, а легитимация богатства перестает быть ее необходимым компонентом. Соответственно, реальная социальная ответственность также занимает все меньше места в развитии глобального бизнеса.

³⁵ См.: Барт Р. Мифологии. — М.: Изд-во Сабашниковых, 2000. — С. 268-269.

³⁶ Барт Р. Мифологии... — С. 171.

КАТЕГОРИИ МОДЕЛИ И МЕТОДА И СЕМИОТИЧЕСКАЯ ДИХОТОМИЯ ЯЗЫКА

Диалектика модели и метода, двух предельно общих гносеологических понятий, должна приниматься как наиболее фундаментальная во всякой науке. В аспекте модели формируется предметная область, само содержание науки. В своем теоретическом движении наука, прежде всего, моделирует объект, стремится к некоторому его схематическому представлению. Метод изначально инструментален, поскольку помогает нам понимать объект. Но при этом он, по меткому замечанию Г.В.Ф. Гегеля, - «... не внешняя форма, а душа и понятие содержания».¹ Метод можно считать вершиной теоретической концентрации науки. Он вырабатывается в тесном согласии с предметным пониманием сущности и природы объекта.

К сожалению, наука часто не задумывается о связи объективного и субъективного в значении метода. Метод мыслится безотносительно к сущности, как внешняя объекту инстанция. Границы метода при таком понимании устанавливаются эмпирически, путем проб и ошибок. Совершенствование метода в диахронии, смена одного метода другим, лишается эволюционного критерия, предстает как чистая случайность. Следует задуматься о причинах такого положения дел в ряде научных дисциплин, в частности, в языкознании.

Связь модели и метода заметно усложняется в науках, ориентированных на *знаковую реальность*, к которым, в первую очередь, и относится языкознание. Дело в том, что в знаковой реальности языка значение модели дихотомически распадается на аспекты: собственно знаковый (формально-знаковый) и символический.

Знак и символ коррелятивны, равны друг другу по своему онтологическому статусу в языке. Оба они – «...ключевые слова (классификаторы) общесемиотического лексикона и основные претенденты в нем на роль родового термина».² Споры о том, к какому из них следует относить сущность языка, ведутся уже давно. Знак и символ (знаковое и символическое начала) абсолютным образом совмещены в слове, которое является тем и другим одновременно. В символе сосредоточено естественно-выразительное начало, в знаке – некоторый искусственный принцип языка. До-соссюрианская лингвистика, насквозь филологическая, искала сущность языка в признаках естественной выразительности, т.е. в символе. После Ф. де Соссюра лингвистика все больше склоняется к тому, чтобы видеть сущность языка в свойствах искусственной языковой знаковости. Другими словами, в современном понимании в знаке мы должны видеть сущность, а в символе представлять себе природу языка.³

Две онтологические позиции – до-соссюрианская и пост-соссюрианская – с трудом приходят к взаимному согласию. Долгое время они развивались как бы совсем «не замечая» друг друга. Первая из них ориентируется исключительно на символ, другая – на знак. Следствием такого *онтологического дуализма* в лингвистике становится дуализм и в аспекте метода. Возможно ли согласование двух онтологий и двух методологических принципов лингвистики? Поиску философских оснований, которые могут помочь преодолению указанного дуализма, посвящена настоящая статья.

Никакой, даже самый подробный рациональный, логический анализ знака и символа – двух аспектов знакового отношения в языке – не может считаться окончательным. Напротив, с онтологической точки зрения логика знаковой модели, как принцип ее научного понимания, неизменно оставляет ощущение некоторой недостаточности и односторонности. Логический анализ позволяет открыть внешние черты абсолютной противопоставленности друг другу знака и символа в языке. Их внутреннее отношение в языке,

смысл их отношения друг к другу, при этом, во многом остается нераскрытым. Недостаточность всякой формы логического анализа знакового модельного объекта можно видеть в том, что он ограничен рассмотрением *системных* свойств объекта, т.е. ограничен рамками взаимосвязи сущности с *необходимой* формой ее *бытия*. Перспектива дальнейшего осмысления, принцип смыслового оформления объекта в аспекте *инобытия* в логическом анализе обычно трактуется механически (т.е. как дальнейшее расширение системы, а не как проявление метода).

Недостаточность и односторонность чисто логического приближения к методу заключается в том, что в значение метода при таком подходе привносится много субъективного, не несущего никакого реального онтологического значения. Метод здесь - чисто техническая сторона понимания объекта. В нем нет естественной связи с объектом. Он представляет собой определенную абстракцию от научного содержания. Антиисторизм, отсутствие реальной телеологии объекта – основные недостатки логического метода, который остается внешним предметному пониманию на всем протяжении научного рассуждения. В целом его можно считать *неполным* методом.

Неполнотой научного метода грешат и рационалистический и эмпиристский подходы к объекту. Методологически рационализм и эмпиризм являются зеркальным отражением друг друга. Разницу между двумя подходами можно видеть в том, что в одном абстракция является началом, а в другом - целью научного рассуждения. Метод же в целом и там, и там остается искусственным, формальным. Он призван объяснить связь содержательной абстракции с внешней данностью объекта. В целом можно сказать, что это - *рационально конструируемый метод*.⁴ Такой метод показывает свою эффективность при объяснении связи сущности с формами бытия. Всякие попытки объективной интерпретации метода на этом пути приводят лишь к усилению субъективизма и, как ни странно, к иррационализму в понимании целей и принципов познания. Метод трактуется как *трансценденция* от объекта к субъекту. В опыте языкознания подобные скачки от логики модели к значе-

нию метода обычно наблюдаются, когда требуется переходить от денотативного значения к коммуникативному, от семантики к прагматике знака.

Длинная цепочка философской эволюции просматривается в истории такого понимания метода: от В. Дильтея к Э. Гуссерлю и, далее, к М. Хайдеггеру и другим экзистенциалистам. Субъективизм, постоянный кризис познания, при всем внутреннем философском разнообразии, характерны для данной традиции понимания метода. Наиболее радикальным в определении смысла экзистенции и смысла познания был М. Хайдеггер, который видел высшую причину их внутреннего смыслового сопряжения и в-себе становления в категории небытия, в “ничто”.⁵ Это представляло собой вырождение и мистификацию всей проблемы метода в философии: категория метода в конечном счете подводилась под категорию “ничто”. Между тем, небытие, как категория, не может мыслиться содержательно, не может онтологизироваться. Небытие, как сторона становления объекта должна браться совершенно условно, бессодержательно, абстрактно, соотноситься с чистым, а не с конкретным бытием.⁶ Небытие в-себе бесплодно, оно не рождает метода. Оно не может определять *природу* объекта, служить методом бытия объекта. Поэтому онтологизация небытия, тем более подчинение ему объективного познания в аспекте метода, у М. Хайдеггера представляется неоправданной.

Трансцендентная, односторонне субъективная трактовка категории метода совершенно недостаточна для понимания такого сложного объекта, как язык. Категория небытия неприменима к анализу явлений языка.⁷ При узком, неполном понимании метода выстраиваются две независимые, не связанные друг с другом линии рационального рассмотрения двух сторон знакового отношения в языке - формально-знаковой и символической. Одна линия - это традиция внутреннего структурного понимания языка, другая - традиция внешнего филологического понимания языка. При таком подходе каждая из сторон знакового отношения в языке при ее научном рассмотрении изучается в-себе и замыкается на собственной данности, не имея никакой возможности соединиться с противоположной стороной. С одной стороны получаются

крайности структурализма – своеобразного “материализма” в языкознании, когда сущность языка пытаются понять как функцию той или иной его элементарной формы (фонемы, морфемы, знака). Понятно, что язык при таком подходе мыслится во многом механически. С другой стороны, получаются крайности общей эстетизации или любой иной внешней идеологизации языка, когда весь язык пытаются представить как функцию внешней неязыковой реальности (точнее, как форму, в которой реализует или воплощает себя эта внешняя реальность). Мы ни в коей мере не хотим поставить под сомнение познавательную ценность первого и второго направлений: специально-лингвистического (структурного) и филологического (идеологического и эстетического) изучения языка. Каждое из них в своем ракурсе рассмотрения языка достигло выдающихся результатов. Но на каком-то уровне своего предметного развития, *в моменте перехода к методу* оба направления должны встречаться, находить друг друга, признавать права друг друга в единой материи языка.

Если мы можем как-то рационально говорить о методе в науке, то терминологически это должно определяться как *метод бытия сущности объекта*. Через данное в научном понимании целостное представление о необходимой форме бытия объекта мы приходим к сознанию управляющего данным бытием и целесообразно определяющего телеологию нашего познания метода. Сам объект должен подводить нас к сознанию метода. Лингвистике не нужно обращаться к космическим определениям метода, искать этот метод во внешней функциональности языка. Требуется лишь довести до конца диалектику самого объекта: до перехода к моменту *инобытия*. Учитывая радикальную двойственность знакового отношения в языке, дихотомическое разделение объекта лингвистики на знак и символ, становится понятно, что каждое из онтологических начал знакового отношения в языке в-себе открывает нам метод бытия противоположного. Другими словами, символ – это метод бытия языкового знака, знак (языковая знаковость), со своей стороны, – это метод бытия символа. Каждый из них есть реально данное инобытие и

метод бытия другого. Лишь на пути глубокой и всесторонней семиотической интерпретации языка возможно рациональное понимание метода в лингвистике и естественное преодоление пронизывающего насквозь ее предмет онтологического дуализма, двойственность ее объекта – языка.

В *полном* и совершенном методе должно сниматься различие между объектом и субъектом, метод должен быть столь же качеством субъекта, сколь и качеством самого объекта. Одно здесь как бы дает жизнь другому. Г.В.Ф. Гегель в этом пункте постулировал “абсолютную идею” объекта, которая совершенно свободно сама из себя порождает собственное бытие. Наука приходит к осознанию не только объективной, но и субъективной значимости бытия объекта. Природа объекта и способ и смысл ее познания содержательно приходят к совпадению.⁸ Переход от семантики к прагматике и далее – от прагматики к эстетике языкового выражения и стилю в содержании знака – в этом случае получает более полную интерпретацию.

Мы видим в этом пункте начало *сознательного* отношения науки к своему методу, когда наука совершенно свободно *онтологизирует* свой метод, понимает его как вершину смыслового развития самого объекта. Такую возможность науке дает категория *инобытия* объекта. Инобытие пронизывает насквозь все существование объекта. Объект весь – сущность, весь – бытие и весь – инобытие. Инобытие – экзистенция в ином – положительно открывается как метод смыслового оформления сущности, как метод бытия объекта.

Метод бытия объекта выступает как высший мотив деятельности науки и, таким образом, *содержательно* совпадает с методом самой науки. Разумеется, научный метод мы берем, прежде всего, как целое, а не узко относительно или по частям. Метод в данном случае выступает как высший смысл и “тайна” отношения науки к своему объекту. На этом высшем уровне наука понимает, что, как и *для чего* подлежит ее рассмотрению. Этот абсолютный метод понимания объекта имеет решающую власть над техническим, аналитическим методом науки, открывая последнему его высшее предназначение. На высшем уровне единства смысловой и технической сторон метода утра-

чивает релевантность противостояние субъекта и объекта: то ли сам объект “порождает” науку, то ли наука “порождает” свой объект. «В лингвистике объект вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, можно сказать, что здесь точка зрения создает самый объект.»⁹ Глубокая взаимосвязь объективного и субъективного в значении метода характерна для дисциплин, изучающих знаковые объекты.

Конечно, подобное совершенство метода вряд ли достижимо в реальной деятельности науки. Скорее его следует учитывать как некий недостижимый идеал, бесконечно мотивирующий предметное развитие науки. Метод – важнейший смысловой ориентир науки, гарантия истины в науке (в конце концов, истина в науке релевантна лишь с позиций метода). На этапе перехода к методу наука обретает власть над объектом, и эту власть ей дает, последовательно открывает сам ее объект. Не внешнее целесообразное, а внутреннее целесообразное самого объекта должно подчинять себе науку и быть высшим критерием ее действительного, а не мнимого прогресса. Лишь на этом пути мы уходим от ограниченного (прежде всего, в аспекте метода) утилитарного понимания науки. Путь развитию науки (особенно это важно в кризисные, переломные этапы развития) должны указывать не посторонние ее содержанию факторы, а сам объект, открывающий себя по смыслу в аспекте инобытия и тем самым развивающий свой собственный метод. Наука остается верной сущности своего объекта, но при этом бесконечно расширяет сферу его изучения.

Языкознанию, таким образом, следует уходить от *трансцендентного* понимания метода, свойственного известным экзистенциалистским и неокантианским трактовкам. Трансценденция означает абсолютный переход к субъекту и отказ от смыслового опыта объекта. При этом утрачивается связь между объективной и субъективной сторонами науки, между содержанием и методом. Бытие объекта подменяется бытием субъекта. Трансценденция, подменяющая собой содержание науки, становится самой настоящей “смертью”, небытием объекта.¹⁰ Опыт становления объекта при трансцендентном

переходе к методу теряет свое *реальное* значение, становится бесполезным. Получается, что объект “не нужен” методу, с позиций которого строится его понимание, равно как и метод внутренне чужд своему объекту. В нашем подходе существенно то, что переход к методу рассматривается в первую очередь онтологически. В методе в снятом виде представлено все бытие объекта. Преодоление трансцендентного «тупика» в аспекте метода в языкознании становится возможным лишь на основе дальнейшего развития языкознания как семиотической дисциплины при безусловном признании органичной взаимосвязи знакового (искусственного) и символического (естественно-выразительного) начал на всю глубину языка.

Единый метод науки с его объективной стороны можно назвать телеологическим, а с его субъективной стороны можно назвать также “гуманистическим”. Под “гуманизацией” мы понимаем такой этап развития науки, когда субъект присоединяет себя к объекту или “приобщает” объект к себе. Но в то же самое время, подобная “гуманизация” объекта с онтологической стороны должна открываться телеологически как способ его (объекта) собственного смыслового становления. “Так воздвигается величественное здание диалектики, принципиально отождествляющей знание и бытие - в отличие от множества метафизических систем, спорящих о взаимном влиянии “сознания” и “бытия”. Они не *влияют* друг на друга, но они - изначально *тождественны*.”¹¹ Метод познания (в высшем и целостном его понимании) онтологически можно представить как метод бытия самого объекта или, при отрицательном его понимании, как инобытие объекта. Только так, на наш взгляд, следует трактовать онтологизацию научного метода или “гуманизацию” понятой онтологически телеологии объекта. Это - взаимный процесс, дающий ученому ощущение внутренней формы науки в целом. Конечно, подобный “методологический абсолютизм” весьма трудно представить в естественных или в таких науках, объекты которых далеко отстоят от бытия самого человека. В языкознании, напротив, “гуманистическое” постижение объекта -

языка - должно органично входить в самую плоть его предмета, считаться необходимой инстанцией всех его смысловых определений.

Итак, сказанное, думается, достаточно показывает, насколько важен в науке переход от категории модели (структурного, схематического понимания объекта) к категории метода. Метод в высшем, естественном его понимании, опирающемся на онтологию самого объекта, дает науке необходимую содержательную устойчивость, открывает перспективу дальнейшего развития. В методе рождается *самосознание* науки. Наука, которой теперь противостоит естественная форма ее предмета, сознает себя как *реальность*. В неполном или не вполне развернутом методе, наоборот, сохраняется элемент искусственности предметной формы науки. Сознание науки также оказывается неполным: оно в той или иной мере определяется посторонними, не связанными с объектом науки факторами. Метод не может быть предрассудком понимания. Не субъект совершенно произвольно дает метод объекту и, таким образом, предопределяет те или иные стороны его бытия в предмете научного понимания, а сам объект, совершенно *непроизвольно*, открывает науке во всей полноте метод и смысл собственного познания.

Важно понимать объективное значение научного метода, т.е. понимать его не как извне налагаемое эмпирическое требование субъекта, а как некоторую функцию самой сущности объекта в моменте ее отношения к инобытию.

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука Логики.// Энциклопедия философских наук. Т.1. – М.: изд. Соц.-эк. Лит.-ры., 1974 – С.423.

² Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999 – С. 341. Указанной двойственности не избежал и Г.В.Ф. Гегель, который, исходным образом разделяя эти понятия, прежде всего, стремится понять общее в них. В одном случае Гегель определяет символ как знак (см. Гегель Г.В.Ф. Эстетика. Т. 2. – М.: Искусство, 1969 – С. 14.), в другом – знак как символ (см. там же – С. 36).

³ Данное разграничение сущности и природы в целом согласуется с тем разграничением этих категорий, которое давал Гегель. По Гегелю природа объекта является результатом сложения в предметном представлении науки категорий сущности и бытия: природа = сущность + бытие. См.: Гегель Г.В.Ф. Наука Логики.// там же – С. 424. Мы считаем, что в знаке, в знаковости, сосредоточена сущность всего символического, а в символе раскрывается *природа*, т.е. подлинное значение бытия знака. См.: Иванов Н.В. Символическая функция языка в аспектах семиогенеза и семиозиса. – Дисс. на ... д. филол. наук. – М., 2002 – С. 12.

⁴ “Метод ... в обоих способах философствования остается тем же самым, поскольку оба они исходят из предпосылок как из чего-то незыблемого.” (Гегель Г.В.Ф. Наука Логики.// там же - С.151).

⁵ Смерть трудно представить как форму бытия, потому что смерти не нужен опыт бытия. В этом отношении смерть анти-символична, анти-методологична, “анти-гуманистична”. Если бы это было не так, то мы должны были бы считать, что человек живет, постоянно символизируя смерть, и жизнь является символом смерти.

⁶ см. Гегель Г.В.Ф. Наука Логики.// там же - С.220-221. В отношении сущности можно сказать, что она *есть*. Сказать в отношении ничто, что оно *есть*, невозможно (см. также, Лосев А.Ф. Философия имени. - М.: МГУ, 1990 г. - С.53).

⁷ Интересно вспомнить то, что по словам самого М.Хайдеггера: “язык - это дом бытия”.

⁸ см. Гегель Г.В.Ф. Наука Логики.// там же - С.424.

⁹ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики.//Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977 – С. 46.

¹⁰ А.Ф.Лосев допускает использование категории ничто, не-сущего, как высшего критерия смыслового определения сущего (сущности), но обставляет такое свое допущение целым рядом условий. “Если что-нибудь одно - сущее, то чистое “иное” будет не просто другое сущее, но *не-сущее*, меон [“меон” по-гречески означает “ничто”]. Однако это не-сущее не есть, во-первых, *просто* отсутствие, *фактическое* отсутствие.... наше “иное” и меон есть не просто отрицание факта наличия, а *утверждение факта оформления предмета*... В понятии “иногo”, меона, мы только *утверждаем... факт оформления сущего предмета*. Таким образом, *меон есть момент в сущем же*, не-сущее есть необходимое слагаемое жизни сущего.” (Лосев А.Ф. Философия Имени. - там же ... - С.53). Нельзя не заметить, что “ничто” Лосева существенно отличается от “ничто” М.Хайдеггера. “Ничто” у Лосева является важнейшим фактором *бытия*. Это - не конец сущего, а самое настоящее *инобытие* объекта, которое тот сам несет и развивает в себе. “Ничто” понадобилось Лосеву, думается, лишь для того, чтобы показать, что между сущностью и иным не может быть ничего среднего, общего или третьего. Никакое сравнение в принципе невозможно и недопустимо при понимании взаимоотношения сущности и иного. Иное - это *не-сущность*, и это логически означает, что само оно сущностью быть не может. Этот пункт А.Ф.Лосев считал центральным в своей философии (см. С.52).

¹¹ Лосев А.Ф. Философия имени. - М.: МГУ, 1990 г. - С.59.

М.И. Соколова¹

Этика поведения в международном бизнесе.

В настоящее время возрастает роль этических вопросов в организационном поведении и менеджменте. В своей деятельности компании сталкиваются с проблемами, являющимися следствием культурного разнообразия, а также различий в правительственной и законодательной системах разных стран. К таким проблемам относятся коррупция и взяточничество в международной деловой практике, плохие условия работы, использование труда детей и заключенных в некоторых странах и участие международного бизнеса в оказании поддержки правительствам, не уважающим и не защищающим основные права человека своих граждан.

Этика и экономика переплетаются куда теснее, чем обычно считается. Можно даже сказать, что выгода от неэтичного поведения утрачивается в отсутствии здорового хозяйства.

Вопрос этики – это не вопрос о том, преследуют ли те или иные компании свои интересы. Скорее это вопрос о том, какими методами они преследуют эти интересы. Если используемые методы приводят к взаимной выгоде, если нет надобности в обмане, тогда можно говорить об этическом бизнесе. Честность и надежность – чрезвычайно ценные качества, при этом больше всего выгоды приносят они тем, за кем создается репутация честного и надежного партнера.

Если государство не ожидает этического, профессионального поведения от своих бизнесменов, если нарушение правил становится обыденным делом, создаются идеальные условия для процветания коррупции. И когда коррупция, в свою очередь, становится привычным делом для чиновников, чрезвычайно трудно ее устранить, поскольку все, кто занимается взяточничеством, заинтересованы в дальнейшем существовании этой привычки и препятствуют всем попыткам «очистить» систему.

¹ Соколова Мария Игоревна – кандидат экономических наук, профессор кафедры менеджмента, маркетинга и коммерции МГИМО(У) МИД России

бий коррупции», который призван улучшить существующее положение в этой области. Первой страной в мире, которая возвела в разряд уголовных преступлений подкуп иностранных государственных должностных лиц, явились Соединенные Штаты, приняв в 1977 году Закон США о коррупции за рубежом. Закон запрещает фирмам участвовать в коррупции в зарубежных странах, например, давать взятки правительственным чиновникам для получения деловых контрактов.

В 1997 году страны – участницы Организации экономического сотрудничества и развития провели переговоры и впоследствии пришли к соглашению о запрете своим фирмам совершать какие-либо выплаты иностранным чиновникам. Практически все из 35 стран, подписавших Конвенцию ОБСЕ по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц, ратифицировали ее к настоящему времени. Правительство Соединенных Штатов выступило с предложением, обязать Всемирный банк при выделении кредитов считаться с фактами коррупции.

Доверие и этика являются инструментами, воздействующими на конкурентоспособность компаний. Этичное поведение в бизнесе наиболее рентабельно.

В частности, в России деловое сообщество в лице Российского Союза промышленников и предпринимателей (РСПП) пытается внедрить альтернативные методы разрешения хозяйственных конфликтов. Для этих целей при РСПП была создана комиссия по деловой этике, в рамках которой независимые арбитры выносят решения в пользу той или иной стороны конфликта, и это решение признается деловым сообществом.

По мере того, как бизнес принимает все более глобальный характер, а цепочка производства продукции удлиняется, задача оценки социальной ответственности корпораций значительно усложнилась. Это же справедливо и в отношении защиты прав рабочих, особенно в тех случаях, когда ответственность делят между собой производители, подрядчики, субподрядчики, агенты по закупкам и другие стороны деловых соглашений, которые пересекают временные пояса, языковые барьеры и границы между развивающимися и индустриальными странами.

Сегодня все чаще в выпусках новостей в зарубежных странах встречается слово sweatshop (предприятие, на котором существует потогонная система), которое относится к организациям, вынуждающим своих работников трудиться в неприемлемых условиях: опасных для здоровья, с использованием длинного рабочего дня и детского труда. В кампании против таких организаций сегодня участвует множество групп правозащитников, и объектом их внимания нередко становятся, в том числе и такие известные многонациональные корпорации, как Nike, Mattel и Disney. Так, группа наблюдателей в Азии подвергла Disney критике за то, что некоторые ее производители в Китае заставляют рабочих трудиться семь дней в неделю, по 16 часов в день и без оплаты сверхурочных. Корпорацию Mattel обвиняли в использовании ее субподрядчиками потогонных линий по сборке кукол Барби, что выражалось в слишком большой продолжительности рабочего дня и серьезных штрафах за ошибки рабочих. В

смысле в родной стране, с ней не смиришься ни в каком ином месте. Критики абсолютистского подхода заявляют, что он представляет собой форму *этического империализма*, поскольку пытается несправедливо или бессмысленно навязывать внешние этические нормы местной культуре, не уважая ее потребности и уникальность ситуации.

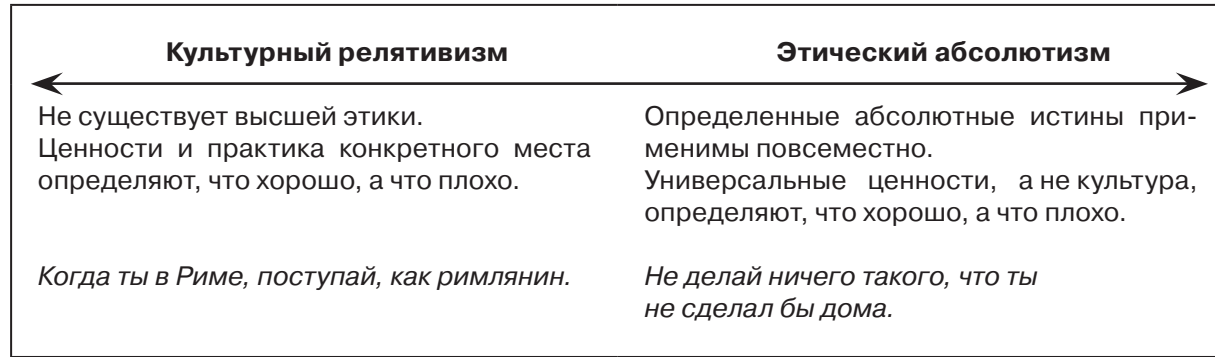

Рис. 1. Крайности культурного релятивизма и этического абсолютизма в этике международного бизнеса

В этом споре не существует простого ответа, так как определенную опасность представляет как культурный релятивизм, так и этический абсолютизм. В международном бизнесе следует руководствоваться в своем поведении основными или пороговыми ценностями, в любой ситуации уважая и защищая фундаментальные права человека. Для адаптации и модификации действий существует определенное пространство за данным порогом, позволяющее уважать традиции, основы и потребности различных культур.

Рассмотрим проявления влияния культуры на деловую этику некоторых стран.

Итальянский стиль.

Одним из деловых крупнейших партнеров России традиционно является Италия. Внешнеэкономические связи имеют жизненно важное значение для экономики страны. Большая зависимость от внешней торговли определяется, с одной стороны, тем, что основные отрасли итальянской промышленности функционируют, используя главным образом привозное сырье, топливо и полуфабрикаты, с другой – относительной узостью внутреннего рынка.

Представители мелких и средних фирм Италии обычно более активны при установлении партнерских отношений, не затягивают решение организационных и формальных вопросов,

Английский стиль.

Вступая в деловые контакты с английскими фирмами, необходимо учитывать специфику английского бизнеса. Прежде всего надо отметить, что деловой мир Великобритании неоднороден не только в социальном плане, но и в своей «цеховой» специализации, что отличает его от деловых кругов других стран. Для английского бизнеса характерна кастовость, которая, с одной стороны, определяет его высокий профессиональный уровень, а с другой – препятствует притоку «свежей крови». Бизнесмены Великобритании – одни из самых квалифицированных в деловом мире Запада. Английские бизнесмены, работающие в промышленности, умеют тщательно анализировать ситуацию, складывающуюся на рынке, составлять краткосрочные и среднесрочные прогнозы. Как правило, они проявляют напористость, когда дело идет о сиюминутной выгоде, заключении сделок, приносящих немедленную прибыль, и очень неохотно идут на расходы, отдача от которых будет через 5–10 лет. В то же время финансовому и сырьевому секторам британского бизнеса практически нет равных в мире. Финансовый сектор играет роль не только банка идей, но и является идеологом в проведении тех или иных нововведений.

Английскому бизнесу свойственны социальный консерватизм, приверженность идеям, имеющим многовековую историю. С другой стороны, первые венчурные фирмы появились именно в Великобритании. Английский бизнесмен – это эрудированный человек, в котором сочетаются профессиональная высочайшая подготовка и своеобразный политический инфантилизм. Чисто человеческие факторы имеют для него огромное значение. Он не замыкается в своей работе, а имеет широкий круг интересов, связанных не только с экономикой, но и со спортом, литературой, искусством. Он очень наблюдателен, хороший психолог и не приемлет фальши и сокрытия слабой профессиональной подготовки.

Прослойка бизнесменов довольно узкая, и пополняется она в основном из семей, которые занимались предпринимательством многие десятилетия. Поэтому молодые люди, входящие в мир бизнеса, имеют превосходную психологическую подготовку. Теоретическую и практическую подготовку они получают в колледжах и специализированных коммерческих школах. Кадровый отбор после окончания учебы носит тщательный и придирчивый характер. Как правило, существует конкурс и тех, кто прошел отбор, зачисляются в компанию по временному контракту. Дальше служебная карьера зависит от профессиональных и личностных качеств, а также от социального статуса выпускника.

В деловых английских кругах выработан ритуал вручения подарков и определен круг товаров, которые рассматриваются не как взятки, а как подарки. К этим товарам относятся календари, записные книжки, зажигалки, фирменные авторучки, на Рождество – алкогольные

В частности, американцы считают, что они превосходно разбираются в бизнесе любой страны и любой национальности. При деловых контактах они не сообщают партнерам информацию обо всех деталях, но ожидают от них понимания порядка работы и ведения бизнеса по-американски. Американцы быстро реагируют на все и требуют от партнеров того же. Всеобщий принцип американского бизнеса – получение прибыли. Если полученные американской фирмой предложения способствуют достижению ее важнейшей цели, то они обязательно ее заинтересуют. Но эти предложения должны быть только реальными.

Японский стиль.

Деловая этика японских бизнесменов существенно отличается от правил и норм делового мира Запада. Прежде всего не похож на западный подход японцев к установлению деловых контактов. Они предпочитают не письма и телефонные звонки, а личные контакты, но не прямые, а через третье лицо – посредника. Это должен быть хорошо известный обеим сторонам японский бизнесмен либо уже хорошо зарекомендовавший себя отечественный предприниматель или организация. При этом посредник вознаграждается материально или встречной услугой. Японский предприниматель стремится к реализации продукции и получению прибыли так же, как его американские и европейские коллеги, но в отличие от них он старается привнести в деловые отношения дух гармонии, установить между партнерами человеческие отношения. Поэтому так распространены в деловом мире Японии неформальные отношения, основанные на личном знакомстве. Желание сохранить гармонию в отношениях с партнерами считается добродетелью. Японские бизнесмены избегают конфликтных ситуаций, пытаются прийти к разумному компромиссу. Сторона, которая пошла на уступки в каком-то вопросе, по традиции может рассчитывать на преимущество при решении другого вопроса. В традициях деловых людей Японии – внимательно выслушать точку зрения собеседника до конца, не перебивая и не делая никаких замечаний. Японцы болезненно относятся к опозданиям, какими бы причинами они ни были вызваны.

Японцы стремятся к тому, чтобы общение велось между людьми, имеющими приблизительно равное положение. Официальное общение с нижестоящими согласно представлениям традиционной морали чревато «потерей собственного лица».

При кадровых изменениях в японских фирмах всем, имеющим с ними контакты, посылаются уведомления об этом. Нередко бизнесмен, переходящий на другую должность, лично знакомит тех, с кем установлены тесные деловые отношения, с новым сотрудником, назначенным на его пост, и высказывает пожелания, чтобы и дальнейшие контакты были не менее плодотворными.

нают проявлять максималистские черты личности, и часто приходится сталкиваться с ситуацией, когда сотрудники считают, что ради карьерного продвижения хороши любые средства. Уже никого нельзя удивить стремлением уклониться от ответственности, попытками очернить коллег, присвоить себе их идеи или результаты труда.

Интерес также представляет тот факт, что, по данным кадрового центра Superjob.ru, доля людей, считающих, что сомнительные с точки зрения этики поступки ведут к успеху в их организациях, постоянно увеличивается. В то же время доля тех, кто соглашается с тем, что им самим для достижения успеха приходится поступиться этическими принципами, резко снижается.

Американские ученые объясняют сложный этический климат в российских компаниях относительной молодостью капитализма в стране и наличием «синдрома выживания»: любые средства хороши, если они ведут к достижению цели – продвижению по службе или укреплению позиций на рынке. В российских компаниях пока мало кто задумывается о долгосрочной перспективе. Собственники ориентируются на идеальных с их точки зрения менеджеров, поэтому тем приходится стремиться производить впечатление безгрешных, то есть зачастую вводить в заблуждение руководителей и коллег. Хорошими менеджерами, по мнению западных специалистов, в России считают тех, кто умело манипулирует финансовыми показателями в интересах своего подразделения. При этом часто забывают о том, что менеджер руководит не только процессами, но и людьми.

Соглашаясь в определенной степени с мнением зарубежных специалистов, хотелось бы отметить, что сложившаяся ситуация имеет более глубинные причины. Дело в том, что существующие в той или иной стране этические нормы базируются на системе ценностей, преобладающих в обществе, таких как свобода личности, человеколюбие, уважение и доверие властям, патриотизм, преданность идеалам, нацеленность на действие и активную жизненную позицию и т.д. Ценностная система любого человека закладывается в детские годы и формируется в процессе его становления как личности. Большую роль в формировании ценностной системы играет государство, влияющее на данный процесс через систему образования, средства массовой информации и т.д. В нашей стране с началом перестройки отказались от общественных ценностей советской эпохи, а создание новой системы формирования ценностей еще не завершили. Данная ситуация и создает благоприятные возможности для развития так называемого «синдрома выживания».

Специалисты считают, что исправить создавшуюся ситуацию может появление в российских компаниях людей, которые своим примером покажут, что можно продвигаться по служебной лестнице честным путем. Однако прежде всего надо подумать о том, что такой тип поведения должен быть присущ человеку, то есть этичность поведения должна стать одной из базовых ценностей его личности.

Т.В. Зонова

Вестфальская система

Сегодняшняя дискуссия замечательным образом стимулирует нас к размышлениям о будущем системы международных отношений и заставляет еще раз осмыслить некоторые, казалось бы устоявшиеся понятия. В течение десятилетий интерпретации Вестфалья продолжают оставаться основой большинства существующих посылов в отношении теории мировой политики. Об этом собственно и свидетельствуют чрезвычайно интересные мысли Д. Фельдмана, О. Барабанова и М. Лебедевой о прошлом и будущем Вестфалья)

Конечно, «Вестфальская система» в современном политическом дискурсе понятие весьма условное, политизированное и идеологизированное. Участники переговоров в Мюнстере и Оснабрюке не имели в виду создание особой системы, а лишь в духе времени перераспределяли влияние и территории между сторонами Тридцатилетней войны. Так, средневековые строители не подозревали, что они возводят готические храмы (термин «готика» появился гораздо позднее).

Как правило, в исследовательской литературе Вестфаль рассматривается как система, базирующаяся на трех столпах - государственном суверенитете, принципе правового равенства государств и принципе невмешательства во внутренние дела (О. Барабанов, раскрывая эти понятия, говорит о пяти принципах). Это весьма осовремененное осмысление 1648 г.

На мой взгляд, подобный подход несколько сужает возможности объективного прогностического анализа. С исторической точки зрения, говоря о Вестфале, вероятно следует признать, что 1648 год не является отправной точкой современной системы международных отношений. На самом деле, речь идет об одном из этапов (пусть весьма важном и судьбоносном) на пути становления этой системы.

Лично мне весьма импонирует описание исторического процесса на основе формирования моделей. Вследствие этого, я предлагаю сначала уточнить, какую **модель** международных отношений отражали договоры в Оснабрюке и Мюнстере, и затем выяснить, соответствуют ли ее параметры тем «столпам», о которых говорилось выше.

Итак, прежде всего речь идет о проблеме **суверенитета**. Как известно, в средневековой Европе регулирующие межъевропейские отношения каноническое право признавало верховную власть за римским папой и только его считало сувереном. Прочие правители (короли, герцоги, графы) выступали в роли папских вассалов. Подобную модель отношений можно изобразить в виде пирамиды, на вершине которой находится Папское государство.

С развитием процесса секуляризации сами правители стали претендовать на суверенитет в пределах своей территории и зачастую вступали в противоборство с Римом (в литературе эта ситуация определяется термином - борьба «папства и империи»). Легитимированная Ватиканом средневековая модель мироустройства – *res publica gentium cristianurum* (республика христианских народов) постепенно трансформировалась в формально ничем не ограниченную борьбу за частные интересы, территорию, ресурсы и т.д. Это вело к

восприятию отношений между правителями как анархии, впоследствии названной Гоббсом «войной всех против всех».

Возник вопрос о легитимации новой модели межгосударственных отношений. Теоретики того времени начали поиски способного заменить Ватикан **«регулятора»** взаимоотношений между светскими правителями и, как это и было принято в эпоху Возрождения, обратили свои взоры, в частности, на наследие Фукидида. Дело в том, что великому греческому историку принадлежит вывод, что начало Пелопонесской войны было спровоцировано чрезмерным усилением Афин. Напуганная этим Спарта попыталась упредить агрессию афинян и сама напала на Афины. Теоретический вывод следующий. Первостепенное условие сохранения мира – соблюдение равновесия сил.

Таким образом, в эпоху Возрождения главным, причем светским, **«регулятором»** международных отношений стали считать равновесие сил. Начиная с XV века теорию равновесия разрабатывали такие «политологи», как Гвиччардини, Макиавелли, Джентиле. Апеннинский полуостров выступил в роли идеальной «лаборатории» равновесия, в то время как итальянские синьории, герцогства, графства, республики приступили к созданию союзов, изменяющихся в зависимости от усиления или ослабления самих государств. На протяжении десятилетий и вплоть до вторжения в конце XV века французских войск итальянским правителям удавалось разрешать мирным путем возникавшие между ними споры.

Впоследствии так называемая **«итальянская модель»** становится инструментом взаимоотношений на европейском континенте и постепенно распространяется на остальной мир. Главными параметрами этой модели являются **светский суверенитет и равновесие сил** между светскими суверенными правителями. Данные параметры легли в основу и нового, развитого Гуго Гроцием, светского международного права, легитимирующего возникшую систему международных отношений.

Вестфаль окончательно завершил период религиозных войн и вновь подтвердил установленный Аугсбургским миром 1555 года вполне секулярный принцип **«*cuius regio, eius religio*»**, иначе говоря - подданные исповедуют религию своего правителя. Вместе с тем Вестфаль стал лишь одним из этапов развития новой модели международных отношений, основанной на светском суверенитете и равновесии сил. В дальнейшем мы видим, что последующие международные трактаты (например, Утрехтский мирный договор 1713 года и др.) неизменно содержат призыв к соблюдению равновесия сил или восстановлению нарушенного равновесия. Важно подчеркнуть, что в те времена коалиции и военные союзы формировались, прежде всего, во имя соблюдения равновесия сил или его восстановления.

Принципы невмешательства во внутренние дела и территориальной целостности, конечно же, не были закреплены Вестфалем и были сформулированы гораздо позже. Более того, обоими договорами предусматривалась, что в случае нарушения их положений Франция и Швеция могут вмешаться в дела императора Священной Римской империи, а император Священной Римской империи сохраняет за собой право смещать суверенных правителей княжеств, совершивших противоправные действия.

Точно также о суверенном равенстве государств, как иногда утверждается, речь тогда не шла. Правда, еще в период согласования Вестфальских договоров королева Швеции Кристина намекнула на желательность признать равноправие стран. Однако участники мирных переговоров не разделяли этого мнения. Впоследствии, на Венском конгрессе 1814-15 гг. было юридически закреплено именно **неравенство** государств, которые были

поделены на государства «с широкой сферой интересов» и государства «с узкой сферой интересов». Кстати, по Регламенту 1815 года послами могли обмениваться лишь государства «с широкой сферой интересов». Остальные довольствовались посланниками или поверенными в делах.

На этой основе возник термин «**великая держава**». Великими стали называть страны, победившие Наполеона. Великой державой была признана, благодаря усилиям Талейрана, и Франция. Затем к сонму великих держав присоединялись Османская империя (после Крымской войны), Королевство Италии (после объединения Италии), Германская империя (после франко-прусской войны), Соединенные Штаты Америки (после испано-американской войны), Япония (после русско-японской войны). Лига наций пыталась обсудить проблему пересмотра концепции великодержавности, но и в этом, как и многих других вопросах, она потерпела неудачу. Только после второй мировой войны Устав ООН впервые закрепил положение о **суверенном равенстве** всех государств. После чего, правда, в политический обиход вошел, хотя юридически и не был закреплен, термин «**сверхдержава**».

В течение столетий после Вестфалия становится очевидным, что равновесие сил, воспринимаемое как автоматический «регулятор» международных отношений (такое восприятие было особенно популярно у теоретиков Просвещения), так и не смогло обеспечить мир. С особой силой критика «равновесия» зазвучала после первой мировой войны. В результате Лига Наций, а затем ООН явились еще одной попыткой создания нового **универсального** «регулятора» международной политики.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что заложенный в основу Вестфальской системы **принцип светскости суверенитета** вряд ли будет поставлен под сомнение. Однако эволюция понятия суверенитета вероятна, поскольку на суверенитет претендуют не только государства, но и, со все большей настойчивостью, другие акторы мировой политики. Вопрос: выльется ли это в нескончаемый процесс создания все новых государств (как это происходило при ослаблении и крахе империй), или будут найдены какие-либо другие формы сосуществования суверенных акторов? На мой взгляд, чрезвычайно интересными в этом плане являются процессы, происходящие в Европейском Союзе. Очень хотелось бы поразмышлять о том, сможет ли Европейский Союз стать такого же рода «лабораторией» новой модели мировой политики, какой в свое время был Апеннинский полуостров.

Будущее другого параметра Вестфальской системы - равновесия сил – также становится предметом дискуссии. Мне представляется, что сложившаяся после второй мировой войны биполярная система представляла собой последнюю стадию развития отношений, основанных на балансе сил. Как известно, эта система получила название «равновесия страха» и была основана на поддержании ядерного баланса. С крахом советского лагеря равновесие было нарушено. Целесообразно ли теперь противопоставлять возникшей де-факто однополярной системе **многополярный мир**? Не станет ли восстановление многополярной системы возвращением к опасному противостоянию военных блоков? Или же новая модель международных отношений будет характеризоваться многосторонностью, сетевой дипломатией, наличием универсальных организаций и, конечно же, соответствующим международным правом, учитывающим те изменения, которые происходят в мировой политике? Одним словом, речь идет о «**единстве в многообразии**»? По моему мнению, все эти проблемы заслуживают, особого анализа и дальнейшего обсуждения.

Вестфальский мир: межкафедральный «круглый стол» в МГИМО(У) МИД России 27 февраля 2008 года

МГИМО(У) не первый раз обращается к проблемам Вестфальской системы. Следует прежде всего назвать международную конференцию, посвященную 350-летию Вестфальского мира, инициаторами которой выступили профессора В.М. Кулагин и А.В. Загорский; секцию IV Конвента РАМИ «Актеры современной мировой политики» и коллективную монографию кафедры мировых политических процессов; дискуссию профессора О.Н. Барабанова с профессором Д.М. Фельдманом. Все это нашло отражение в соответствующих публикациях¹.

В данном обсуждении, прошедшем в формате «круглого стола», приняли участие: профессор Лебедева М.М., Барабанов О.Н., Зонова Т.В., Фельдман Д.М., Боришполец К.П., доцент Юрьева Т.В.

М.М. Лебедева. В конце XX – начале XXI вв. пробудился интерес к Вестфальскому миру. Причины, на мой взгляд, очевидны: практически все значимые события, происходящие на мировой арене, так или иначе затрагивают вопросы государственного суверенитета, невмешательства, целостности государств и т.п., с одной стороны, и проблемы гуманитарного вмешательства, права наций на самоопределения, трансграничной деятельности и т.п. – с другой. От них нельзя «отмахнуться», заняв ту или иную позицию, поскольку реальность оказывается настолько сложной, что невольно вспоминается история про Ходжу Насреддина, который на просьбу спорящих рассудить их, сказал: «И ты прав, и ты прав», а на замечание прохожего, что в споре двоих правым должен быть кто-то один, ответил: «И ты прав». Однако в современном мире нельзя признать всех правыми и идти дальше – по той простой причине, что идти некуда. Мы все оказываемся одновременно и спорящими, и прохожими, и Ходжей Насреддином. Остается одно – попытаться разобраться, что лежит в основе политической организации современного мира, как она складывалась, какие элементы ее и как развивались в ходе исторического процесса, а что оставалось неизменным, и почему сегодня мы постоянно обнаруживаем «нестыковки», проблемы, конфликты? Этим вопросам и посвящен «круглый стол», организованный кафедрой «Мировые политические процессы».

Т.В. Зонова. Наша дискуссия замечательным образом стимулирует к размышлениям о будущем системы международных отношений и заставляет еще раз осмыслить некоторые, казалось бы, устоявшиеся понятия. В течение десятилетий интерпретации Вестфалья продолжают оставаться основой большинства существующих посылов в отношении теории международных отношений и мировой политики. Об этом, собственно, и свидетельствуют чрезвычайно интересные мысли Д.М. Фельдмана, О.Н. Барабанова и М.М. Лебедевой о прошлом и будущем Вестфалья.

Конечно, «Вестфальская система» в современном политическом дискурсе – понятие весьма условное, политизированное и идеологизированное. Участники переговоров в Мюнстере и Оснабрюке не имели в виду создание особой системы, а лишь в духе времени перераспределяли влияние и территории между сторонами Тридцатилетней войны. Так, средневековые строители не подозревали, что они возводят готические храмы (термин «готика» появился гораздо позднее).

Как правило, в исследовательской литературе Вестфаль рассматривается как система, базирующаяся на трех столпах – государственном суверенитете, принципе правового равенства государств и принципе невмешательства во внутренние дела (О.Н. Барабанов, раскрывая эти понятия, говорит о пяти принципах). Это весьма осовремененное осмысление 1648 г.

¹ Космополис, Альманах 1999; Материалы 4-го Конвента РАМИ «Пространство и время в мировой политике и международных отношениях». // Под ред. А.Ю. Мельвиля, в 10-ти томах // 1-й том. Актеры в пространстве и времени мировой политики // Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-РАМИ, 2007; «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты // Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Голден Би, 2008; Барабанов О.Н., Фельдман Д.М. «Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мертв». // Международные процессы. 2007. Т. 5 №3 (15), сентябрь-декабрь.

На мой взгляд, подобный подход несколько сужает возможности объективного анализа. С исторической точки зрения, говоря о Вестфале, вероятно, следует признать, что 1648 год не является отправной точкой современной системы международных отношений. На самом деле речь идет об одном из этапов (пусть весьма важном и судьбоносном) на пути становления этой системы.

Лично мне импонирует описание исторического процесса на основе формирования моделей. Поэтому предлагаю сначала уточнить, какую **модель** международных отношений отражали договоры в Оснабрюке и Мюнстере, и затем выяснить, соответствуют ли ее параметры тем «столпам», о которых говорилось выше.

Итак, прежде всего речь идет о проблеме **суверенитета**. Как известно, в средневековой Европе регулирующие межъевропейские отношения каноническое право признавало верховную власть за римским папой и только его считало сувереном. Прочие правители (короли, герцоги, графы) выступали в роли папских вассалов. Подобную модель отношений можно изобразить в виде пирамиды, на вершине которой находится Папское государство.

С развитием процесса секуляризации сами правители стали претендовать на суверенитет в пределах своей территории и зачастую вступали в противоборство с Римом (в литературе эта ситуация определяется термином «борьба папства и империи»). Легитимированная Ватиканом средневековая модель мироустройства – ***res publica gentium cristianorum*** (республика христианских народов) – постепенно трансформировалась в формально ничем не ограниченную борьбу за частные интересы, территорию, ресурсы и т.д. Это вело к восприятию отношений между правителями как анархии, впоследствии названной Гоббсом «войной всех против всех».

Возник вопрос о легитимации новой модели межгосударственных отношений. Теоретики того времени начали поиски способного заменить Ватикан **«регулятора»** взаимоотношений между светскими правителями и, как это и было принято в эпоху Возрождения, обратили свои взоры, в частности, на наследие Фукидида. Дело в том, что великому греческому историку принадлежит вывод, что начало Пелопонесской войны было спровоцировано чрезмерным усилением Афин. Напуганная этим Спарта попыталась упредить агрессию афинян и сама напала на Афины. Теоретический вывод следующий: первостепенное условие сохранения мира – соблюдение равновесия сил.

Таким образом, в эпоху Возрождения главным, причем светским, **«регулятором»** международных отношений стали считать равновесие сил. Начиная с XV в., теорию равновесия разрабатывали такие «политологи», как Гвиччардини, Макиавелли, Джентиле. Апеннинский полуостров выступил в роли идеальной «лаборатории» равновесия, в то время как итальянские синьории, герцогства, графства, республики приступили к созданию союзов, изменяющихся в зависимости от усиления или ослабления самих государств. На протяжении десятилетий и вплоть до вторжения в конце XV в. французских войск итальянским правителям удавалось разрешать мирным путем возникавшие между ними споры.

Впоследствии так называемая **«итальянская модель»** становится инструментом взаимоотношений в Европе и постепенно распространяется на остальной мир. Главными параметрами этой модели являются **светский суверенитет** и **равновесие сил** между светскими суверенными правителями. Они легли в основу и нового, развитого Гуго Гроцием светского международного права, легитимирующего возникшую систему международных отношений.

Вестфаль окончательно завершил период религиозных войн и вновь подтвердил установленный Аугсбургским миром 1555 г. вполне секулярный принцип **«*cuius regio, eius religio*»**, иначе говоря – подданные исповедуют религию своего правителя. Вместе с тем Вестфаль стал лишь одним из этапов развития новой модели международных отношений, основанной на светском суверенитете и равновесии сил. Последующие международные трактаты (например, Утрехтский мирный договор 1713 г. и др.) неизменно содержат призыв к соблюдению равновесия сил или восстановлению нарушенного равновесия. Важно подчеркнуть, что в те времена коалиции и военные союзы формировались прежде всего во имя соблюдения равновесия сил или его восстановления.

Принципы невмешательства во внутренние дела и территориальной целостности, конечно же, не были закреплены Вестфалем и были сформулированы гораздо позже. Более того, обоими договорами предусматривалось, что в случае нарушения их положений Франция и Швеция могут вмешаться в дела императора Священной Римской империи, а император Священной Римской империи сохраняет за собой право смещать суверенных правителей княжеств, совершивших противоправные действия.

Точно также о суверенном равенстве государств, как иногда утверждается, речь то-

гда не шла. Правда, еще в период согласования Вестфальских договоров королева Швеции Кристина намекнула на желательность признания равноправия стран. Однако участники мирных переговоров не разделяли этого мнения. Впоследствии, на Венском конгрессе 1814–1815 гг., было юридически закреплено именно **неравенство** государств, которые были поделены на государства «с широкой сферой интересов» и государства «с узкой сферой интересов». Кстати, согласно Регламенту 1815 г., послами могли обмениваться лишь государства «с широкой сферой интересов». Остальные довольствовались посланниками или поверенными в делах.

На этой основе возник термин «**великая держава**». Великими стали называть страны, победившие Наполеона. Великой державой была признана, благодаря усилиям Талейрана, и Франция. Затем к сонму великих держав присоединялись Османская империя (после Крымской войны), Королевство Италии (после объединения Италии), Германская империя (после франко-прусской войны), Соединенные Штаты Америки (после испано-американской войны), Япония (после русско-японской войны). Лига наций пыталась обсудить проблему пересмотра концепции великодержавности, но и в этом, как и многих других вопросах, она потерпела неудачу. Только после Второй мировой войны Устав ООН впервые закрепил положение о **суверенном равенстве** всех государств. После чего, правда, в политический обиход вошел, хотя юридически и не был закреплен, термин «**сверхдержава**».

В течение столетий после Вестфалия становится очевидным, что равновесие сил, воспринимаемое как автоматический «регулятор» международных отношений (такое восприятие было особенно популярно у теоретиков Просвещения), так и не смогло обеспечить мир. С особой силой критика «равновесия» зазвучала после Первой мировой войны. В результате Лига Наций, а затем ООН явились еще одной попыткой создания нового **универсального** «регулятора» международной политики.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что заложенный в основу Вестфальской системы **принцип светскости суверенитета** вряд ли будет поставлен под сомнение. Однако эволюция понятия суверенитета вероятна, поскольку на суверенитет претендуют не только государства, но и со все большей настойчивостью – другие акторы мировой политики. Вопрос: выльется ли это в нескончаемый процесс создания все новых государств (как это происходило при ослаблении и крахе империй), или будут найдены какие-либо другие формы сосуществования суверенных акторов? На мой взгляд, чрезвычайно интересными в этом плане являются процессы, происходящие в Европейском союзе. Очень хотелось бы поразмышлять о том, сможет ли Европейский союз стать такого же рода «лабораторией» новой модели мировой политики, какой в свое время был Апеннинский полуостров.

Будущее другого параметра Вестфальской системы – равновесия сил – также становится предметом дискуссии. Представляется, что сложившаяся после Второй мировой войны биполярная система была последней стадией развития отношений, основанных на балансе сил. Как известно, эта система получила название «равновесия страха» и была основана на поддержании ядерного баланса. С крахом советского лагеря равновесие было нарушено. Целесообразно ли теперь противопоставлять возникшей де-факто однополярной системе **многополярный мир**? Не станет ли восстановление многополярной системы возвращением к опасному противостоянию военных блоков? Или же новая модель международных отношений будет характеризоваться многосторонностью, сетевой дипломатией, наличием универсальных организаций и, конечно же, соответствующим международным правом, учитывающим те изменения, которые происходят в мировой политике? Иначе говоря, идет ли речь о «**единстве в многообразии**»? По моему мнению, все эти проблемы заслуживают особого анализа и дальнейшего обсуждения.

Т.В. Юрьева. Кафедра мировых политических процессов верна своему фирменному стилю: ставить на обсуждение остро дискуссионные проблемы современных международных отношений и мировой политики. Спасибо за приглашение приобщиться к роскоши интеллектуального общения. Отдельная благодарность за стимул к размышлению – проф. О.Н. Барабанову и Д.М. Фельдману. Недавняя публикация их диалога о проблемах Вестфальской системы² и послужила непосредственным толчком к моим тезисам в заданной ими стилистике «истории болезни Вестфалия». В порядке дискуссии – некоторые соображения по трем вопросам: **что такое «Вестфаль», чем он болен и есть ли перспективы его выздоровления?**

² «Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мертв...» // Международные процессы. М., 2007. Том 5, №3 (15). Сентябрь – декабрь // <http://www.intertrends.ru/fifteen/011.htm>.

Прежде всего необходимо вспомнить о причине путаницы, порой все еще возникающей при определении понятия «Вестфальская система».

С одной стороны, есть Вестфальская система политической организации мира, где системообразующими факторами выступают, начиная с 1648 г., суверенные государства. С другой стороны, в рамках так организованной политической системы мира на протяжении без малого 360 лет сменяли друг друга разные системы международных отношений. Каждая из них была продуктом своего времени, каждой был присущ свой способ функционирования. Однако все эти системы были основаны на взаимодействии однотипных в принципе субъектов – суверенных государств. Именно этот тип субъектов международного общения был доминирующим, что не исключало присутствия и других – негосударственных – акторов международных отношений. Формально доминирующими были и принципы, вытекающие из государственного суверенитета: территориальная целостность и невмешательство во внутренние дела. Именно формально – идеально, хотя на практике эти два принципа постоянно нарушались.

«Историю болезни» Вестфальской системы завели после окончания холодной войны. И похоже, в обилии признаков недомогания потеряли самого больного. А ведь главный вопрос сводится к следующему: в условиях какой политической организации мира формируется новая, постбиполярная система международных отношений? Если мир по-прежнему остается государственно-центристским, то тогда «Вестфаль жив». Если же системообразующими факторами политической организации мира выступают уже не государства, или не только государства, то «Вестфаль скорее мертв, чем жив». Картина мира на рубеже XIX и XX веков парадоксальным образом дает основания и для первого, и для второго диагноза.

Самый краткий ответ – количественно и качественно возросшим многообразием. Во-первых – увеличилось количество государств и существенно диверсифицировалось их внутреннее устройство. Во-вторых, в геометрической прогрессии растет число негосударственных акторов международных отношений. Отсюда и две проблемы «Вестфалья». Первая – внутривестфальская: что происходит с государственным суверенитетом? Вторая – внешняя для Вестфальской системы мира: каково воздействие на эту систему «антивестфальских», то есть – негосударственных акторов?

Внутрисистемные проблемы. «Вестфаль» по происхождению – европеец и остается таковым и по сей день. Конфликтность (она же болезнь Вестфалья) заключается в том, что Вестфальская модель мира распространилась на «не-Европу». И по мере глобализации системы на первый план выдвинулся не принцип государственного суверенитета как таковой, а его внутреннее наполнение. Как обеспечить безопасное взаимодействие внутренне суверенных, но *разнородных* государств? Теоретически ответов на этот вопрос есть много. В политической практике явно возникает устойчивый феномен неполного или ограниченного суверенитета.

В упомянутой выше публикации О.Н. Барабанов и Д.М. Фельдман отмечают, что вестфальская модель – «это идеал, эталон отношений между государствами» (О.Н. Барабанов), но «эталон не в смысле “реально существующий образец”, а эталон как идеальный объект, абстракция, полученная в результате обобщения исторической практики межгосударственных отношений» (Д.М. Фельдман)³.

Добавим в данной связи, что суверенитет – это эталон европоцентристский, своего рода европейская единица измерения независимости участников межгосударственных отношений. За все время существования «Вестфалья» было немного субъектов в разных системах межгосударственных отношений, уровень суверенности которых был бы равен «1 Вестфалю». До этого показателя «дотягивали», например, участники «европейского концерта» в XIX в., СССР и США в эпоху блокового противостояния. Остальные вынуждены были по разным причинам довольствоваться той или иной формой «ограниченного суверенитета».

Явление «ограниченного суверенитета» возникло намного раньше, чем одноименная советская доктрина. Право на вмешательство во внутренние дела существовало уже в Венской системе международных отношений XIX в. Полного суверенитета не было у латиноамериканских государств: его еще в XIX в. фактически ограничивали доктрины Монро и Олни. Не обрели полного суверенитета и новые независимые государства, появившиеся в 1960-е годы в результате деколонизации. И, наконец, разной полноты суверенитеты получила другая группа новых независимых государств, сформировавшаяся в 1990-е годы в результате распада «социалистического содружества» и социалистических федераций. Пример самого последнего времени: суверенитет Сербии в начале 2008 г. никак не подобен суверенитету соседних с ней Словении или Хорватии.

³ «Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мертв...». С. 10.

После окончания холодной войны появились попытки своего рода кодификации «ограниченного суверенитета». Хронологически первая попытка такого рода – поиски обоснования силовой практики «гуманитарного вмешательства». Примером не-силового варианта является внешнеполитическое кредо Европейского союза (ЕС), сформулированное на рубеже XIX и XX веков: политика, основанная на ценностях («*values based policy*»)⁴ с присущим ей принципом «политической обусловленности» (*conditionality*).

«Внесистемные» проблемы «Вестфалья». Отрицанием государственно-центристской Вестфальской системы мира чаще всего считают «эффект глобализации» и фактор негосударственных акторов международных отношений. Есть соблазн теоретически преодолеть это отрицание, используя метод транссистемного подхода, предложенный проф. А.Д. Богатуровым⁵. Тогда получается, что новое – условно «анти-Вестфаль» – не отрицает старого, а создает свою собственную нишу в *конгломерате* политической организации мира, которая таким образом теряет свою системность, то есть – внутреннее единство. «Системное воспитание» (инерция системного подхода) от такого соблазна пока удерживает. Удерживает также и сегодняшняя реальность.

В самом деле, государственные границы становятся все более прозрачными для разных «потоков» (торговых, финансовых, миграционных, информационных и т.п.). Вместе с тем от суверенитета во внешней и военной политике пока не отказываются даже государства – члены Европейского союза, который намного дальше других продвинулся в области интеграции. Подписанный в конце 2007 г. Договор реформы ЕС (Лиссабонский договор) не оставляет на этот счет никаких иллюзий: общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ) и впредь будет согласовываться по межгосударственному принципу.

Далее, было бы в самом деле важно измерить и сопоставить политическое влияние государственных и негосударственных акторов на мировую политику (идея проф. О.Н. Барабанова в упомянутой выше публикации). Только тогда можно было бы корректно решить вопрос о мере доминирования каждого из них.

В целом пока приходится довольствоваться банальным выводом о том, что воздействие внешне «внесистемных» факторов на Вестфальскую систему мира еще только предстоит изучить и осмыслить. И только в процессе такого комплексного междисциплинарного изучения станет ясно, являются ли вышеуказанные факторы действительно внесистемными для «Вестфалья» или же они являются его внутренней особой составляющей.

Новейшие метаморфозы государственного суверенитета не дают оснований говорить о его эрозии. Хотя бы потому, что наряду с практикой силового вмешательства не менее распространена и практика добровольной (то есть *суверенной*) передачи части суверенитета наднациональным инстанциям.

Таким образом, прав Д.М. Фельдман, утверждающий что «больной скорее жив, чем мертв». Однако в долгосрочной перспективе открытым остается вопрос о характере болезни: является ли она болезнью роста или – болезнью заката.

В.М. Кулагин. Десять лет назад в ходе организованной МГИМО(У) международной конференции, посвященной 350-летию Вестфальской системы, я с энтузиазмом убеждал участников в «закате Вестфальской системы». Сегодня благодаря инициативе профессоров О.Н.Барабанова и Д.М.Фельдмана мы возвращаемся к этой проблеме, вооруженные конкретным опытом мирового взаимодействия за последние десять лет.

Насколько я понимаю, в центре дискуссии – вопрос о том, живем мы в новой системе, качественно отличающейся от Вестфальской, или в очередной подсистеме (ее часто обозначают словосочетанием «после холодной войны»), которая имеет свои особенности, как, например, Венская, Версальская, Ялтинско-Потсдамская (холодной войны), но сохраняет общие родовые системные признаки Вестфалья.

Под системой обычно понимают множественность элементов, находящихся во взаимодействии друг с другом и образующих определенное целостное явление, качественно отличающееся от других систем. В сфере политического взаимодействия мира речь идет об определенном наборе действующих лиц и политических процессов, характерных для той или иной системы. П.А. Цыганков определяет их как «акторы» и «факторы».

Что касается набора и характеристики акторов – государственных и негосударственных

⁴ Более подробно об этом принципе см.: Юрьева Т.В. Внешнеполитическое измерение ЕС: парадоксы и дилеммы // Космополис. М., зима 2004/2005. №4 (10).

⁵ См.: Богатуров А.Д. Современный мир: система или конгломерат? Опыт транссистемного подхода // А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталева. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002. Глава 6.

действующих лиц институтов, режимов, чему в основном посвящена дискуссия наших коллег, то здесь я в основном согласен с профессором Д.М. Фельдманом. Очевидно, что число и масштаб деятельности негосударственных акторов резко возросли, поле транснациональных взаимодействий расширилось, «приватизация» мировой политики (профессор М.М. Лебедева) продвинулась, национальные границы стали более проницаемыми, суверенитет государств существенно изменился. Но одновременно следует признать, что государство остается центральным актором мировой политики. Даже самое продвинутое в плане транснационализации региональное образование (ЕС) идет по пути «Европы государств», а не «Соединенных Штатов Федеральной Европы». Можно предположить, что и в глобальном масштабе новая государственность с новой суверенностью будет оставаться центральной формой организации мирового сообщества.

Здесь следовало бы отметить один ускользающий от внимания наших дискуссионтов факт, который имеет значение для второй части моих соображений. Я имею в виду то, что авторитарные государства в значительно большей степени, чем демократические, стремятся к сохранению Вестфальской государственности и суверенитета в неизменном виде. Кроме того, большинство негосударственных действующих лиц, особенно политического свойства, зарождаются и функционируют в демократических странах или в поле взаимодействия последних. Авторитаризм к негосударственности враждебен.

Тем не менее, можно предположить, что по критерию акторности мы остаемся в довольно специфичной подсистеме, сохраняющей родовую характеристику преимущественно государственно-центричной Вестфальской системы. Однако это только половина картины зарождающейся сегодня системности.

Более важной является ее «факторная» сторона – парадигма взаимодействия акторов мировой политики. Именно здесь происходят качественные изменения, кардинально отличающие сегодняшнюю систему от Вестфальской, да и от предшествовавшей ей имперской – завершается базирующаяся на принципах Фукидида и Гоббса эпоха силового господства, войн «всех против всех» между авторитарными государствами, на смену которой приходит эра взаимодействия буржуазно-демократических акторов по принципам «вечного мира» Канта в границах либерального проекта. Наглядным примером является качественное отличие алгоритмов взаимодействия, например, между Германией и Францией в Вестфальские времена и сегодня.

Качественная смена парадигм взаимодействия – не умозрительное предположение, вытекающее из абстрактной теоретической школы, а статистический факт, который пытаются осмыслить теоретики. Логика современного взаимодействия большинства акторов, как государственных, так и негосударственных, развивается по принципам мирной конкуренции и сотрудничества, рельефно материализовавшихся в отношениях между участниками либерального проекта, в частности, на поле Европейского союза.

Прежние принципы силовой конфликтности по логике «реалполитики» продолжают действовать между участниками либерального проекта, с одной стороны, и авторитарной периферией, с другой, а также между представителями последней.

В свое время Европа подарила миру Вестфальскую систему силового взаимодействия наций-государств. Но именно в Европе в рамках этой системы зародился либеральный проект мирного взаимодействия, освободившийся от предыдущей логики и распространившийся на другие континенты на Западе, Востоке, Юге. В этом плане не таким уж фантастическим выглядит гипотеза о «втором подарке» Европы – глобальном распространении мирного либерального проекта.

Сегодня либеральный проект охватывает более половины государств, более половины населения земного шара, подавляющее большинство негосударственных акторов, производит около 90% мирового валового продукта, является безоговорочным лидером в области высоких технологий. Несмотря на высокие темпы экономического роста некоторых стран авторитарного капитализма, обладание большей частью углеводородов, попытки «левого» популистского поворота, глобальный реванш авторитаризма в эпоху уже господствующего либерализма так же невозможен, как было невозможно повсеместное возрождение феодализма на заключительном этапе формирования капитализма.

В этом смысле «закат Вестфальской системы» по существу неминуем. Мы являемся свидетелями несколько затянувшегося «конца истории» этой системы.

М.М. Лебедева. Для меня Вестфальский мир представляет интерес прежде всего как основа современной политической организации мира, а следовательно, и тех проблем, с которыми мы сегодня сталкиваемся. Несомненно, есть доля истины (и, наверное, значитель-

ная) в том, что мы приписываем Вестфалю представления о национальном суверенитете, которые сложились после Второй мировой войны. Как бы то ни было, можно выделить ряд параметров, характеризующих политическую систему мира, в которой мы живем и истоки которой (пусть и в трансформированном виде) относятся к 1648 г. Во-первых, это **государство** в качестве своеобразной **структурной «единицы»** (по аналогии с молекулой в химии). Эти «единицы» могут различаться по своей внутренней организации – быть монархиями, республиками, иметь авторитарный или демократический характер и т.п., но «вовне» они выступают целостно в виде государств. Во-вторых, **совокупность государств** образует **систему**, что означает признание каждым входящим в нее государством взаимоотношений, построенных на принципе национального суверенитета и разработанном на основе этого принципа международном праве. Все это выстраивалось постепенно и с географической точки зрения (начиная с части Европы в 1648 г., заканчивая всем миром после крушения колониальной системы во второй половине XX в.) и с точки зрения разработанности международного права. В-третьих, и здесь я должна поблагодарить профессора Т.В. Зонову за указание на то, что изначально, а затем и на протяжении дальнейшей истории вплоть до окончания холодной войны, Вестфальская система выстраивалась на основе **баланса** сил или, в период холодной войны, баланса страха.

Следует подчеркнуть, что эти принципы и правила, конечно, на практике неоднократно нарушались. Но их нарушения не были равноценны кризису системы как таковой. Более того, скорее происходило противоположное: как только система давала сбои (самые серьезные сбои были в виде двух мировых войн), ее участники укрепляли систему, создавая международные организации и разрабатывая международное право, чтобы не допустить подобного в будущем. Насколько хорошо это им удавалось – отдельный вопрос.

Что же происходит, начиная со второй половине XX столетия?

Первое. Государства с политической точки зрения остаются главными, а с правовой – единственными структурными «единицами» политической системы, ставшей мировой. Однако одновременно наблюдается резкий количественный рост транснациональных акторов, которые действовали и ранее, но в принципиально иных масштабах, что стало возможным благодаря экономическому и научно-техническому развитию. Все это привело к качественным изменениям, в том числе к прозрачности границ, со всеми позитивными и негативными последствиями. Разумеется, государства начали предпринимать меры по предотвращению негативных последствий транснациональной активности. Эти меры оказывались в одних случаях более успешными, в других – менее, они активно поддерживались и также активно критиковались, как внутри государства, так и вне его (примером может служить принятия «Патриотического акта» в США после 11 сентября 2001 г.).

Что касается негосударственных ТНА, то они очень «пестрые» по своим мотивации, целям и т.д.⁶ Некоторые из них образованы государствами и являются «гибридными образованиями»⁷, другие – вполне комфортно себя чувствуют в рамках Вестфальской системы. Лишь очень немногие ТНА выступают против современного политического устройства мира (к ним можно отнести, например, «Аль-Каиду»). Но дело в том, что, действуя в своих частных интересах и не задумываясь о глобальных процессах (в этом смысле «приватизируя» мировую политику), они «размывают» государственно-центричную систему. Это выражается, по крайней мере, во все большей прозрачности границ, а также в том, что государства должны учитывать интересы этих акторов. Политика диверсифицируется, становясь порой более сложной, порой – хаотичной. Но в любой случае «чистота» государствоцентричности нарушается.

Второе. Увеличилось не только число негосударственных ТНА, но государств в рамках единой Вестфальской системы, что само по себе затрудняет различного рода согласования. Но главное даже не в этом. После распада колониальной системы к Вестфальской системе де-факто присоединилось большое количество государств, по сути разделяющих ее принципы лишь формально. В то же время к концу XX в. страны Евросоюза сделали существенный скачок в своем развитии, договорившись о наиболее чувствительной для любого государства сфере – единой внешней политике и политике безопасности. Можно критиковать деятельность ЕС в этой области, даже видеть сегодня там некоторые «откаты» назад по сравнению с недавним прошлым. Тем не менее, сам факт интеграции в этой области остается.

В результате этих процессов современная Вестфальская система оказывается состоя-

⁶ Подробнее см.: Лебедева М. Новые транснациональные акторы и изменение политической системы мира // Космополис. 2003. №3. С.28–38.

⁷ Зегберс К. Сшивая лоскутное одеяло... (Шансы и риск глобализации в России) // Pro et Contra. 1999. Т.4. С. 65–83.

щей условно из трех типов государств: вестфальских, до-вестфальских и пост-вестфальских, или государств модерна, премодерна и постмодерна⁸. Более того, в совокупности количество **не-вестфальских государств в государственно-центричной системе стало явно превышать вестфальские**. Пожалуй, в истории такое произошло впервые. Ранее к Вестфальской системе присоединялись невестфальские государства, но постепенно и без превышения «критической массы». Колонии же и целый ряд государств периферии и полупериферии в прошлом образовывали мир «Не-Вестфалья» с иными принципами взаимодействия.

Третье. Нарушились балансы, на которых держалась Вестфальская система. И нарушение произошло не только потому, что мощь государства теперь не сводится к военной силе. Профессор А.Д. Богатуров, например, выделяет пять областей, которые позволяют государству занять лидирующие позиции в мире⁹. Можно соглашаться с ним или спорить, добавлять новые области (например, образование, без которого невозможно продвижение в научно-технической сфере), но главное не в этом. Сегодня **уровень научно-технического развития** позволяет малому и слабому государству и даже небольшой группе людей нанести такой **ущерб** другим¹⁰, который ранее был под силу только государству-лидеру. Поиск и поддержание баланса силы или баланса страха в этих условиях теряет смысл.

Сохраняется ли сегодня Вестфальская система? Конечно. Ведь никто не отменял государство в качестве основного актора, национальный суверенитет, международное право. Но остается ли машина машиной, если она на ходу теряет рулевое управление, у нее отваливается колесо и перестают работать тормоза? Наверное, тоже остается, хотя очень не хотелось бы в ней в этот момент находиться. Безусловно, это метафора, выраженная к тому же в гротескном виде. Суть проблемы, как мне представляется, не в констатации существования Вестфальской системы в наши дни, а в другом: что надо делать, чтобы избежать катастрофы, если мы видим сбой в системе? Можем ли мы ограничиться «ремонтом» системы и ее совершенствованием, или она «отжила» свой век, и нам надо создавать новую?

К.П. Боришполец. Глубоко убеждена, что если бы Вестфаль как историческое событие (или несколько слитых друг с другом событий) не состоялся, то что-нибудь очень похожее обязательно придумали бы специально. Тот смысл, который мы сегодня вкладываем в хорошо известный термин «Вестфаль» – достаточно пластичен и способен отражать разные нюансы мирополитического бытия и даже его абсолютно противоположные друг другу качества. Благодаря Вестфалю и практики, и теоретики получили точку отсчета, некий пакет правил, с которыми можно сверять конкретные акции и тенденции. Такая универсальная разрешающая способность «вестфальского» феномена связана, вероятно, с тем, что он дал своим современникам и потомкам – а именно, освобождение от старых форм регулирования общественного бытия, свободу от потерявшей рациональную основу власти папы римского. Разрыв между словом и делом был если не полностью преодолен, то очень сильно сглажен. Сегодня мы можем наблюдать, как разрыв между высокими принципами (словом) и очень несовершенной международной практикой (делом) опять опасно нарастает. И хотя нет ответа на вопрос, будет ли в международной среде разрыв с Вестфалем так же драматичен, как с универсальной ролью папы римского, или эрозия продолжится постепенно, то, стихая, то, нарастая, несомненно, что международная система в настоящее время регулируется все менее эффективно. Вестфаль работает, поскольку вроде бы не найдено эквивалентного замещения этому «реле». Но, скорее всего, в момент, когда отказывались от реле в формате папы римского, новые механизмы и инструменты тоже были не до конца отлажены.

От чего же нам приходится отказываться сегодня? Что заступает ему на смену? Здесь уже говорилось об интеграции «мира, рожденного Вестфалем», и «мира, инкорпорируемого Вестфалем». Хотелось бы привлечь внимание к такому последствию их сближения, как расширение сферы традиционных общественных отношений в политической динамике. Сам факт высокой роли иных, нежели в развитых индустриальных странах и системах механизмов управления, которые часто определяются как неформальные, традиционные, патриархальные и т.п., давно признается. Они называются по-разному – клановость, nepотизм, клиентизм или мафия (хотя в данном случае обычно имеются в виду криминальные сообщества). Но суть явления остается неизменной – проявления альтернативных по отношению к пуб-

⁸ См., например: *Buzan B. From International to World Society? English School Theory and the Social Structure of Globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.*

⁹ *Богатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в международных отношениях / Международные процессы. 2006. Т.4. №3 (сентябрь-декабрь). С. 5–15.*

¹⁰ См., например: *Zimmerman P.D., Lewis J.G. The Bomb in the Backyard / Foreign Policy. 2006. November/December. P. 33–39.*

личным моделям норм общественной власти и влияния.

Сближение «Вестфалья» и «Не-Вестфалья» под флером взаимной адаптации повысило возможности групп интересов, действующих в «неформальном режиме». Наиболее успешные кланы и клиентелы из зоны развивающихся стран вписываются в элиты бывших метрополий, но сохраняют свой национальный багаж в виде собственности на родине. С молчаливого согласия принимающей стороны они используют эту собственность далеко не по правилам, установленным в индустриальном (постиндустриальном) социуме. Сидя на двух стульях, господа неформалы от мировой элиты чувствуют себя за редким исключением очень неплохо. С ними общаются, у них учатся. С другой стороны, даже в «старых демократиях» можно наблюдать всплеск клановости и клиентизма вплоть до высших этажей общественной пирамиды. Будет достаточно упомянуть только три громкие фамилии – Кеннеди, Буш и Клинтон – чтобы понять, что мода на конвертацию «семейных ценностей» в публичные интересы не прошла. Думается, что такая мода будет завоевывать все новые позиции потому, что кланы, клики, клиентелы и т.п. обладают способностями мобилизовать и вбросить в политический процесс большие массы «неучтенных», публично не контролируемых ресурсов. Актеры, умеющие использовать неформальные ресурсы власти и влияния, объективно повышают свои шансы по сравнению с теми, кто играет (вынужден играть) строго по писаным правилам.

Экстенсивное расширение «Вестфальского мира» запустило процесс эмансипации элит по обе стороны бывшей разделительной линии, эмансипации от сложившихся в каждом из разделенных в прошлом сегментов традиционных общественных сдержек и противовесов. И сегодня мы можем наблюдать, как новая глобальная элита интегрируется, стремится к самоорганизации, развивается, но при этом активнее всего строит свои отношения на неформальных контактах, связях и просто личных знакомствах. По большому счету, такая неформальная практика работает против «Вестфалья», вытесняя публичные и рациональные механизмы регулирования международного взаимодействия. Фактически она готовит почву для эпохи приватизации мировой политики, как в свое время «Вестфаль» подготовил почву для «приватизации» европейскими феодалами публичной власти в своих вотчинах.

Показать, чем чревата «приватизация» мировой политики, начавшаяся в контексте глобального распространения неформальных властных связей и отношений, хотелось бы на примере особенностей поведения клановых режимов в зоне развивающихся стран. Ранее в ряде публикаций¹¹ мне приходилось подробно анализировать этот феномен, поэтому хочу обратиться только к ключевым моментам.

1. Клановость политического режима отключает большинство массовых слоев населения от активного участия в принятии государственных решений. Этот процесс замыкается в рамках ограниченного круга лиц, представляющих интересы основных клановых группировок. Тем самым авторитарные методы управления, с помощью которых каждая из этих группировок ведет дела своей клановой корпорации, воспроизводятся на уровне верховной политической власти и превращают ее по существу в диктатуру олигархии.

2. Клановая дифференциация не ограничивается высшими слоями общества. Каждый клан, участвующий в реализации власти, опирается на разветвленную сеть клиентов в средних и низших звеньях социальной пирамиды. Но, помимо такой индивидуальной клиентелы, массовая база всех ведущих кланов включает в себя значительное число «коллективных вассалов», т.е. локальных ответвлений, обладающих частичной автономией. При этом жизнеспособность централизованной государственной власти за пределами краткосрочной перспективы обычно не может быть гарантирована, если межклановое взаимодействие не предоставит ей контроль по крайней мере над половиной населения страны.

3. Противоречивые последствия интеграции периферийных регионов в централизованную систему управления. Кульминация наступает чаще всего после включения правящих на периферии кланов в круг субъектов, принимающих общегосударственные решения. Это часто выливается в попытки смягчить демографическую нагрузку на периферии за счет центра, другими словами, развернуть его колонизацию. Поэтому, если новый уровень сотрудничества правящих кланов центра и периферии не будет подкреплён интенсивным экономическим развитием, он способен серьёзно ухудшить среднесрочные и особенно долгосрочные перспективы внутривластной стабильности.

4. Негативные последствия социальной мобилизации, опосредованной каналами клановых структур, могут отчасти сниматься с помощью функциональных институтов государст-

¹¹ См: *Боришполец К.П.* Кланов и политическая власть. // Азия и Африка сегодня. 1991, №2; *Боришполец К.* Политический клан. / Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 293.; *К.Боришполец.* Национальное измерение «глобального мира». / Политический ежегодник. 2005. Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития., М. 2006, 504 с. С. 129–153.

венной власти, например, за счет утверждения профессионального характера армии и административных служб. Вместе с тем и это не освобождает общество от клановых пут. Оно приходит даже к обратным результатам буквально спустя пять-десять лет после начала реформ. Разрастаясь, гражданская и военная бюрократия временно помогает бороться со старой клановой олигархией. Однако уже в среднесрочной перспективе клановость поражает ряды «профессионалов», и они превращаются либо в придаток старых клановых группировок, либо в самостоятельные клановые корпорации со всеми вытекающими для политического режима и страны последствиями.

5. Хроническая нестабильность всего общественного пространства. Нестабильность принимает особенно опасный характер, когда в конкуренцию и столкновения вступают кланы, добившиеся положения политического лидера в масштабах отдельного региона или этноса. Клан, утвердившийся в качестве коллективного этнического или регионального лидера, получает практически неограниченный контроль над крупными (и постоянно воспроизводящимися) людскими ресурсами.

6. Фактическая невозможность преодоления гражданского конфликта без массированного внешнего вмешательства и одновременно постоянная неустойчивость достигаемых перемирий. Клановая система, в рамках которой одна из группировок добилась решающего превосходства над другими, т.е. стала «первым, которому нет равных», постоянно стремится воспроизвести в рамках переговорного процесса идею монополии одной политической силы (собственную) на государственную власть, что, разумеется, несовместимо с достижением национального примирения в принципе.

7. Длительное историческое время, необходимое для восстановления мира. Как показывает опыт 1980-х – 1990-х гг., оно может растянуться на 10–15 лет, т.е. период, примерно соответствующий длительности самого конфликта. Причем критическим является период первых полутора – двух лет, когда в новых мирных условиях происходит значительная рокировка клановых сил, а также внутренняя реорганизация каждой из ведущих клановых группировок.

Напоминая об этих не очень вдохновляющих сюжетах из жизни клановых режимов, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что на мировом уровне складывается новая элита, чьи составляющие (группы) не связаны с общественными интересами национального (государственного) масштаба. По своим характеристикам они близки к неформальным группировкам кланового типа, которые широко распространены в развивающихся странах, но которые в различных инвариантах существуют и в странах развитых. Вероятность эмансипации новой элиты от «вестфальского регулирования» с последующим обращением к реалиям клановой борьбы нельзя не учитывать.

Д.М. Фельдман. Прежде всего я хотел бы поблагодарить всех, кто ознакомился с материалами дискуссии по поводу судеб Вестфальской системы между О.Н. Барабановым и мной и высказал свои суждения по затронутым в ней проблемам. Особая благодарность М.М. Лебедевой, организовавшей это обсуждение.

Полагаю, что высказанные мнения участников нашей встречи, приводимые ими аргументы очень полезны не столько для того, чтобы решить какой из профессоров ближе к истине – О.Н. Барабанов или Д.М. Фельдман, – сколько для главного: выработки ясного и правильного понимания сути проблемы, ставшей предметом сегодняшнего обсуждения. При этом, говоря о её «правильном понимании», я соглашусь с Ходжой Насреддином, о котором очень кстати здесь вспомнила М.М. Лебедева. Рассказанная ею история – это, по сути дела, схема поиска теоретических основ мировой науки. Ведь в роли спорящих, каждый из которых прав, побывали и Евклид с Лобачевским, и Ньютон с Эйнштейном, и сторонники волновой теории, спорящие с приверженцами корпускулярной теории и многие, многие другие. То, что эта история говорит и про нас, свидетельствует не только о том, что мы находимся в хорошей компании, но и о том, что наука о мировой политике становится «нормальной». Пусть даже и не в смысле Т. Куна, но зато в данном случае она вполне соответствует удивившимся в науке нормам развития знания и утверждение научной истины.

По существу, мы обсуждаем не Вестфальскую систему, а сосуществующие и конкурирующие теоретические модели этой системы. Пытаясь выявить специфические черты Вестфальской системы, характерные особенности её элементов и структуры, оценить её современное и будущее состояние, мы оперируем понятийными конструкциями, во многом заданными идейно-теоретическими установками, сформировавшимися у каждого из нас вне (а иногда и задолго до) предпринятого анализа. Неудивительно, что приверженцы безгосударственной организации всемирного гражданского общества – в либеральной, мар-

ксистско-коммунистической или анархистской её версии – фиксируют внимание, прежде всего, на признаках и симптомах ожидаемого или свершившегося «отмирания» государства, «эрозии его суверенитета» и «увеличивающейся проницаемости границ». Приверженцы разных «-измов» ищут (и находят!) надежные свидетельства неизбежно приближающегося осуществления своих проектов – будь то конец света, всемирный халифат или United States of the World.

Выступление в.М. Кулагина очень хорошо показало, что, признавая наличие одних и тех же явлений, ситуаций и процессов, разные исследователи осознают и концептуализируют их (и притом абсолютно честно!!!), в соответствии со своей теоретической моделью данного объекта, т.е. согласно сложившимся у них теоретическим представлениям, гипотезам. При этом эмпирическая, документально-историческая и любая другая база исследования предстаёт как набор явлений, хотя и реально существующих и признаваемых сторонниками иных моделей, но глубоко различающихся по сути и смыслу. Думаю, что обращение к историческому содержанию Вестфальской системы, её генезису и поиску аутентичной трактовки событий и документов, давших ей жизнь, вряд ли может предоставить решающие аргументы приверженцам их конкурирующих интерпретаций. Поэтому, установив, что закреплённый Аугсбургским миром 1555 г. принцип «*cuius regio, ejus religio*» способствовал секуляризации отношений между немецкими князьями, а договорённости 1648 г. в Мюнстере и Оснабрюке вели к расчленению Германии на суверенные государства, концу «Священной Римской империи германской нации», усилению Франции и означали начало истории конгрессов европейских государств, мы не намного приблизимся к признанию единственно правильным своего понимания (т.е. созданной каждым из нас модели) Вестфальской системы и её вероятного будущего.

Главный смысл этого утверждения состоит не в признании тщетности усилий доказать чью-либо правоту. Доказывать надо до тех пор, пока «спорящие», «прохожие» и не только бессмертный благодаря своей мудрости Ходжа, но и неизменно сопутствующий ему осёл, а также все прочие не придут к истине. Не менее важно указание на не вполне научную, точнее, нравственно-эвристическую сторону поиска истины. Господство или просто численное преобладание сторонников любого «-изма», научной парадигмы, теории или приверженцев каких-либо претендующих на истинность и правильность представлений в общественном мнении на страницах печати, во власти, в университетах и институтах – дело, как свидетельствует **вся** история науки, временное.

И как бы долго не тянулись эти времена для развития человеческого познания, несогласные и сомневающиеся, требующие доказательств и подтверждений оказываются более полезными, чем «единогласно поддерживающие» и «целиком разделяющие». Отсюда насущная для меня необходимость поддержки тех, чьи научные представления расходятся с моими. Даже не разделяя взглядов адептов популярных сегодня идейно-мировоззренческих «-измов», полагаю необходимым сказать, что резкая, зачастую доходящая до уголовно-политических обвинений критика либерально-демократических убеждений наших коллег во многом носит конъюнктурный характер. Она зачастую некорректна и вредит отечественной политической науке стремлением дискредитировать инакомыслящих. «Творческие» личности, семьи и коллективы, все вместе и поодиночке стремящиеся изобличить в злых умыслах ученых, работающих в рамках этой тысячелетней традиции, обогатившей человечество крупнейшими интеллектуальными достижениями, вряд ли вносят этим большой вклад в науку, чем сегодня уже безымянные борцы против представлений о вращении Земли, идей кибернетики или вейсманизма-морганизма. Полагаю, что высказанная здесь либерально-демократическая трактовка эволюции Вестфали, с которой я не согласен, не только полезна для дальнейших поисков истины, монополии на которую нет ни у кого, но и может быть более убедительно и доказательно обоснована её приверженцами.

О.Н. Барабанов. Прежде всего разрешите поблагодарить участников «круглого стола», проявивших интерес к выводам нашего диалога с профессором Д.М. Фельдманом, опубликованного в журнале «Международные процессы»¹², и добавивших к ним много ценных замечаний.

Необходимо отметить и важность самой формы диалога как жанра научного исследования. Несмотря на все наследие Сократа и Платона, данный жанр достаточно редко встречается в практике современной науки. Все мы знаем, как трудно написать статью в соавторст-

¹² Фельдман Д.М., Барабанов О.Н. «Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мертв...» // Международные процессы. 2007. Т. 5. №3. С. 104–113.

ве и свести воедино две самостоятельных точки зрения на проблему. Жанр диалога как раз и предоставляет такую возможность, позволяя четче сформулировать свою точку зрения, найти аргументы в ее подтверждение и признать наличие иной позиции, постулируемой со-автором. Поэтому я глубоко благодарен профессору Д.М. Фельдману за очень интересное и плодотворное научное сотрудничество.

Что касается нашей темы, то есть две изначальных предпосылки, которые накладывают свой отпечаток на изучение судеб Вестфальской модели мира. Первая – это достаточно серьезная разница школ. Те исследователи, которые принадлежат к традиционной, государственно-центричной школе международных отношений, часто просто «не видят» мировой политики за пределами государств и потому отказываются воспринимать аргументы в пользу динамизма поствестфализации мира – появления новых акторов, усиления самостоятельной роли международных организаций и глобального надгосударственного регулирования.

Вторая предпосылка – специфика политического момента и в России, и в мире, которая влияет на исследования мирового порядка. В условиях почти официальной сейчас на политическом уровне в России концепции суверенной демократии, исследования эрозии Вестфальской модели мира у нас стали своего рода неполиткорректными. И сейчас не то что нет политического заказа на эрозию Вестфалья, а есть совсем противоположный политический заказ – на т.н. «антипоствестфаль», на аргументирование незыблемости и укрепления суверенитета государств и т.п. Это также накладывает свой отпечаток и на научные дискуссии, и на академическую атмосферу в целом в нашей дисциплине.

Что касается ключевых проблем, которые обсуждались и в диалоге, и в ходе «круглого стола», то среди них можно выделить следующие. Первая – существует ли Вестфаль вообще и можно ли дать общепринятое определение Вестфалья. Не подменяем ли мы Вестфаль своего рода «ООНовской проекцией» Вестфалья, приписывая всей 360-летней системе принципы, по которым мировое сообщество жило только последние 70 лет. И не правы ли в этом смысле историки международных отношений, которые под Вестфальской системой понимают только давно ушедший в прошлое период 1648–1718 гг. и отказываются признавать ее генерализующий характер на весь последующий мир.

Вторая – есть опасность рассматривать Вестфаль исключительно лишь в контексте «игры школ». По этой логике, с точки зрения реализма Вестфаль был, есть и будет, пока существуют национальные интересы государств. Напротив, с точки зрения либерализма (особенно транснационального неолиберализма), усиление международного сотрудничества и его трансформация в надгосударственную интеграцию, появление новых акторов мировой политики и первых элементов глобального управления заставляют делать вывод об эрозии Вестфалья. Тем самым Вестфальская модель мира предстает не как объективный предмет для изучения, а как исследовательская фикция, как симулякр, если хотите.

Третья – это проблема регулятора в мировой политике (на что обратила внимание Т.В. Зоннова) – что именно им является: баланс сил между государствами или же наднациональные управленческие механизмы.

Четвертая проблема – если рассматривать Вестфаль в том числе как совокупность ценностей и идеологем, влияющих на мировую политику, то можно поставить вопрос и о телеологии (целеполагании) исторического процесса. И по аналогии еще с немецкими теоретиками истории XIX в. Йерингом и Вундтом воспринимать дух времени как реальный фактор развития и как реальный движитель мировой политики в будущее. И в этом духе времени эрозии Вестфальских принципов также отводится большое место.

Главное же, возвращаясь к выводам нашего диалога, по моему мнению, есть два угла зрения на анализ судеб Вестфалья. Они вполне согласуются с еще позитивистским, контовским пониманием того, что любой общественный процесс может быть изучен двумя путями – «историческим» (в его развитии и динамике) и «догматическим» (в его современной статике). Поэтому с «догматической» (в контовском смысле) точки зрения, когда мировая политика рассматривается как статичная картинка, превосходство идей суверенитета над иными формами организации миропорядка будет ощутимо. Но в исторической (и футурологической) перспективе, если рассматривать мировую политику 1990-х и 2000-х гг. в ее развитии применительно к предыдущему периоду и, что особенно важно, в ключевых векторах динамики этого развития, то нельзя не отметить, что эрозия предшествующих принципов организации мирового порядка приобрела качественно выраженный, а во многом и необратимый характер.